

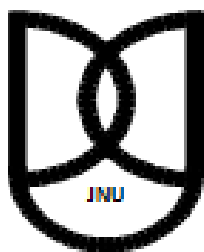
**Транскультурная идентичность в художественных произведениях
русской диаспоры: Андрея Макина, Владимира Каминера и
Гэри Штейнгарта**

**(Transkul'turnaya identichnost' v khudozhestvennykh proizvedeniyakh russkoy diaspory:
Andreya Makina, Vladimira Kaminera i Geri Shteyngarta)**

**Transcultural Identities in Contemporary Russian Diasporic Writings:
Works of Andrei Makine, Wladimir Kaminer and
Gary Shteyngart**

Thesis submitted to Jawaharlal Nehru University in partial
fulfillment of the requirements for the award of the degree of

Doctor of Philosophy

Submitted by: **Vishal Kumar Sinha**

Prepared in consultation with: **PROFESSOR RANJANA BANERJEE**

Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi – 110067
2017

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय
JAWAHARLAL NEHRU UNIVERSITY
रूसी भाषा केन्द्र
CENTRE OF RUSSIAN STUDIES
School of Language, Literature & Culture Studies
New Delhi-110067, India

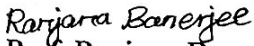
Dated: 20/07/2017

Declaration

I hereby declare that the thesis entitled “Транскультурная идентичность в художественных произведениях русской диаспоры: Андрея Макина, Владимира Каминера и Гэри Штейнгарта” “Transcultural Identities in Contemporary Russian Diasporic Writings: Works of Andrei Makine, Wladimir Kaminer and Gary Shteyngart”, submitted to the Centre of Russian Studies, School of Language, Literature and Cultural Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi-110067, for the award of the degree of Doctor of Philosophy, is an original work and has not been submitted so far in part or in full, for any other degree and diploma of any University.

VISHAL KUMAR SINHA
(Candidate)

We recommend that this thesis be placed before the examiners for the evaluation of the degree of Doctor of Philosophy.

Prof. Ranjana Banerjee

(Supervisor)

PROFESSOR
Centre of Russian Studies
School of Language
Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi - 110067

Prof. Meeta Narain

(Chairperson)

CHAIRPERSON
Centre of Russian Studies
School of Language
Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi - 110067 (India)

Acknowledgement

I wish to sincerely thank all those who have contributed in one way or another to this study. Words can only inadequately express my deep gratitude to my guide, Professor Ranjana Banerjee, for her meticulous care, kindness and generosity. Her fruitful comments and insightful suggestions have been a crucial formative influence on the present study. She has supported me in every possible way since the beginning of my research. Her critical and careful reading of my writing has saved me from a lot of errors. Without her guidance and encouragement, my research would have never come out in the present form. I have seen in her an unpretentious and devoted scholar. Furthermore, it has been a memorable and enjoyable experience for me to work under her supervision. As my teacher, supervisor and mentor she has taught me more than I can ever give her credit for here. She has shown me, by example, what a good scholar (and person) must be.

Special thanks to Centre of Russian Studies (SLL&CS, JNU, New Delhi) and Department of Russian Literature and Language of the Tomsk State University (Tomsk, Russia), for awarding me with a scholarship (2014-2015) to visit Russia for my research work. My sincere thanks also to University Grants Commission (UGC) for providing me with financial aid meant for research scholars.

Grateful acknowledgments are also due to Miss Anastasia Olegovna Burkun, Miss Anna Sergeevna Voroshilova, Dr. Indu Shekhar and Dr. Abhimanyu Sharma for their valuable suggestions and incessant support.

Last but not the least; I would like to thank my family: my parents and my brothers and sister for supporting me spiritually throughout writing this thesis and my life in general.

Vishal Kumar Sinha

Содержание

Введение.....	01 - 32
Глава 1 : Литература русской диаспоры: первая и вторая вольна эмиграции	33 - 58
Глава 2: Третья и четвёртая вольна русской эмиграции	59 - 79
Глава 3 : Изображение транскуьтурной идентичности в романе Андрея Макина “Французское завещание”	80 - 107
Глава 4 Транскуьтурная область в повести Владимира Каминера “ Russendisco”	108 - 129
Глава 5 – Транскуьтурализм и повесть Гэри Штейнграта “Приключение русского дебютанта”	130 – 150
Заключению.....	151 - 160
Библиография	

Введение

В наше время когда воздействия и вызовы глобализации все более и более расширяются и телекоммуникационный и сетевой взрыв проникают даже в узкий спектр человеческой жизни и деятельности, и ещё когда расстояние и связь находятся в самой парадоксальной позиции, внимание теоретиков, социологов и культурологов еще раз приковано к вопросам и дискуссиям, связанным с определениями идентичности – и национальной, и культурной, поскольку устаревшие статичные размышления и определения не соответствуют современной действительности. Для того, чтобы успешно преодолевать быстрый и часто колеблющийся темп развития нынешней действительности необходимо такое определение, которое считает в себе не только многоплановость и разнообразие культурной постановки современных обществ, но и подчеркивает присущую ей переходность. В противовес общепринятому единому восприятию культуры и идентичности было выдвинуто понятие «мультикультурализма», однако оно тоже не вполне подходит и не решает сложные вопросы культурной постановки современных обществ. Намекая на разно-культурный состав общественного уклада, понятие “мультикультурализма” не включает в себя важную составляющую - переходность культурной и межкультурной деятельности. Чтобы преодолеть существенные недостатки предыдущих понятий, было сформулировано понятие «транскультурализма», считающее в себе межкультурный характер и переходность современного общества. Настоящая работа, как следует из названия, представляет собой поиск и последующий анализ изображения этой же транскультурной идентичности в произведениях писателей современной русской диаспоры, т. е. предполагается рассмотрение и всесторонняя проработка проблематики транскультурной идентичности, как с точки зрения наличия исследовательских возможностей, так и её ограниченности. Вопрос существования и исследования культурной идентичности и идентичности вообще, становятся наиболее значимым и сложным, когда попадает в исследовательское поле представителей диаспоры, поскольку диаспора всегда несет с собой сложное многогранное культурное

сооружение (т.е. совокупность культурных знаний, традиций, особенностей). Диаспора переносит с собой своеобразное культурное наследие, вкладываемое либо общей культурой памяти, либо страной происхождения. Однако, в ежедневную жизнь диаспоры глубоко проникает межкультурное воздействие новой среды. Из-за коммуникационной революции и резкого повышения темпа мобильности в современных обществах, традиционные определения диаспоры, в том числе культуры, и идентичности, осложняются и значительно расширяют свои границы. Главной задачей данной работы является анализ воздействия транскультурного процесса на развитие и постижении культурной идентичности русской диаспоры. Источниками анализа послужило художественное творчество трех писателей - *Гари Штейнгарта, Владимира Каминера и Андрея Макина*, которые в данном случае представляют три разных общества современной русской диаспоры в трех разных странах: США, Германии и Франции.

В истории СССР и Российской Федерации было три волны эмиграции. Первая волна эмиграции возникла в результате Русской революции, когда многие покидали свою родину, надеясь на краткосрочность революции и скорее возвращение домой. Относительно хронологических рамок образования второй волны среди исследователей существуют разногласия, однако, большинство склоняются к мнению, что происходила она в годы Второй Мировой Войны. Третья волна русской эмиграции состоялась в первой половине 1970-х годов, когда Брежневская администрация смягчила миграционную политику по отношению к евреям. Некоторые ученые выделяют четвертую волну, вытекающую из третьей, считая ее появлением следствием распада Советского Союза. Эти эмигранты расселились в разных странах мира, прежде всего, в Европе и Америке. Однако было несколько постоянных центров, где оседали иммигранты четырех волн. Этими центрами были Германия, Франция, Израиль и США. Ввиду волн русской эмиграции, в этих странах появились мелкие русские общины, которые, впоследствии образовали российскую диаспору. В второй и третьей главах данной работы подробно рассматриваются четыре волны русской эмиграции и их литературное наследие, характерные черты русской диаспоры, так же тесно связанный с исследованием вопрос культурной идентичности в исторической перспективе.

Каждая диаспора имеет отличительные характеристики, но исследователи выделяют ряд черт, которые в большей степени присущи или свойственны всем диаспоральным обществам. На протяжении времени диаспоральные исследования подвергались значительному изменению, расширялось само- восприятие диаспоры. Коротко рассмотрим общее представление развития диаспоральных исследований, для того чтобы выявить, какие из имеющихся черт проявляются в русских диаспорах. Понятие «диаспора», в её традиционном значении, была использована в изучении еврейского переживания миграции, к которому, была добавлено еще и греческая диаспора. Диаспоральные исследования получили распространение в 1960-70 годах, однако существенное развитие в данной сфере относится, преимущественно к 1990 годам. С этого времени подобные исследования начинают все чаще привлекать внимание теоретиков и исследователей, в результате чего, оказываются одним из самых популярных и быстро развивающихся сфер гуманитарной науки. В современном диаспоральном исследовании принято рассматривать развитие разных ступеней и стадий в изучении диаспоры.

Робин Коэн, знаменитый исследователь по диаспоре и автор книги "**Глобальные диаспоры: Введение**¹" достаточно подробно разбирает три ступени в развитии диаспоральных исследований:

- Первая, использовала понятие «диаспора» в её традиционном значении, и сначала было направлена только на изучение еврейские переживания миграции. С 60-х и 70 –х гг. XX в. восприятие «диаспоры» расширяется и в традиционную группу диаспор, и включаются еще и африканская, армянская и ирландская диаспора. Все представители этой группы, которую Робин Коэн называет «пострадавшая диаспора» были вынуждены оставлять свою родину из-за определенных травмирующих событий. В этом отношении исследователям нелегко отличать вынужденный выезд из родной страны от добровольного выезда. Коллективная память о родине, из которой была выгнана определенная этническая, религиозная или национальная группа, также играет значительную роль в традиционном определении диаспоры.

¹Cohen Robin. Global Diasporas: An Introduction (second ed.). London.NY.: Routledge. 2008.

- Вторая ступень развития диаспоральных исследований начинается в 1980-х годах. В данный период круг значений понятия “диаспоры” значительно расширяется. Развернутое определение диаспоры имело “метафорическое значение” и включало в себя разнообразные группировки – эмигрантов, беженцев, экспатриантов, политических эмигрантов (жертв политических репрессий), этнических и религиозных меньшинства. С точки зрения развернутой характеристики диаспоры значимой считается статья Ульяма Сафрана в самом первом номере журнала «Диаспора». Ульям Сафран выделял ряд базовых черт членов диаспоры:

- ❖ они или их предки подверглись отделению от некоего изначального «центра» в два и более «периферийных» региона страны или за границу;
- ❖ они сохраняют коллективную память, образ или миф об исторической родине — о ее местонахождении, истории и достижениях;
- ❖ они полагают, что никогда не будут полностью признаны принимающей их страной, и поэтому испытывают чувства изоляции и отчуждения;
- ❖ они рассматривают страну предков как истинный, идеальный дом, куда они или их потомки обязательно вернуться, как только позволят обстоятельства;
- ❖ они верят в необходимость коллективной работы над сохранением и возрождением своей исторической родины, над ее безопасностью и процветанием;
- ❖ они продолжают — прямо или косвенно — поддерживать связи с исторической родиной, и их этно-коммунальная идентичность и солидарность во многом базируется на существовании подобной связи»².

Робин Коэн предлагает дополнить данный перечень черт четырьмя дополнительными характеристиками:

²Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Spring. 1991

- ❖ Те группы, которые отделяются добровольно или по вынужденным причинам, насильно, должны быть включены в категорию диаспоры.
 - ❖ Должен пройти достаточный период времени, прежде чем любое сообщество может быть охарактеризовано как диаспора. Для этого должна быть прочная связь с чем-то мешающим ассимиляции в прошлом, настоящим и будущем.
 - ❖ Следует признать положительные аспекты диаспоры. Например, напряженность между этническими, национальными и транснациональными идентичностями может стать творческим импульсом.
 - ❖ Диаспоры не только формируют коллективную идентичность в месте поселения или о своих родинах, но и имеют общую идентичность с членами одних и тех же этнических общин в других странах³.
- Третья ступень в развитии диаспоральных исследований начинается к середине 1990-х гг. К этому времени изучение диаспоры становится чрезвычайно популярным, однако под влиянием постмодернизма некоторые теоретики и исследователи старались различать базовые компоненты традиционного определения диаспоры – родина и этнические/религиозные сообщества. В этот период характерным оказывается “дитерриториальное” воображение диаспоры, т.е. оспариваются конкретные восприятия понятие “Родины”
 - Четвертая ступень связана с переутверждением кроение компоненты традиционного определения диаспоры. Исследователь Роджерс Брубекер утверждает, что, несмотря на значительное расхождение в традиционных и современных представлениях о диаспоре, можно выделить три главных компонента: рассеивание (вынужденное или добровольное, чаще всего за пределы одной (своей) страны); ориентация на родину (родина может быть как реальной, так и воображаемой) и поддержка границы (процесс, с помощью которого групповая солидарность поддерживается и мобилизуется⁴).

³ Cohen Robin. Global Diasporas: An introduction, 2nd ed. London, New York : Routledge, 2008.

⁴Brubaker Rogers. 'The "diaspora" diaspora'// Ethnic and Racial Studies. 28(1).

Причины рассеивание и представления о родине способствуют созданию коллективной памяти у представителей диаспоры, которая в последствии формирует чувство отчуждения между диаспоральными сообществами и обществом принимающих стран. Так как коллективная память становится главным компонентом культурной идентичности диаспоры и связана с конкретными причинами рассеивания и общими представлениями о родине, она понимается некоторыми исследователями как статичным. Из-за подобного представления, хотя бы неправильное, некоторые отрасли общественной науки имеют сопротивление к восприятию понятия диаспоры в своих исследованиях. Например, антропология следующим образом интерпретируют понятие “диаспора”:

“In order to better understand anthropology’s reluctance to embrace the concept of diasporas, one must observe more closely some of the threats it poses to social scientists’ assumptions in general and especially to those of anthropology, which are particularly vulnerable. In general, diaspora emerges as a powerful counterpoint to prominent theoretical concepts regarding cultural groups in anthropology. Anthropologists who work with postmodernist and post-structuralist approaches call (in different voices and in various ways) for an understanding of situated, multivocal, and/or hybrid group identities. Numerous studies, however, stress that diasporas work to crystallize identity and solidarity among their members (mainly through identification with a desired homeland). According to these studies, it appears that diasporas repudiate disintegration, or at least resist multifaceted group and individual identities(Levy 137-157)⁵.”

Хотя бы в действительности, это не совсем так. Мы уже отмечали, что в третьей ступени развития диаспоральных исследований переоценены и переработаны некоторые традиционные компоненты диаспоры. Например, родина теряет свою конкретную

⁵О потенциале развития антропологических исследований диаспором.,например:LevyA. Diasporas through Anthropological Lenses: Contexts of Postmodernity // Diaspora. 2000. № 9 (1). P. 137–157.

географическую обложку, и понимается как пожелание вернуться на родину. Автор книги “Картография диаспоры”, Автар Брах, отмечает:

“Where is home? On the one hand, ‘home’ is a mythic place of desire in the diasporic imagination. In this sense it is a place of no return, even if it is possible to visit the geographical territory that is seen as the place of ‘origin’. On the other hand, home is also the lived experience of a locality. Its sounds and smells, its heat and dust, balmy summer evenings, or the excitement of the first snowfall, shivering winter evenings, sombre grey skies in the middle of the day... all this, as mediated by the historically specific everyday of social relations.

..... The concept of diaspora places the discourse of ‘home’ and ‘dispersion’ in creative tension, inscribing a homing desire while simultaneously critiquing discourses of fixed origins(Brah)⁶.”

Несмотря на то, что внимание современных ученых, занимающихся исследованием диаспор, по-прежнему приковано к традиционным компонентам определения диаспоры, тем не менее, эти традиционные компоненты в ходе своего развития значительно изменились и стали содержать в себе дополнительные значения. В ходе данного исследования мы рассмотрим не одно традиционное определение, а их совокупность. Первая волна русской эмиграции, безусловно, относится к традиционному определению диаспоры, однако для изучения второй, третьей и четвертой волны русской эмиграций необходим более широкий и подходящий контекст восприятия понятие диаспоры. Традиционное определение диаспоры, как мы уже отметили имеет свои ограничения. Например, исследовательница армянской диаспоры в Германии, Анна Арутюнян оспаривает понятия единой исторической родины, этничности и глобальной диаспоры, противопоставляя им аналитические категории «эмоциональных мест», культурных идентичностей и локального «общин-

⁶BrahAvtar. Cartographies of Diaspora: Contesting Identities. Psychology Press.1996

ного пространства». Она рассматривает некоторые проблемы с традиционным определением диаспоры:

“There are a number of problematic aspects within contemporary Diaspora theory. First of all, the classical theoretical definitions present clear criteria for which groups can or cannot be Diasporas. Traumatic dispersal, longing for and belonging to an ancestral homeland, collective knowledge of the ethnic identity, alienation from the host society and the wish to return to the lost places of the ancestors. <...>The two fundamental concepts for Diaspora studies are the notions of dispersal and common ethnic origin. The collective story, often based on a traumatic (hi-) story from the ancestral homeland, becomes an important component of Diaspora identity. But what additional information can be gathered about a particular group by applying these two descriptive concepts? What type of dispersal qualifies the group to be labeled a Diaspora? How can Turkish Gastarbeiter(guest workers) of Armenian origin, those who continued living in Turkey after the Armenian massacres in 1915 and were the founding members of the Armenian community in Berlin, qualify as a part of the Armenian Diaspora? Can a group which has not been dispersed (such as in the case of Turkish Armenians in Turkey) or a group whose memory of dispersal has already been transformed into symbols and rituals (such as in the case of Polish Armenians) be given the Diaspora label? How can today’s generations of Polish Armenians, whose ancestors migrated from the Ottoman Empire or from Crimea or Walachia to the Polish Kingdom back in the eighteenth century or even earlier be called a Diaspora group and belong to the Armenian Diaspora(Harutyunyan)?”

Более гибкое представление о родине и причинах рассеивания с одной стороны расширяет круг проблематики исследований диаспоры, упрощая решение нашу

⁷Harutyunyan Anna. Challenging the theory of Diaspora from the Field. Sonderforschungsbereich.2012

проблему, но с другой стороны осложняют ее. В частности, значительно осложняется проблема определения культурной идентичности диаспоры, потому, что культурная идентичность любой диаспоры зависит от её общения с обществом принимающей стороны. Общины диаспоры одного и того же происхождения могут по-разному реагировать на воздействие принимающей страны-резидента.

Вопросы, связанные с культурной идентичностью, являются достаточно сложным, поскольку оба компонента – культура и идентичность – сочетают в себе ряд сфер и имеют многоплановое содержание. Сначала рассмотрим эти понятия изолированно, и, следовательно, мы будем рассматривать в контексте диаспоры и диаспоральных исследований.

Культура

Понятие культуры значительно сложное и охватывает все стороны человеческой деятельности, причем со течением времени оно все более осложняется. Подчеркивая сложность термина "культура", и его восприятие- Реймонд Уильямс утверждает, что культура это одно из трёх самых сложнейших слов английского языка⁸. Сложность данного термина связана, отчасти, с осложнением развития самого термина, а, отчасти, с зависимостью от разнообразных употреблений его в современности, из-за которой "культура" становится значимым понятием ни в одной сфере. Так, сложность данного понятия определяется обширным спектром значений, который в настоящее время все более и более расширяется, и начинает охватывать все стороны человеческой жизни. Для того, чтобы понять содержание культурной идентичности, обратимся к некоторым определениям культуры. Среди разнообразных значений, вложенных в понятие 'культура', Терри Иглтон выделяет следующие:⁹

- 1) Корпус художественно-эстетических работ,
- 2) процесс духовной и интеллектуальной развития,
- 3) обряды, веры, и другие символические обычаи человеческой жизни, и

⁸Williams Raymond. Keywords: A vocabulary of culture and society. New York: Oxford University Press.1983. p.87.

⁹Eagleton Terry. Culture. New Haven, London: Yale University Press.2016.

4) образ или склад человеческой жизни.

С одной стороны, культура как корпус художественно-эстетических работ и деятельностей представляет собой более конкретное, но и, в то же время, значительно ограниченное определение, которое в свою очередь сильно отличается от восприятия культуры как процесс развития или образ человеческой жизни. С другой же стороны, восприятие культуры как образ или уклад человеческой жизни оказывается слишком обширным. В отличие от других определений культуры, её восприятие как корпуса художественно-эстетических работ и деятельностей оказывается, преимущественно, материальным, однако этот корпус в некотором роде представляет собой продукт и достижения социального и духовного развития человеческой цивилизации. Это не только продукт, но и некий знаменатель общественного развития. В этом значении современное восприятие культуры совпадают с изначальным значением слова, которое оно обозначало, а именно – “разведение” или “культивация”.¹⁰ Разные ступени общественного развития в совокупности объединены понятием цивилизации, которое, иногда, совпадает с понятием культуры. В действительности, это не совсем так. Данное сближение происходило в период индустриализма, при котором употребление понятия культуры получило широкое распространение. Терри Иглтон пишет:

“It is industrial civilisation, then, which helps to bring the idea of culture to birth. The word ‘culture’ did not become widely current until the nineteenth century. The more everyday experience seems soulless and impoverished, the more an ideal of culture is promoted by way of contrast. The more crassly materialistic civilisation grows, the more exalted and otherworldly culture appears. Middle-class citizens of Berlin and Vienna began to dream of the unblemished organic society of ancient Greece. Culture and civilisation now seemed to be at loggerheads. The former is a

¹⁰Рассмотрите: Williams Raymond. Culture // in Keywords: A vocabulary of culture and society. New York.: Oxford University Press. 1983; Hingmore Ben, Culture. London and New York.: Routledge. 2016.

Romantic concept, while the latter belongs to the language of Enlightenment(Eagleton)¹¹.”

В настоящее время культура и цивилизация представляются как антитезисы друг друга. Цивилизация, прежде всего, связана с научными достижениями и развитием человеческого общества, а культура, в данном случае, имеет символический характер. Объясняя этот антитезис через простой пример почты, Терри Иглтон пишет:

“Roughly speaking, mailboxes are part of civilisation, but what colour you paint them (green in the Republic of Ireland, for example) is a matter of culture¹².”

В области современной культурологии и других общественных наук под культурой чаще всего понимаются третье и четвертое определения, обозначенные Терри Иглтоном. Культура как образ или уклад человеческой жизни включает в себя символические обычаи, в связи с чем воспринимаются как традиции. Эти традиции впервые появляются с наследством, которое мы получили от своих предков. Это значит, что корни культуры находятся в прошлом. На данный момент традиции или культура как образ или уклад воспринимается в качестве определенного образца или модели, которые повторяются во многих сферах нашей деятельности.

“Across the twentieth century there has been a powerful association of the word culture with the idea of ‘pattern’. <...> Culture in this sense is related to habit (what people do habitually in response to events, to the seasons, to everyday activity) and to symbolism (what such practices stand for, what they symbolise)¹³.”

¹¹Eagleton Terry. Culture. New Haven, London: Yale University Press,2016.

¹²Там же

¹³Ben Hingmore, Culture, edition (London, New York: Routledge, 2016).

Бен Ниндхморе в этом отношении цитирует теоретика Рутха Бендихта, работа которого «Модель культуры» (PatternsofCulture) впервые появляется в 1934 году и в этом отношении оказывается значимым. Рутх пишет, “The life-history of the individual is first and foremost an accommodation to the patterns and standards traditionally handed down in his [or her] community. From the moment of his birth the customs into which he is born shape his experience and behaviour.

Таким образом, восприятие культуры как совокупности традицией, веры, обрядов, обычаев с явной ссылкой на прошлое, ни в коем случае не становится статичным. Культура означает не только поддержка традиции, но и еще поиск новых значений, ибо создание общества - это бесконечный процесс, который некогда не будет завершен. Объясняя эту двойственность значений культуры, Ремонд Уильямс пишет

“A culture has two aspects: the known meanings and directions, which its members are trained to; the new observations and meanings, which are offered and tested. These are the ordinary processes of human societies and human minds, and we see through them the nature of a culture: that it is always both traditional and creative; that it is both the most ordinary common meanings and the finest individual meanings. We use the word culture in these two senses: to mean a whole way of life – the common meanings; to mean the arts and learning – the special processes of discovery and creative effort. Some writers reserve the word for one or other of these senses; I insist on both, and on the significance of their conjunction(Williams).”

Все эти определения культуры существуют в рамках определенной культурной группы. Таким образом, одним из главных компонентов культуры становится коллективность. Обращаясь к культуре, мы имеем дело с культурным обычаем, а именно, верой, обрядами, традициями, культурными и духовными вызовами, художественно-эстетическими практиками определенной социальной группы. К коллективности культуры неоднократно обращался Лотман:

By the time he can talk, he is the little creature of his culture, and by the time he is grown and able to take part in its activities, its habits are his habits, its beliefs his beliefs, its impossibilities his impossibilities. Every child that is born into his group will share them with him, and no child born into one on the opposite side of the globe can ever achieve the thousandth part”.

“Культура, прежде всего, — понятие коллективное. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее, по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное(Лютман).”

Указывая на то, что культура – коллективное понятие, необходимо отметить, что, в отдельных и редких случаях можно говорить о культуре одного человека. Однако, в подобных случаях мы обращаемся к одной личности, являющейся представителем или продуктом определенной культуры, которая по-прежнему остаётся коллективной. Обратившись к экзистенциальным тенденциям романтизма и других литературных течений, мы обнаруживаем, что сложная индивидуальная личность главного героя, как правило, опирается на корни национальной культуры. Соответственно, восприятие индивидуальной личности романтиков определяется их своеобразным пониманием народа. Концепция личности достаточно сложная, поскольку нам известны индивидуалистические отклики романтического искусства. Об этом мы подробно будем говорить во второй главе. Полемику индивидуального и коллективного можно охарактеризовать следующими словами Г. А. Гуковского:

“Романтизм понял — в его революционном течении — характер человека как личное, индивидуальное проявление характера народа, нации, своеобразной индивидуальности народа. Нация в романтизме выступила как некая индивидуальность, а совокупность человечества не как единство, а как конгломерат индивидуально-определенных национальных характеров, замкнутых, несмешиваемых и неизменяемых...

....Принцип индивидуализма, антиколлективизма, нежелание увидеть и понять единство общего (человечества), свойственные романтизму с его представлением об обществе не как об единстве, а как об анархии абсолютно свободных личностей, торжествовал и здесь, в применении к народу, нации, понимаемой также не как коллектив, единство, а как личность, безразлично повторенная в множестве личностей данного народа¹⁴.”

¹⁴Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Издательство «художественная литература». 1965.

Культурная обстановка современных обществ

Культура как цельный вклад человеческой жизни включает в себя все сферы материальной и символической человеческой деятельности, что осложняет попытку познать ее сущность. Упомянутые нами ранее определения культуры рассматривают культурную обстановку различных социальных слоев в общей социально-культурной перспективе, иными словами, люди старались постичь сущность культуры, воображая мир в некой социальной совокупности. Подобное восприятие осложнено тем, что, мы подвергаем критике сложный и многогранный уклад современных обществ. Современные общества (здесь общество употребляется в значении определенной социальной группы) в контексте общественного уклада любого времени, состоят из самых разнообразных группировок, которые несут за собой своеобразное культурное наследие. С развитием техники, мобильности, коммуникации культурная установка наших обществ чрезвычайно усложнилась. Чтобы отчетливо понимать сложное культурное устройство наших обществ, теоретики предлагали разнообразные модели культуры: “мультикультурализм” “интеркультурализм” “транскультурализм”. Теория единой культурной установки давно отвергнута теоретиками / культурологами.

Главной характеристикой современной социальной установки (и социальной установки любого времени вообще) является разнородность. Разные, социальные, политические, религиозные, этнические и другие группы слоев общества взаимодействуют между собой. На каждом этапе социальной установки происходит межкультурная коммуникация и каждая культура приобретает новое значение, о чем пишет Уильямс, объясняя, что каждая культура ищет и стремится к новым значениям. Таким образом, культурная установка обществ лишена статичности и характеризуется гибкостью и подвижностью. Представители гуманитарных наук и культурологии в частности, указывают на наличие плюралистической культурной традиции социальной установки с прошлых времён, однако, данное мнение получило закономерность только с развитием глобализации, когда научные и социально-политические изменения стали наиболее ощутимы. Социально-политическая и культурная диверсификация современных обществ, вместе с ее многосоставным устройством оказалась явной, и гетерогенность общественных сословий была признана приверженцами

мультикультурализма. Обращаясь к сложным вопросам многосоставности и множественности культур и идентичностей (об идентичности речь пойдет далее), мультикультуралисты, прежде всего, стремились к утверждению равноправия различных культур, и с этой целью ими были выдвинуты различные модели:

“В качестве реализации данных проектов можно фиксировать попытки внедрения различного рода моделей, таких, как северо-американская модель, основанная на идее включения культур различных этнических и расовых групп и партиципациальных сообществ; канадско-австралийская модель, базирующаяся на декларировании многоплоскостных форм добровольных контактов множественных этнических сообществ, вынужденным образом оказавшихся в едином географическом пространстве и предпринимающих попытку создания немонолитной культуры; модель европейская, ориентированная на сосуществование ряда равноправных национальных культур¹⁵.”

Теория мультикультурализма была выдвинута в противовес теории единой культуры. Понятие "мультикультурализма" стали употреблять в исследовательских работах и теориях, посвященных изучению культурного устройства современных обществ с целью усиления познания плюралистической сущности культурной обстановки. Теория единой культуры появилась в конце XVIII века. Главным основоположником данной теории был философ Готфрид Гердер. По мнению Вольфгана Вельша, знаменитого теоретика транскультурализма, «гердеровское» понятие культуры включает в себе следующие три главных компонента, которые

¹⁵Например: Beyond Comfort Zones in Multiculturalism: Confronting the Politics of Privilege / Ed. Sandra Jackson and Jose Solis — Westport, 1995. — 272 p.; Cultural Diversity in the United States / Ed. Larry L. Naylor. — Westport, 1997. — 380 p.; Fernandez R. America's Banquet of Cultures: Harnessing Ethnicity, Race, and Immigration in the Twenty-First Century — Westport, 2000. — 258 p.; Smolicz J. J. Multiculturalism and Core Values in Australia / J. J. Smolicz // KVB Backgrounders. — 1999. Цитировано в — Гафарова Ю. Ю. Мультикультурализм, транскультурность и «новое» понятие культуры // Фундаментальные проблемы культурологии. Том VII: Культурное многообразие: теории и стратегии. — М., СПб.: Новый хронограф, Эйдос. 2009.

никак не способны определить многосоставную, плюралистическую культурную составляющую устройства современных обществ:

“Во-первых, каждая культура рассматривается всегда как культура национальная, существенным образом разнящаяся от иной национальной культуры. Во-вторых, она гомогенна. Любые практики, формы поведения и способы мышления, существующие в ее границах, представляют собой некоторый инвариант с незначительными вариациями. В-третьих, локальная культура в гердеровской концепции выступает как обособленное от других монолитное единство, которое может быть описано через метафору «сферы»¹⁶.”

В содержательном плане теория мультикультурализма, как правило, представляет собой некое своеобразное культурное пространство, которое тесно связано с плюрализмом, т. е. наличием разнообразных культурных установок в одном социально-политическом пространстве. Однако, признавая разнородность социальной установки, нельзя включать в нее гибкость и подвижность культурной установки, и именно поэтому оказывается не подходящим. Мультикультурализм рисует нам картину социальной установки, в которой разные культуры не только находятся вместе, но и коммуницируют друг с другом. Вольфганг Вельш подчеркивает данный недостаток теории мультикультурализма:

¹⁶Welsch W. Transculturality: The Puzzling Form of Cultures Today / Welsch W. Spaces of Culture: City, Nation, World / Ed. M. Featherstone and S. Lash. — L., 1999. — P. 194-213. Он предлагает, что The concept is characterized by three elements: by social homogenization, ethnic consolidation and intercultural delimitation. Firstly, every culture is supposed to mould the whole life of the people concerned and of its individuals, making every act and every object an unmistakable instance of precisely *this* culture. The concept is unificatory. Secondly, culture is always to be the "*culture of a folk*", representing, as Herder said, "the flower" of a folk's existence (Herder, 1966: 394 [13, VII]). The concept is folk-bound. Thirdly, a decided *delimitation* towards the outside ensues: Every culture is, as the culture of one folk, to be distinguished and to remain separated from other folks' cultures. The concept is separatory.

“It takes up the problems which different cultures have living together within one society. But therewith the concept basically remains in the duct of the traditional understanding of culture; it proceeds from the existence of clearly distinguished, in themselves homogeneous cultures, the only difference now being that these differences exist within one and the same state community¹⁷.”

Недостатки теории мультикультурализма так же во многом определяются дальнейшим развитием модернизации (modernity) и глобализации. С развитием глобализации и коммуникационным и мобилизационным взрывом социально-политическое и культурное устройство современных обществ испытывает необычные трансформации, которые вынуждают пересмотреть общепризнанные определения культуры. Эти определения требуют всесторонней диагностики культуры, так как все пространство культурной обстановки находилось в движении. Мобильность и взаимосвязанность характерны для современного культурного пространства. Ведущий исследователь процесса модернизации и глобализации Арджун Аппадурай подчеркивает необходимость рассмотрения современной глобальной культурной экономики как сложного, соединяющего и разъединяющего порядка, который невозможно понять с помощью устаревшей модели центра-периферии. В ответ он предлагает новую систему взглядов и рамки постижения глобальной культурной экономики, а также новую собственную терминологию:¹⁸i. “Ethnoscape” (Етноскейп), ii. “Technoscape” (Техноскэйп), iii. “Financescapes” (финанскаэйп), iv. “Mediascape” (Медиаскейп), v. “Ideoscapes” (Идеоскаэйп) .

“Етноскейп” относится к миграции людей различных культур и границ, представляя мир и множество его сообществ, как жидкость, которая постоянно меняет свою форму, не оставаясь статичной. “Техноскэйп” привносит новые типы культурного взаимодействия и обмен через технологии, который теперь может происходить с невероятной скоростью. Технология очень близко связана с экономикой, которая постоянно находится в движении и, несмотря на все наши усилия,

¹⁷Там же

¹⁸Arjun Appadurai, *Modernity at Large – Cultural Dimensions of Globalization*, University of Minnesota press, Minneapolis, London, 1996.

манипуляции, осуществляемые с помощью технологий непредсказуемы. «Финанскаэйп», «Медиакаэйп», можно понимать, как множество средств массовой информации (телевидение, радио, газеты и т.д.), которые формируют "воображаемый мир" нашего обитания, где описание и визуализация зачастую единственные способы, формирующие мнение о месте или культуре, а «Идеоскаэйп» сосредоточен на идеологии правительства и тех, кто выступает против него, поэтому сильно зависит от контекста, подаваемого зрителю.

С целью преодолеть всякие недостатки, с которыми мы сталкиваемся при обращении к теории мультикультурализма, Вельш предлагает «новое» понятие культуры¹⁹, основной характеристикой которого является транскультурность. Транскультурность не только признает многосоставность и плюрализм современной культурной установки обществ, но и ставит акцент на межкультурной коммуникации. Вельш предлагает следующие характеристики транскультурности:

“The concept of transculturality aims for a multi-meshed and inclusive, not separatist and exclusive, understanding of culture. It intends a culture and society whose pragmatic feats exist not in delimitation, but in the ability to link and undergo transition. In meeting with other life-forms

¹⁹Вельш предлагает соответствующие причины возникновения теории транскультурализма:

a. Transculturality is, in the first place, a consequence of the inner differentiation and complexity of modern cultures. These encompass - as I explained before - a number of ways of life and cultures, which also interpenetrate or emerge from one another.

b. The old homogenizing and separatist idea of cultures has furthermore been surpassed through cultures' external networking. Cultures today are extremely interconnected and entangled with each other. Lifestyles no longer end at the borders of national cultures, but go beyond these, are found in the same way in other cultures. The way of life for an economist, an academic or a journalist is no longer German or French, but rather European or global in tone. The new forms of entanglement are a consequence of migratory processes, as well as of worldwide material and immaterial communications systems and economic interdependencies and dependencies. It is here, of course, that questions of power come in.

Consequently, the same basic problems and states of consciousness today appear in cultures once considered to be fundamentally different - think, for example, of human rights debates, feminist movements or of ecological awareness which are powerful active factors across the board culturally.

c. Cultures today are in general characterized by hybridization. For every culture, all other cultures have tendentially come to be inner-content or satellites. This applies on the levels of population, merchandise and information. Worldwide, in most countries, live members of all other countries of this planet; and more and more, the same articles - as exotic as they may once have been - are becoming available the world over; finally the global networking of communications technology makes all kinds of information identically available from every point in space.

there are always not only divergences but opportunities to link up, and these can be developed and extended so that a common life-form is fashioned which includes even reserves which hadn't earlier seemed capable of being linked in (Welsch)."

Идентичность

Понятие "идентичность", на первый взгляд, кажется довольно простым и несколько поверхностным для понимания, но, на самом деле, оно является таким же сложным, как и понятие культуры. Сложность понятия идентичности во многом определяется многосоставной координацией к разным сферам общественной науки, которые ее определяют. В современных работах гуманитарного профиля идентичность используют в самых разнообразных исследовательских областях: культурной, религиозной, этнической, лингвистической, психологической, расовой, гендерной и других.

В исследовательских сообществах и многих научных теориях понятие идентичности начало популяризоваться в 1960-х годах. Труды таких исследователей как Глиасон (1983), Джон Эдвард (2009), а также работы теоретика Ерика Эриксона вызвали большой интерес к понятию идентичности. Постепенно понятие «идентичность» стало одним из чаще встречающихся терминов в исследовательских работах не только гуманитарных, но и других отраслей науки. Важно отметить, что период популярности понятия «идентичность» совпадает с популярностью понятия «диаспора», ранее мы уже говорили, что понятие «диаспора» было наиболее популярным в 1990-х годах.

"'Identity' became one of the unifying themes of social science during the 1990s, and shows no signs of going away. Everybody has something to say: anthropologists, geographers, historians, philosophers, political scientists, psychologists, sociologists ... Identity, it seems, is bound up with everything from political asylum to credit card theft. And the talk is about

*change, too: about new identities, the return of old ones, the transformation of existing ones*²⁰.”

Сущность традиционных определений понятия «идентичность» объединяется характерной чертой сходства, которое определяется признаками любого индивидуального или коллективного и воспринимается, как нечто неизменное и постоянное.²¹ В этом отношении, сложность понятия идентичности вытекает из того, что на уровне индивидуальности определенного человека, оно выступает в рамках некоторого разделения, т. е. индивидуальная идентичность любого человека зависит от того, что он/она отличаются от других людей той или другой социальной группы; однако, на уровне коллективности она выступает в рамках соединительной силы, которая, опираясь на это сходство, объединяет разных представителей одной группы. Конечно, в некоторых социальных или культурных группах члены объединяются на основании одной или нескольких характеристик, которые можно найти в каждом представителе этой группы. Таким образом, индивидуальная идентичность определяется разъединяющими, а коллективная идентичность – объединяющими свойствами. Однако, данное восприятие идентичности оказывается значительно спортивными не вполне подходит сложному устройству современных обществ с тесными межкультурными связями, крайние информационными обменами и ускоренной мобильностью, которые обеспечивают и одновременно создают многогранные идентичности. Современные культурологии предлагают нам совсем иное представление понятия идентичности.

Идентичность, прежде всего, является продуктом общественных процессов, возникающих в рамках общения между различными сферами человеческой деятельности, она не замкнута в самой себе, напротив, её можно определить только на

²⁰Jenkins Richard. Social Identity. 2 ed. London. Routledge. 2004. Цитированав: Edwards John. Language and Identity. NY. Cambridge University Press. 2009

²¹EdwardsJohn. LanguageandIdentity. NY. CambridgeUniversityPress. 2009

ПроанализировавразныеопределенияпонятияидентичностиДжонЭдвардотмечает, что “The essence of identity is similarity: things that are identical are the same, after all, and the word stems from the Latin idem. And this most basic sense is exactly what underpins the notion of identity as it applies to personality. It signifies the ‘sameness’ of an individual ‘at all times or in all circumstances’, as the dictionary tells us, the fact that a person is oneself and not someone else.”

фоне определенных общественно-политических и культурных²² контекстов²³. Поскольку различные общественные процессы, и само общество в том числе, подвергнуты развитию, неизменное и постоянное восприятие идентичности оказывается невозможным. В этом отношении, идентичность представляет собой прочное, неизменяемое и постоянное ядро типичных характеристик индивидуального или коллективного, а означает то, что мы оказываемся в последствии. Таким образом, идентичность, как и индивидуальная, так и коллективная, представляет собой то, что мы становимся над культурным и политическим влиянием в историческом процессе. Знаменитый теоретик и культуролог Стюарт Холл справедливо отмечает:

“... actually identities are about questions of using the resources of history, language and culture in the process of becoming rather than being: not ‘who we are’ or ‘where we came from’, so much as what we might become, how we have been represented and how that bears on how we might represent ourselves. Identities are therefore constituted within, not outside representation²⁴.”

Данное восприятие идентичности также оказывается вспомогательным инструментом в попытках познать соотношение между индивидуальной и коллективной идентичностью. Наша индивидуальная идентичность или то, что нас определяет, оказывается продуктом сложных взаимоотношений социально-политического и культурного устройств общества. Всё это, мы осваивали постепенно через разнообразное общение и взаимодействие в сообществах и своих кругах. Данное представление мы можем увидеть в работах Джона Эдварда:

²² Культура здесь воспринимается в широком значении самого слова, т. е. культура как целый вклад или образ человеческой жизни.

²³Подчеркивая процесса развертывания идентичности, знаменитый теоретик и культуролог, Стюарт Холл отмечает следующие: “Precisely because identities are constructed within, not outside, discourse, we need to understand them as produced in specific historical and institutional sites within specific discursive formations and practices, by specific enunciative strategies. Moreover, they emerge within the play of specific modalities of power, and thus are more the product of the marking of difference and exclusion, than they are the sign of an identical, naturally-constituted unity - an ‘identity’ in its traditional meaning (that is, an all-inclusive sameness, seamless, without internal differentiation)”.

²⁴Hall Stuart. Who needs identity?// Questions of Cultural Identity. Stuart Hall and Paul du Gay (ed.) Sage Publications. 2003.

“Our personal characteristics derive from our socialisation within the group (or, rather, groups) to which we belong; one’s particular social context defines that part of the larger human pool of potential from which a personal identity can be constructed. Thus, individual identities will be both components and reflections of particular social (or cultural) ones, and the latter will always be, to some extent at least, stereotypic in nature because of their necessary generality across the individual components(Edwards)²⁵”

Как социально-политический и культурный продукт, идентичность принадлежит и своему прошлому, так как она существовала в нем, и будущему, так как она им становится. Это, в свою очередь, означает то, что понятие «идентичность», как и понятие «культура» является подвижным, и всегда находится в процессе развития.

Культурная идентичность

Ранее мы обозначили, что сущность культуры определяется межкультурной характеристикой, и идентичность – это подвижный и не завершённый процесс. Оба эти понятия имеют непрерывную связь со своим прошлым, которое очень часто воспринимают как нечто конкретное и статичное, однако, это не совсем так. Культурная идентичность включает в себя две составляющие или два способа осмысления понятия «культурная идентичность». Первый направлен на рассмотрение общего в прошлом, а именно, общего исторического опыта или переживания, опираясь на которые, объединяются любое сообщество или группа. Восприятие культурной идентичности определяется взаимосвязью общей культурной исторической памяти, помогающее представителям одного сообщества или группы воспринимать себе как часть единой неделимой семьи.

Подобное восприятие исторического единства пренебрегая всеми остальными различиями между представителями любого сообщества, в том числе и, объединяя их в

²⁵Edwards John. Language and Identity. NY. Cambridge University Press. 2009

общую группу, оказывается главным катализатором создания мощных современных общественных движений. Восприятие исторического единства может явно утверждать в различных формах - может присутствовать в разнообразных официальных документах, а может быть скрытым, существующим лишь в виде альтернативной истории. Феминистическое, антиколониальное, антирасовое есть некоторые примеры, являющиеся следствиями данного типа мышления. Проливая свет на подобную формулировку определения восприятия исторического единства Стюарт Холл пишет:

“The first position defines ‘cultural identity’ in terms of one, shared culture, a sort of collective ‘one true self’, hiding inside the many other, more superficial or artificially imposed ‘selves’, which people with a shared history and ancestry hold in common. Within the terms of this definition, our cultural identities reflect the common historical experiences and shared cultural codes which provide us, as ‘one people’, with stable, unchanging and continuous frames of reference and meaning, beneath the shifting divisions and vicissitudes of our actual history(Hall).”

Данное высказывание Стюарта Холла подчеркивает исторические корни разветвления единства культурной идентичности. Данное определение культурной идентичности непрерывно обращается к прошлому. Как мы уже отметили, ни одно из понятий – культура и идентичность – не являются статичными, они всегда находятся в процессе дополнения и уточнения, из чего следует, что культурная идентичность тоже не может быть статичной. Она одновременно принадлежит как прошлому, так и настоящему. С одной стороны, прошлое обеспечивает ей некое постоянное, принадлежащее к символическому образу, общее представление о культурном наследии и обычаях общества. Например, в отношениях с диаспорой, данное единство изображается в причинах отделения от родины. С другой стороны, настоящее представляет собой воздействие общественно-политических, экономических сил на культурную идентичность. Таким образом, данное представление культурной идентичности оказывается наиболее гибким, и, заключая в себе различные общественные политические изменения, изображает их в данном, конкретном моменте. Обращаясь к подобному определению, Стюарт Холл пишет:

“This second position recognises that, as well as the many points of similarity, there are also critical points of deep and significant difference which constitute ‘what we really are’; or rather - since history has intervened - ‘what we have become’. We cannot speak for very long, with any exactness, about ‘one experience, one identity’, without acknowledging its other side - the ruptures and discontinuities which constitute, precisely, the Caribbean’s ‘uniqueness’. Cultural identity, in this second sense, is a matter of ‘becoming’ as well as of ‘being’. It belongs to the future as much as to the past. It is not something which already exists, transcending place, time, history and culture. Cultural identities come from somewhere, have histories. But, like everything which is historical, they undergo constant transformation(Hall)²⁶.”

Транскультурная идентичность преимущественно связана именно с этим определением культурной идентичности, которое не является итоговым продуктом определенного периода исторического развития, а воспринимается как постоянно развивающийся процесс, вытекающий из межкультурных коммуникаций обществ. Таким образом, понятие транскультурной идентичности рассматривает процесс формирования идентичностей, частично соответствующий вышеуказанному первому определению культурной идентичности. Процесс транскультурности предполагает отказ от понятия одной культуры и формирование представления о том, что культурная идентичность, прежде всего, является продуктом общения различных культур и идентичностей.

²⁶Там же

Актуальность темы исследования:

Актуальность данной научной темы обусловлена некоторыми факторами. Каждый фактор соответствующим образом определяет и характеризует цели и задачи данной научной работы, связанные, главным образом, с критикой социологической теории транскulturности. На основании анализа содержания разнообразной транскulturной литературы, определяются исследовательские возможности и ограниченность транскulturной теории. Между сферой теории и практики существует значительная дисгармония. Теоретическая база социологических исследований очень часто сталкивается с серьезными проблемами, особенно, под воздействием критики в условиях конкретных социально-политических ситуаций. Например, теоритический контекст предполагает, что транскulturализм существовал с древнейших времен, однако всевозможные конфликты и вражда принимаемого общества с эмигрантами намекает на несколько иную картину.

Вопросы культуры и идентичности естественным образом относятся к плоскости теоретических исследований, но в тоже время привлекают внимание исследователей и в этом, что непосредственно связано с актуальностью настоящей работы что проливает свет на современные теории и восприятия культуры и идентичности. Под тенью глобализации и её воздействия на разные общественно-политические сферы соответствующие вопросы становятся еще более значимыми.

Актуальность данной работы определяется исследованием литературы русской диаспоры, которая, преимущественно, пишется на иностранных языках. Не только из-за языковых, но еще и общественно-политических причин современная литература русского зарубежья привлекала недостаточно внимания русских критиков и литературоведов. Данная обстановка в истории русской литературы, которая значительно отличается от предыдущих волн русской эмиграции, где рассматриваются практически полная ассимиляция корпуса литературы русского зарубежья задает важные вопросы о русской культуре и идентичности. Обращаясь к этим вопросам, в данной научной работе предпринимается попытка заполнить данный пробел в истории русской литературы.

Научная значимость темы:

В отличие от прежнего корпуса литературы русской диаспоры, а именно литературы предыдущих трех волн русской эмиграции, которая получила широкое признание критиков русской литературы и литературоведения, литература современной русской диаспоры до настоящего времени не привлекала особого внимания и интерес представителей русской литературно-критической мысли. Литература предыдущих волн русской эмиграции является если не неотъемлемой, то, во всяком случае, одной из главных ветвей традиционной русской литературы. Литература современной русской диаспоры же воспринимается несколько иным образом и связана с непримиримой враждой к авторам, представляющим русской диаспоры на современном этапе. Таким образом, научная значимость данного исследования определяется необходимостью рассмотрения и анализа литературы современной русской диаспоры с целью выявления круга вопросов и проблем, связанных с её культурой и идентичностью.

Исследуемая литература рассматривается и изучается в качестве единого неделимого пласта истории русской литературы. Научная значимость данной работы заключается в том, что в ней предпринимаются попытки охарактеризовать сущность и общие черты литературы русской диаспоры в её исторической перспективе. Настоящее исследование предполагает рассмотрение вопросов, связанных с культурой и идентичностью в содержании литературы русской диаспоры с позиций различного спектра гуманитарных наук. Таким образом, актуальность данной работы также усматривается в её междисциплинарном характере.

Объект исследования

Объектом исследования является литература современной русской диаспоры. Особое место занимает просмотр и анализ, как культурной, так и общественно-политической деятельности представителей четвертой волны русской диаспоры. Однако данная научная работа не ограничена только синхронными исследованиями

разнообразных вопросов культуры и идентичности, вытекающих из социально-политических и художественно-литературных процессов четвёртой волны русской диаспоры; рассматриваются и литература первой, второй и третьей волны русской эмиграции. Иными словами, объектом исследования является русская диаспора в её целостности.

Мы уже отмечали, что корпус литературы современной русской диаспоры значительно отличается от литературы предыдущих волн русской эмиграции, однако, как показало предварительное изучение, литература каждой волны русской диаспоры, в том числе и диаспоры вообще, по-своему ставит перед собой вопросы культуры и идентичности. Диаспору, преимущественно, интересуют культурные связи с прошлым и вопросы её принадлежности к той или иной социально-политической и культурной обстановке. Данная характеристика обеспечивает связь нас с общими корнями, с помощью которых сплетается литература разных волн русской диаспоры.

Предмет исследования

Предметом изучения данной научной работы является изображение и воздействие процесса транскультурной идентичности. Особое внимание уделяется творчеству трех писателей – *Гари Штейнгарта*, *Владимира Каминера* и *Андрея Макина*, которые являются представителями русской диаспоры в США, Германии и Франции. Произведения этих писателей рассматривается на фоне социально-политической и культурной обстановки страны, в которой они обосновались. Еще предметом изучения является общая литературная деятельность современной русской диаспоры интересующих нас стран: США, Германии и Франции. Помимо известных всему миру произведений, будут рассмотрены работы писателей и поэтов, не получивших популярность, но заслуживающих нашего внимания.

Цели и задачи научной работы:

Цель исследования – определять общие черты, характеристики литературы современной диаспоры через изучение вопросов транскультурной идентичности. Данная научная работа ставит перед собой соответствующие задачи:

- Рассмотреть различные определения культуры и идентичности с целью раскрытия содержания понятия транскультурная идентичность. Вследствие чего определить в чем заключается специфичность и отличие транскультурной идентичности от предыдущих понятий.
- Рассмотреть самобытность русского восприятия культуры и идентичности. Определения, данные в общественной науке, часто, несут отпечаток общественно-политической и художественной обстановки, происходящей в период формирования термина. Западные определения культуры и идентичности не отражают специфичность и тонкость вопросов изображения культуры и идентичности в литературе. В этом отношении стоит обратиться к литературной деятельности России, которая во многом отличается от западной.
- Изучить каким образом вопросы культуры и идентичности были показаны в литературном корпусе предыдущих волн, т. е. в первой, второй и третьей русской эмиграции. Подчеркнуть сходства, различия между ними. Изучение основных вопросов в исторической перспективе помогает нам исследовать развитие коренных общественных идей, которые, в последствие, чётко определяют постановку проблем в современном контексте.
- Изучить общественно-политическую и художественную обстановку современной русской диаспоры в трех стран: США, Германия и Франция. Преимущественно, акцент делается на творчестве трех писателей Гари Штейнгарта, Владимира Каминера и Андрея Макина. Изучить сходства и различия в изображении сложные вопросы культуры и идентичности.

Хронологическая рамка исследования

Данная научная работа не ограничена определенными хронологическими рамками. Однако, значительное влияние на исследование оказывает общественно-политическая и художественная обстановка современной русской диаспоры. Рассматриваются предыдущие волны русской эмиграции, особое внимание уделено, тем литературным трудам, которые направлены на вопросы культуры и идентичности.

Научная новизна:

Научная новизна исследования заключается в том, что предпринимается попытка заполнить пропуск в истории современной русской литературы и обратить внимание на вопрос русской культурной идентичности. По литературе современной русской диаспоры существует очень мало исследовательских работ. Русские критики и литературоведы не уделяют особого внимания этой новой литературе, они обращаются к литературе предыдущих волн. В западной литературной критике и общественной науке существует ряд работ, где теоретики и исследователи определяют некоторые характеристики современной русской диаспоры. Отличительной чертой данной работы является обращение к вопросам изображения культурной идентичности в исторической перспективе.

Источниковая база:

Источниковая база данная научной работы разнообразна. Она состоит из книг, исследовательских работ, статей, монографий, очерков, рецензий и. т. п. Для решения поставленных задач в работе использовались не только русскоязычные произведения, но и западные.

При обращении к первоисточникам была выявлена проблема восприятия языка. Все первоисточники написаны на языке той непосредственной социальной среды, в которой живут эти писатели. Для решения проблемы при написании работы

использовались переводы на английском языке так, как русские переводы еще нам не доступны. Первоисточниковая база преимущественно состоит из работ трех писателей - *Гари Штейнгарта, Владимира Каминера и Андрея Макаина*. Особое внимание уделено следующим работам “The Russian Debutante’s Handbook” – NY.:Riverhead Books .2002, *The Russian Disco*, London: Ebury Press.2002, “Dreams of My Russian Summer”. NY: Arcade Publishing. Необходимо отметить, что все произведения написаны на разных языках у Гари Штейнгарта на английском, у Владимира Каминера на немецком, а у Андрея Макаина на французском. С точки зрения диаспоральных исследований значимым оказываются исследовательские работы – Робина Коэна (CohenRobin. *Global Diasporas: An Introduction* (seconded.).London.NY.:Routledge. 2008.), Уильяма Сафрана (Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Spring. 1991). Исследовательские работы Стюарта Холла и Терри Иглтона, также, являются значительно важным. Споры и обсуждения над вопросами культуры и идентичности подробно обсуждены в следующих работах – Hall Stuart. *Who needs identity?// Questions of Cultural Identity*. Stuart Hall and Paul du Gay (ed.) Sage Publications. 2003.;Eagleton Terry. *Culture*. New Haven, London: Yale University Press.2016.

Методологическая база

Для целостного представления культурной идентичностей в исследовательской работе используется обширный корпус разных источников. Именно поэтому при анализе творчества писателей, акцент ставится не на конкретном художественном произведении, а на творчестве в целом, включающего в себя художественные произведения, очерки, статьи и. т. п. также интервью писателей, в которых они высказывают собственное мнение.

Исследование несет в себе характеристики диахронического и синхронического исследования. Попытка рассмотреть вопросы культурной идентичности трех волн русской эмиграции в общем историческом процессе обусловлена диахронным методом исследования. Изучается данный литературный материал в его историческом значении.

Синхронность исследования позволяет нам рассмотреть творчество разных современных писателей. В исследовании используются метод сравнительного изучения.

Структура работы

Введение

Во введении рассматриваются основные понятия исследования: диаспора, идентичность, культурная идентичность, мульти-культурализм, транскультурная идентичность, литература диаспоры, проблемы литературы диаспоры.

Глава I - Литература русской диаспоры: первая и вторая вольна эмиграции

Глава посвящена вопросам изображения национальной и культурной идентичности в художественных работах первой и второй волны русской эмиграции

Глава II – Третья и четвёртая вольна русской эмиграции

В третьей главе рассматриваются судьбы последних двух волн русской эмиграции, а также поднимается вопрос о том, кого из писателей можно считать представителями современной русской диаспоры. Уместно ли к русской диаспоре относить представителей четвертой волны эмиграции?

Глава III – Изображение транскультурной идентичности в романе Андрея Макина «Французское завещание»

Данная глава рассматривает творчество Андрея Макина, признанного писателя, представителя современной русской диаспоры во Франции. При рассмотрении его творчества, особое внимание было уделено роману «*Le testament français*» («Французское завещание» “Dreams of my Russian Summers”), принесшему автору не только необычную популярность, но и две самые престижные литературные премии Франции: Гонкуровская премия (PrixGoncourt) и Премия Медичи (PrixMedics).

Глава IV – Транскультурная область в повести Владимира Каминера “Russendisco”

Первый сборник рассказов Владимира Каминера *Russendisco* вышел в свет в 2000 г., и по сей день он много пишет, публикуя по одной книге каждый год. Рассказы Каминера рисуют не только жизнь русских эмигрантов, но и рассказывают об эмигрантской жизни в целом. Каждый рассказ Каминера отличается своей сжатостью и комичностью и является своеобразным кусочком из жизни эмигрантов. Всего сборник состоит из 50 рассказов

Глава V – Транскультурализм и повесть Гэри Штейнграта “Приключение русского дебютанта”

Данная глава посвящена творчеству Гэри Штейнграта, в особенности роману «*The Russian Debutant's Handbook*», который мы рассмотрим с точки зрения теории межкультурной коммуникации, проанализируем сложную проблему идентичности, поставленную автором в своем творчестве и постараемся пропустить её через призму транскультурализма.

Заключение

В заключении приведены основные выводы диссертационного исследования.

Глава I

Литература русской диаспоры: первая и вторая вольна эмиграции

В данной главе будет рассматриваться проблема изображения национальной и культурной идентичности в художественных работах первой и второй вольны русской эмиграции.

Россия имеет давнюю историю изгнаний писателей, поэтов и представителей интеллектуальных сообществ. Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский и другие не полноценно жили и писали в изгнании, и это нашло отражение в их творчестве. Однако, эмиграция, происходившая по следам Великой Русской Революции и впоследствии гражданской войны, имела большой исторический масштаб и значение. Почти 2 млн.²⁷ человек оказались в первой волне эмиграции, из них большая часть была представителями литературного мира и интеллигенции: писатели, поэты, художники, философы, ученые и. т. п, которые способствовали созданию активной социально-политической и культурной жизни за рубежом. Переселенцы отождествляли эмиграцию с «национальной трагедией», надеясь на её временный характер. Они считали, что революционный переворот скоро исчерпает себя, а пока им необходимо выступать в роли охранников русской культуры.

Как охранники русской культуры, они быстро организовали и создали кусочек русской действительности на зарубежье, основывая свои газеты, издательства, учебные учреждения, церкви, социально-политические сообщества, художественные и профессиональные предприятия. Именно поэтому первая вольна русской эмиграции представляла оживленную и динамичную социально-политическую и художественную деятельность, отличающую её от других волн русской эмиграции. Еще одним важным

²⁷ Данное количество варьируется в зависимости от источника. «По данным американского Красного Креста, начало осени 1920 г. (т. е. еще до эвакуации армии Врангеля) в мире насчитывался 1 млн. 965 тыс. русских беженцев. Чуть меньшую цифру – 1,5 млн. – сообщил российский Красный Крест. По сведениям «Русского литературного общества в Дамаске», предпринявшего в 1923 г. попытку подсчета общего числа эмигрантов, их к этому время насчитывалось свыше 2 млн. человек. Цифры, близкие к 2 млн., неоднократно фигурировали в 20-е гг. в различных документах Лиги Наций и на страницах эмигрантских газет». Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции. учебное пособие. Ярославль.:ЯрГУ. 2006. С. 3-4.

отличием первой волны эмиграции является вера в возвращение на родину. Таким образом, представители первой волны русской эмиграции создали русскую диаспору, которую можно детерминировать как классическую (по определениям диаспоры) диаспору.

Центрами эмиграции были Берлин, Париж, Белград, Прага, София и Нью-Йорк. «Столицами» культурной и социально-политической деятельности эмигрантов считались Берлин и Париж. Особенно притягательным для эмигрантов в 1920-х годах был Берлин. Популярность Берлина в начале эмиграции объясняется главным образом двумя причинами. Первая – инфляция: *«В Германии послевоенного периода была инфляция, позволявшая держать хороший обменный курс русского конвертируемого рубля времен нэпа. Это способствовало предпринимательской деятельности русских эмигрантов, в том числе и издательской».*²⁸ Вторая причина носит политический характер – признание Советского Союза Веймарской Республикой. Веймарская республика была первым западноевропейским государством, которое установило дипломатические отношения с Советским Союзом. Данное положение имело большое значение для представителей художественной деятельности, как эмигрантов, так и советских (которые имели заграничный паспорт, могли посетить Германию и даже могли участвовать в различных литературно-художественных выступлениях и вечерах). Признание Советского Союза повлияло и на развитие издательского дела. Эмигрантские книгоиздательства, основанные в Германии, устанавливали связи с книгоиздательствами Советского Союза. Так, *«здесь возникли издательства, ориентированные как на эмигрантский, так и на советский книжный рынок. Самым крупным из них было издательство З. И. Гржебина, печатавшее и советских, и эмигрантских авторов. Гржебин перенес свою деятельность в конце 1920 г. из Петрограда в Стокгольм, а затем в Берлин, где работали такие издательства, как «Слово», И. П. Ладыжникова, «Эпоха», «Геликон», «Грани», «Русское Творчество», «Университетское Издательство», «Мысль» и др»*²⁹.

²⁸ Смирновой А. И. (ред.). Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие. 2-е издание. М.: «Флинта». 2012. Стр.

²⁹ Там же.

В Берлине издавалось множество газет и журналов, посвященных разным сферам социальной и политической деятельности. Значительная часть которых отражала жизнь эмигрантов и взгляд эмигрантов на события, происходившие в Советском союзе – ежедневные газеты «*Руль*», «*Голос России*», «*Дни*», еще и еженедельная «*Время*». Последовательно был издан советский журнал «*Новый мир*», намекающий на более свободное общение между эмигрантскими и советскими писателями, которое в будущем редко повторялось. Подобно газетам были изданы ряд журналов – «*Жарптица*», «*Летопись*», «*Круг*», «*Социалистический вестник*».

Своеобразие эмигрантской жизни раннего периода в Берлине заключается в ее динамичности³⁰ и сравнительно свободном общении между Советским Союзом и Германией. «*В Берлине был создан, по образцу петроградского, свой Дом искусств, собрания которого происходили в одном из больших берлинских кафе. Здесь встречались свободно эмигрантские и советские писатели. Читали свои произведения Ремизов, Ходасевич, Виктор Шкловский, Маяковский*»³¹.

Если Берлин считали «культурной столицей», то Париж оказался центром политической деятельности русских эмигрантов. В 1924 году, когда экономика Германии стабилизировалась и стоимость жизни значительно выросла, главным центром русской эмиграции, как в культурном, так и политическом плане, стал Париж. Париж был центром русской эмиграции с самого начала. «*Именно здесь еще в 1919 г. было организовано Русское политическое совещание, в 1921 г. прошел Национальный съезд и был сформирован Национальный комитет под председательством А. В. Карташева, объединивший умеренные круги эмиграции. В Париже было создано Республиканско-демократическое объединение под руководством П. Н. Милюкова;*

³⁰30 Как мы уже отметили, культурная жизнь русской диаспоры в Германии была активная и богатая. «By 1924 there were **eighty-six Russian publishing houses** and a substantial number of Russian book stores in Berlin, and throughout the 1920s numerous Russian newspapers, journals, and almanacs were published there, albeit many of them turned out to be short-lived». DobrenkoEvgeny and Balina Marina (ed.). Twentieth-Century Russian Literature. Cambridge. CambridgeUniversityPress. 2011. P. 197. Количество газет и различных журналов считаются 58. Струве Глеб. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк.: Издательство имени Чехова.1956. Стр. 31

³¹ Струве Глеб. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк.: Издательство имени Чехова.1956. Стр. 33

наконец, во французской столице обосновался ряд финансовых организаций эмиграции, располагающих довольно крупными средствами»³². Две главные русские газеты (в качестве литературной критики) выходили в Париже – первая «Последние новости» (критик Георгий Адамович), вторая – «Возрождение» (поэт Владислав Ходасевич). Подобно Берлину, в Париже также выходил ряд литературных журналов: «Грядущая Россия», «Современные записки», «Новый дом», «Версты», «Театр», «Новый град», «Числа» и «Встречи».

Совместная социально-культурная и литературная деятельность, которая встречается в начальном периоде эмиграции, постепенно ослабляется и к 1925 году выражается в значительном расхождении между писателями-эмигрантами старшего поколения и младшего поколения³³. Главными причинами данного расхождения были идеологические причины, выразившиеся в отношении к событиям 1917 года и вопросам судьбы русской эмиграции. Социально-литературный солон Мережковских «Зеленая лампа», который возник на основе «воскресений»³⁴ Д. Мережковского и З. Гиппиуса, через ежемесячные массовые заседания дал возможность общения старших и младших поколений писателей-эмигрантов. Но, несмотря на это, идеологические и социально-политические расхождения обеих группировок постепенно нарастали. Данное положение объясняется возникновением двух социально-политических течений в русской эмиграции – «сменовеховства» и «евразийства». «Сменовеховство» определенное течение и «умонастроение», возникшее после выхода в свет сборника статей «Смена вех» в Праге 1921 году: «Сменовеховцы», в прошлом принадлежавшие к правому или умеренно-правому лагерю, исповедовали идеологию национал-большевизма и предлагали «преодолеть» большевизм «изнутри», «эволюционно»,

³² Смирновой А. И. (ред.). Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие. 2-е издание. М.: «Флинта». 2012. Стр. 13-14.

³³ Виктор Терааспишетобэтом: «Besides a broad spectrum of social, political, and religious views, emigre literature after 1925 began to display a steadily widening rift between the old and the new generation of writers. The groups gathered around the journals *Numbers* and *Circle*, in particular, consisted largely of writers who had begun their careers in emigration. A distinctive trait of the younger generation of writers was their susceptibility to the influence of recent western literature: French surrealism, Kafka, Joyce, Celine». Terras Victor, *The Twentieth Century // The Cambridge History of Russian Literature*. Revised ed. Charles A. Moser (ed.). Cambridge.: Cambridge University press. 1996. P. 463.

³⁴ «Воскресенья» у Мережковских были одним из самых оживленных литературных центров. О нем подобно посмотри

отказавшись от вооруженной борьбы с ним»³⁵. К началу 1922 года «сменовеховцы» обдумывали возвращение на родину. Плацдармом соответствующего мышления стала ежедневная газета «Накануне», выпускавшаяся с 1922-1925 года в Берлине. Одним из главных лиц «сменивший вехи» оказался А. Н. Толстой, который 1923 году на некоторое время возвращался в Советскую Россию. Пред возвращением он пишет: «Я возвращаюсь домой на трудную жизнь. Но победа будет за теми, в ком пафос правды и справедливости, - за Россией, за народом и классами, которые пойдут с ней, поверят в зарю новой жизни» (1923, 27 июля).³⁶

Одновременно с выходом сборника «Смена веха» в Праге, в Софии вышел другой сборник – «Исход к Востоку. Предчувствие и свершения. Утверждение евразийцев». Воспринимая русскую революцию, как глобальную катастрофу, евразийцы полагали, что революция в своем образе обозначала развертывание европейского узла русской культуры. Опираясь на географическое местоположение России между Западом и Востоком, они старались посмотреть на революцию, как на своеобразное начало новой русской культуры:

«Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она – совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру³⁷»

Несмотря на социально-политическое разногласие и явный раскол между старшим и младшим поколениями эмигрантов, литература русского зарубежья

³⁵Смирновой А. И. (ред.). Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие. 2-е издание. М.: «Флинта». 2012. Стр. 26.

³⁶Там же

³⁷Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М. 1992. Стр. 375

обращается к неким обобщённым вопросам – судьба России и судьба русского зарубежья. Литература русского зарубежья не только попыталась собрать разбитые революционным подъемом фрагменты русской культуры и идентичности, но и, размышляя над судьбой русской эмиграции, старалась постичь новые корни, исходя из соответствующего социально-политического и культурного воздействия.

К 1921ому году много известных писателей оказались в эмиграции³⁸. Уделить внимание трудам каждого из этих писателей является затруднительным, поэтому разумнее рассматривать их творчество в соответствии с тематикой.

Тематическое изучение литературы русского зарубежья представляет нам корпус вопросов, к которым обращались писатели-мигранты. Опираясь на эту обобщенную картину, мы будем стараться определить характерные черты литературы русской эмиграции. Обсуждение творчества ряда представителей даст нам возможность определить главные темы литературы первой волны русской эмиграции.

Одна из главных тем первой волны русской эмиграции - тема революции и гражданской войны. Революция – это трагическое, историческое событие, которое стало отправной точкой единого культурно-исторического переживания, не смотря на разногласия среди русского зарубежья. Личный трагизм, ущерб и переживания революции носили общий характер. В личных изложениях революции, очень часто, отсутствовали индивидуальность, собственное понимание происходившего, авторы

³⁸ Глеб Струве предлагает нам маленький кусочек из длинного списка русских писателей в эмиграции. Он пишет, «к 1921 году из известных до революции писателей за пределами России оказались: А. Т. Аверченко, М. А. Алданов, кн. В. В. Барятинский, Н. В. Калишевич, А. А. Поляков, Н. Н. Чебышев, К. Д. Бальмонт, П. Д. Боборыкин, Н. Н. Брешко-Брешковский, И. А. Бунин, Давид Бурлюк, З. Н. Гиппиус, Г. Д. Гребенщиков, Л. М. Добронравов, Дон-Аминадо, А. А. Деренталь, О. И. Дымов, Е. А. Зноско-Боровский, Анатолий Каменский, А. А. Койранский, ген. П. Н. Краснов, В. П. Крымов, А. И. Куприн, Б. А. Лазаревский, Г. А. Ландау, Н. А. Лаппо-Данилевская, А. Я. Левинсон, С. К. Маковский, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, С. Р. Минцлов, Е. А. Наградская, И. Ф. Наживин, С. Л. Поляков-Литовцев, П. П. Потемкин, П. Я. Рысс, Б. В. Савинков, Игорь Северянин, С. А. Соколов-Кречетов, Л. Н. Столица, Б. А. Суворин, И. Д. Сургучев, гр. А. Н. Толстой, А. В. Тыркова-Вильямс, Н. А. Тэффи, А. М. Федоров, Д. В. Философов, М. О. Цетлин, Саша Черный, Е. Н. Чириков, Л. И. Шестов (Шварцман), С. С. Юшкевич, А. А. Яблоновский, С. В. Яблоновский. Струве Глеб. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк.: Издательство имени Чехова.1956. Стр. 28

стремились рассказать об общем ущербе. Явный пример такой работы является «Окаянные дни» Бунина. Бунин эмигрировал в Францию в 1920 г. Кроме «Окаянных дней» Бунин написал ряд произведений в эмиграции, из которых сборник рассказов «Темные аллеи» и роман «Жизнь Арсеньева» стали знаменитым. Эмиграция открыла новую страницу в творчестве Бунина, которая отличалась от дооктябрьского периода³⁹.

«Окаянные дни», произведение о «гибели» России, написанное в форме дневника. Однако дневник лишен всяких деталей личной жизни писателя, в нём записывались лишь информационные строчки из газет. В произведении отражены наблюдения сделанные писателем с 1 первого января 1918 года до июня 1919 года. Несмотря на резко отрицательное отношение писателя к революции, личное мнение не выражено в произведении, автор старается быть объективным. Таким образом, жанр «окаянных дней» хоть и оказывается явным жанром дневника, но он является своеобразным. Своеобразие вырезается в укрывательстве собственных чувств и мнения писателя, и в желании показать общий ход революции, передать тревогу. Он делает эти записи «*ради передачи поразивших автора реалий революционного времени*»⁴⁰. Записи Бунина непременно показывают безысходный голос народа, находившийся в кулаке революции. Первая же запись от 1 января рассказывает о встрече со старухой, безнадежно рассказывающей свою печальную судьбу:

³⁹ О творческом периоде Бунина в эмиграции существуют разногласие. По некоторым исследователям, творческий подход Бунина в эмиграции не изменяется. Евелин Бристола отмечает, «*When Bunin emigrated to France, the nature of his literary approach remained unchanged. In his best pieces there is an awareness that life is an incomparable gift; tragedies and disillusionment are not isolated, but rather are inseparably connected with life itself, with its vibrancy and rewards. All this is particularly evident in Bunin's later works*». Evelyn Bristol. Turn of a century: modernism, 1895-1925 // The Cambridge History of Russian Literature. Revised ed. Charles A. Moser (ed.). Cambridge: Cambridge University press. 1996. P. 399. Однако, Бунин имел резкое отрицательное отношение к революции. Стихия революции и разлука с родиной имели свои влияние на его творчество и оказываются неотделимы от его послеоктябрьского периода. А. Г. Соколов пишет об этом, «*Основное настроение бунинского творчество 20-х годов – одиночество человека, оказавшегося «в чужом, наемном доме», вдали от земли, которую любил «до боли сердечной».... «Вечные» темы, звучавшие в дооктябрьском творчестве Бунина, сопрягаются теперь с темами личной судьбы, проникаются настроениями безысходности личного существования размышление Бунина о смысле бытия, о любви и смерти, прошлом и будущем всегда связаны (а с годами все более и более), с мыслью о России, отошедшей для него в область воспоминаний*». Соколов А. Г. История русской литературы. конца XIX века – начала XX века. учеб. 4-е изд. – М.: Высшая школа., Изд. центр Академия. 1999. Стр. 79.

⁴⁰ Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1991. Стр. 139.

“Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться? Пропала Россия, на тринадцать лет, говорят, пропала⁴¹!”

Следует отметить то, что в записках Россия появляется как бывшая страна, как потерянная страна. Вспоминая свою бывшую страну проживания, писатель старается восстановить традиционную культуру русского народа. Прочитав биографию Полежаева, писателю больно и грустно и вспоминать свою родину так, как эти лица, принадлежащие к истории, оказываются неотделимой частью русской культуры.

“Прочитал биографию поэта Полежаева и очень взволновался – и больно, и грустно, и сладко (не по поводу Полежаева, конечно). Да, я последний, чувствующий это прошлое, время наших отцов и дедов...”

Прошел дождик. Высоко в небе облако, проглядывает солнце, птицы сладко щебечут во дворе на ярких желто-зеленых акациях. Обрывки мыслей, воспоминаний о том, что, верно, уже вовеки не вернется... Вспомнил лесок Поганое, - глушь, березняк, трава и цветы по пояс, - и как бежал однажды над ним вот такой же дождик, и я дышал этой березовой и полевой, хлебной сладостью и всей, всей прелестью России(Бунин)⁴².”

Как мы уже отметили, Бунин имел резко отрицательное отношение к революции. Он воспринимал ее как конец бывшей России, традиционной русской культуры. Именно поэтому его воспоминания о старой русской культуре все более и более сопровождаются с представлением конца. Вышеуказанная запись четко выражает бунинское понимание, нападающий на хандру, осознание того, что он будет «последним», кто чувствовал эту культуру прошлого. Явный индивидуализм в этих строчках указывает на гибель России. Данное апокалипсическое представление выражается в очерках писателя 1821 года в Париже:

⁴¹Бунин Иван. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 6. – М.: Воскресенье. 2006. Стр. 275

⁴² Там же. Стр. 355

“Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что – я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как это я не понимал, не понял этого раньше(Бунин)⁴³?”

Погрузившись в воспоминания о прошлом, творчество Бунина в эмиграции все больше и больше ссылается на своё детство и юность. Воспоминания о прошлом являются главной мотивировкой романа «Жизнь Арсеньева». В романе подобно «Окаянным дням» громко звучит размышление над судьбой России. По мнению Бунина Россия имеет своеобразную страсть к самоистреблению:

“Россия, кроме того, среди крайнего дворянского оскудения, которого опять-таки никогда не понять европейскому человеку, чуждому русской страсти ко всяческому самоистреблению... И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебной на великих(Бунин)⁴⁴”

Самым завершённым произведением Бунина в эмиграции является сборник рассказов «Темные аллеи». С точки зрения композиции «Темные аллеи» оказывается не просто сборником рассказов, а представляет собой единство «высокого порядка». Сборник разделяется на три части, «которое предполагает внутреннее взаимосцепление рассказов каждой части»⁴⁵. Рассказ Бунина «Поздний час» из сборника, тоскует о «светлых ночах русских уездных городов». Это тоска не только о покиданной России, но и еще о его народе. Природные картины не лишены народных лиц:

⁴³ Бунин Иван. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 4. – М.: Воскресенье. 2006. Стр. 192.

⁴⁴ Бунин Иван. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 5. – М.: Воскресенье. 2006. Стр. 37

⁴⁵ Смирновой А. И. (ред.). Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие. 2-е издание. М.: «Флинта». 2012. Стр. 44.

“Есть нечто совсем особое в теплых и светлых ночах русских уездных городов в конце лета. Какой мир, какое благополучие! Бродит по ночному веселому городу старик с колотушкой, но только для собственного удовольствия: нечего стеречь, спите спокойно, добрые люди, вас стережет божье благоволение, это высокое сияющее небо, на которое беззаботно поглядывает старик, бродя по нагретой за день мостовой и только изредка, для забавы, запуская колотушкой плясовую трель(Бунин)⁴⁶.”

Образ старика-стражника с колотушкой является особенно популярным и появляется еще у ряда других писателей и поэтов. Бунин был не только писателем, но и поэтом. Он высоко ценил свои стихотворения. Подобно прозе, его поэзия тоже выражает сходные чувства мрака, разлуки и отчаяния. В его стихотворениях еще отражается склонение к прошлому:

*“И все ж придет, придет пора
И воскресенья и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни ж е Петра.
Петр значит Камень. Сын Господний
На Каменисозидет храм
И скажет: «Лишь Петру я дам
Владычество над преисподней⁴⁷”*

Размышление о революции и о гражданской войне появляются и в произведениях З. Гиппиус «Синяя книга (Петербургский дневник)», И. Шмелева «Солнце мертвых», «Взвихренная Русь» А. Ремизова и многих других писателей. «Солнце мертвых» И. Шмелева является жестокой книгой о гражданской войне в Крыму.

⁴⁶Бунин Иван. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 6. – М.: Воскресенье. 2006. Стр. 32.

⁴⁷ Данное стихотворение «**День памяти Петра**» не включается в полное собрание сочинений Бунина. Цитирована в: Крыжицкий Сергей. Жизнь и творчество И. В. Бунина в эмиграции // Полторацкого Н. (редк.) Русская литература в эмиграции. сборник статей. Питтсбург.: Отдел славянских языков и литератур. Питтсбургского университета. 1972. Стр. 109.

После октябрьской революции Александр Иванович Куприн эмигрировал в Париж. Он возвратился на родину в 1937 году. Эмиграционный период Куприна оказался плодотворным, он написал ряд произведений: выходили сборники рассказов и повестей (1927), повесть «Колесо времени» (1929), роман «Юнкера» (1932), повесть «Жанета» (1933).

Воспоминание о покинутой родине охватывает значительную часть произведений писателей русской эмиграции. Не только размышления над русской революцией, но и еще воспоминания о родине являются главным компонентом культурной памяти русской эмиграции.

Надежда возвращения к родине прекращала ассимиляционный процесс русского зарубежья с народом принимающей страны. Ассимиляция оказывается одной из первоочередных проблем диаспоры. Однако, самобытность первой волны русской эмиграции, как мы уже говорили, заключается в возвращение на родину. Именно поэтому с необычной силой писатели старались зафиксировать фрагменты своей культуры. Русская природная картина становится значительно ближе. Природа зарубежных стран отчаянно напоминает русскую природу. Короткий рассказ Куприна «Московский снег» непременно намекает на эту печаль. Название и начало рассказа, как будто, затрагивают эту горестную сторону русской эмиграции. «Московский снег» начинается со следующих строк: сегодня с утра сыплется на Париж, безмолвно и неумолимо, сплошной снег ...», и читателям очевидна тоска писателя. Рассказчик продолжает вырисовывать природную картину Парижа, и его тоска все более и более углубляется. Это тоска о Москве, о родне, о его природе и о народе. Это Россия «дивных невозвратных лет»:

“... снег, сыплется хлопьями величиной с детскую пятерню и, едва прикоснувшись к земле, мгновенно кружевится, обесцвечивается и тает. Но все крыши домов сияют плоской, ровной, покатой белизной, а ветви платанов, лип и каштанов Булонского леса согнулись под тяжестью снежных горбоатых охаток.

.....

А я вот стою на безлюдном перекрестке, рассеянно гляжу на идущий крупный снег, задумался немного... и в моем воображении всплыла оснеженная Москва дивных, невозвратных лет(Куприн 154)⁴⁸."

Революция, как и в рассказах Куприна, так и в общей культурной памяти, становится своеобразной временной границей, которая разделила российскую культуру пополам. Дореволюционная российская культура, которая по мнению многих эмигрантов приблизилась к своей гибели, превращается чаще всего в драгоценную память. Эту культурную память надо сохранить. Именно поэтому, появляется ряд произведений, которые направлены на реконструкцию культурной среды. В сборнике рассказов Куприна, немало произведений обращаются к этой теме. Данная попытка четка вырежется в рассказах «Завирайка» и «Ольга Сур», которые охватывают не только дореволюционный период, но и давнее прошлое:

“это было не только до эмиграции, но даже до революции, даже еще года за четыре до великой войны; право, мне иногда кажется, что случилась эта история лет сто или двести назад»⁴⁹. «Завирайка»

Эту цирковую историю рассказал мне давним-давно, еще до революции и войны, мой добрый приятель, славный клоун ТанциДжеретти⁵⁰. «Ольга Сур»

Автобиографизм, воспоминания, реалистичные изложения оказываются главными характеристиками литературы русского зарубежья. Реконструкция русского прошлого с помощью реальных деталей является определяющей чертой романа А.И. Куприна «Юнкера». В нем автор воссоздает российскую жизнь конца XIX в., и в этом значительную роль сыграла автобиография писателя. Автобиографизм в романе

⁴⁸Куприн Александр. Полное собрание сочинений: в 10 томах. Том 7. Повести и рассказы. М.: Воскресенье. 2007. Стр. 154.

⁴⁹ Там же. Стр. 138

⁵⁰ Там же. Стр. 169

является жанрообразующим. Детали из жизни писателя способствуют ему изобразить уклад российской жизни с её «национальными особенностями», описанием *«быта, традиций и системы обучения в Третьем военном Александровском училище – гордости всей Москвы»*⁵¹. В своем романе Куприн с любопытством создает образ Москвы, той старой Москвы и культурной России, которую эмигранты первой волны недавно покидали. Москва и Петербург становятся центральными декорациями в литературе русского зарубежья вообще, вокруг этих столиц создается русская культурная память:

“В субботу юнкеров отпустили в отпуск на всю неделю Масленицы. Семь дней перерыва и отдыха посреди самого тяжелого и напряженного зубрения, семь дней полной и веселой свободы в стихийно разгулявшейся Москве, которая перед строгим Великим постом вновь возвращается к незапамятным языческим временам и вновь впадает в широкое идолопоклонство на яростной тризне по уходящей зиме, в восторженном плясе в честь весны, подходящей большими шагами.

Вчера еще Москва ела жаворонков: булки, выпеченные в виде аляповатых птичек, с крылышками, с острыми носиками, с изюминками-глазами. Жаворонок - символ выси, неба, тепла. А сегодня настоящий царь, витязь и богатырь Москвы - тысячелетний блин, внук Дажбога. Блин кругл, как настоящее щедрое солнце. Блин красен и горяч, как горячее всесогревающее солнце, блин полит растопленным маслом, - это воспоминание о жертвах, приносимых могущественным каменным идолам. Блин - символ солнца, красных дней, хороших урожаев, ладных браков и здоровых детей.

⁵¹ Смирнова А. И. Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие. 2-е издание. М.: «Флинта». 2012. Стр.58

О, языческое удельное княжество Москва! Она ест блины горячими, как огонь, ест с маслом, со сметаной, с икрой зернистой, с паюсной, с салфеточной, с ачуевской, с кетовой, с сомовой, с селедками всех сортов, с кильками, шпротами, сардинами, с семушкой и с сижком, с балычком осетровым и с белорыбьим, с тешечкой, и с осетровыми молоками, и с копченой стерлядкой, и со знаменитым снетком из Бела озера. Едят и с простой закладкой и с затейливо комбинированной(Бунин)⁵².”

Черты автобиографизма прослеживаются и в эпопее «Солнце мертвых» Шмелева⁵³. В ней Шмелев описывает послереволюционный быт в Крыму. «Солнце мертвых» оказываются самым сильным произведением Шмелева. После выхода книги в свет некоторые критики считали её самым страшным произведением на русском языке⁵⁴. Художественная сила Шмелева заключается в том, что, он всесторонне изображает различные аспекты жизни в России, он не только изображает природную картину, но смешивает психологий народа. М. Горький в своем письме к Шмелеву 1910 года признал данный дар Шмелева. Он писал - «. . . Вы так хорошо – горячо, нежно и верно – говорите о России – редко приходится слышать такие песни в честь ее, и волнуют они меня до слез... Это отношение к стране я понимаю и в этом смысле я тоже националист, если хотите... ибо верю в некоторые прирожденные особенности народа . . . но будем говорить просто о любви к березам, осинам, волкам, снегам и вьюгам и любви к русским людям . . . – это у вас есть, а в моих глазах – это

⁵²Куприн АИ. Полное собрание сочинений: в 10 томах. Том 7. Повести и рассказы. М.: Воскресенье. 2007.

⁵³ Глеб Струве не согласен с назначенным писателем своему произведению титулом «Эпопея». Он отмечал, что «Сам Шмелев назвал «Солнце мертвых» «эпопеей». Но это вещь без фабулы, без твердого повествовательного стержня. Это ряд отдельных, написанных от первого лица очевидцем-наблюдателем очерков о виденном, слышанном, пережитом и передуманном во время владычества большевиков в Крыму в течение двух лет после эвакуации врангелевских войск». Струве Г.П. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк.: Издательство имени Чехова.1956. Стр. 75.

⁵⁴ Амфитеатров А.В. Страшная книга. – «Россия и славянство». 1926. 17 ноября. № 533. Цитировано в Полторацкого Н. (редк.) Русская литература в эмиграции. сборник статей. Питтсбург.: Отдел славянских языков и литератур. Питтсбургского университета. 1972. стр. 218

залог тому, что вы способны спеть прекрасные песни . . .»⁵⁵. С такой же искренностью и правдивостью Шмелев изображает всю жестокость гражданской войны в Крыму. Послевоенное время, насыщенное смертями и голодом в «Эпопее» противопоставлено прекраснейшей природе на берегу лазурного моря. Подобная противоположность смерти и красоты вызывает безнадежную напряжённость, которая является частью культурной памяти первой волны русской эмиграции, оказывается сильная сторона произведения Шмелева:

“... Море! Глядишь и глядишь через капли пота - глядишь сквозь слезы... Синяя даль какая! А вот за черными кипарисами - низенький, скромный, тихий - домик под красной крышей. Неужели я в нем живу? В саду - ни души, и кругом - пустынно: никто не проедет за день. Маленький, с голубка, павлин по пустырю ходит - долбит камень. Тишина какая! Весенними вечерами хорошо поет черный дрозд на сухой рябине. Горам попоет - повернется к морю. Споет и морю, и нам, и моим деревцам миндальным в цветах, и домику. Домик наш одинокий!.. Отсюда видно его изъяны. Заднюю стенку дожди размыли, камни торчат из глины - надо до осенних дождей поправить. Придут дожди... Об этом не надо думать. Надо разучиться думать! Надо долбить шифер мотыгой, таскать землю мешками, рассыпать мысли(Шмелев).”

Вместе с художественными произведениями, одним из самых популярных жанров литературы русского зарубежья был жанр «роман-биография». Русская культура гордится своим художественным наследством. Творчество русских писателей и поэтов занимает особое место не только в кругах русской интеллигенции, но и в среде простого народа, который восхищается своим писателями и поэтами. Рассматривая романы-биографии прошлого века, мы видим, что современные писатели старались восстановить эту культурную память. В 1920-1930 гг. были написаны ряд

⁵⁵ Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1955. том. 29. Стр. 110

романов-биографий - «Жизнь Тургенева» Б. Зайцева, «Державин» В. Ходасевича. Н. Берберова написала три книги – об А. Блоке, П. Чайковском и А. Блоке .

Письма и очерки писателей тоже являются неиссякаемым материалом для исследований о жизни и судьбе представителей литературы русского зарубежья. В письмах писателей и поэтов искренне, без преувеличения излагаются не только их потери, но и проблемы зарубежной жизни. Многие писатели и поэты эмигрировали на запад не только с надеждой возвращения на родину, но и с ожиданием хорошего, счастливого будущего. Однако, жизнь в эмиграции была не так легка. В письмах Н. Бердяеву от 20 февраля 1923 года З. Гиппиус пишет о проблемах, которые беспокоили писателей русского зарубежья:

“Что касается меня-то не говорю уже о том, что в России я фактически последние годы была лишена всякой возможности какой-нибудь работы – здесь, в Париже, делать совершенно нечего. Вначале, когда мы приехали сюда после полугодовой варшавской горячки, времена были другие несколько; теперь странно о них вспоминать; теперь Париж, в русском смысле, пустыня; нет ничего, и даже нет никаких возможностей для бытия чего-либо(Полторацкий)⁵⁶.”

В письмах писателей и поэтов содержались не только рассказы о трудностях жизни в эмиграции. В них они также откровенно выражали свое мнение о России и новом советском правительстве. Изучение этих писем представляет большой интерес для исследований отношения русских писателей и поэтов к русской культуре и русской идентичности. Возвращаясь к содержанию письма З. Гиппиус, мы видим, что она излагает в нем свои мысли, рассказывает о своем отношении к России и православной церкви:

“Россия? Нет, я без доброго чувства вспоминаю последние годы, там проведенные. Я не хуже вашего знаю, до какого высокого подъема

⁵⁶ Полторацкий Н. Русская литература в эмиграции. Сборник статей. Питтсбург.: Отдел славянских языков и литератур. Питтсбургского университета. 1972. стр. 121-122

духа могут дойти там люди. Письма, кот. я оттуда получаю, нельзя читать без чувства величайшего благоговения. Я знаю, я прямо вижу там, в России, - святых. Быть может, останься я там эти два года, и я бы приобрела это сияние. Но когда я уезжала – было еще время действенных надежд, борьбы и веры, что нужна какая-то волевая прямолинейность. Оказалось не нужна, но и святости той здесь не приобретешь. . . Я – если смею сказать – не приобретаю святости и утратив очень многое, сохранила только себя. Насколько это большая ценность – вопрос другой.

О Церкви – я говорить не хочу. И не могу. Я могу только преклониться в данный момент перед Нею с тем же благоговением, как могу перед святыми в России. . . в грешной России. Сейчас мне Россия чужда, поскольку в ней только святые и только грешники ... там, как будто, нет «людей просто». А Церковь – уж конечно врата Адовы не одолеют ее(Полторацкий 121-122)⁵⁷.”

В исследованиях, посвященных проблемам изображения национальной и культурной идентичности в литературе первой волны русской эмиграции, особое место занимает творчество Владимира Набокова, которое играет большую роль в изучении литературы первой и четвертой волны русской эмиграции, поскольку В. Набоков являлся всем известным писателем-полиглотом. Писатель не только свободно и активно написал на двух языках – русском и на английском, но и создавал «на каждом из них удивительные тексты, демонстрирующие предельную виртуозность владения словом», став в последствии «классиком русской и американской литературы»⁵⁸. Опираясь на языковую схему, его творчество можно

⁵⁷Полторацкий Н. Русская литература в эмиграции. Сборник статей. Питтсбург.: Отдел славянских языков и литератур. Питтсбургского университета. 1972. стр. 121-122

⁵⁸ Люксембург А. ВивианДамор-Блок и вивисекция слова: Английская проза Владимира Набокова // Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода: в 5 томах. СПб.: «Симпозиум». 2004. Том – 1. Стр. 9

разделить на два периода - русский и английский. Помимо русского и английского, Набоков хорошо знал и французский. *«Вероятно, какое-то время он колебался, выбирая между английским и французским. По-французски им были написаны, например, первая версия новеллы “Мадемуазель О” и лекция о Пушкине»*⁵⁹. Свободный переход от языка к языку способствовал формированию у писателя особого мировоззрения по вопросам, связанным не только с национальной литературой, но и с национальной и культурной идентичностями, что, отчетливо выразилось в богатом литературном наследии писателя.

Своеобразие в мировоззрении писателя в вопросах национальной и культурной идентичности, мы можем наблюдать в интервью Альфреду Аппелю, в котором Набоков называет себя «американским писателем». Одновременно он так же утверждает, что национальность писателя – «дело второстепенное». По мнению писателя, первостепенное значение все же имеет творчество:

“Я всегда, еще с гимназических лет в России, придерживался того взгляда, что национальная принадлежность стоящего писателя – дело второстепенное. Чем характернее насекомое, тем меньше вероятности, что систематик поглядит сначала на этикетку, указывающую на происхождение приколотого образчика, чтобы решить, к какой из нескольких не вполне определенных разновидностей его следует отнести. Искусство писателя – вот его подлинный паспорт. Его личность тут же удостоверяется особой раскраской и неповторимым узором. Происхождение может подтвердить правильность того или иного видового определения, но само оно обуславливать его не должно. Известно, что бессовестные торговцы бабочками нередко подделывают этикетки. вообще же я

⁵⁹ Там же. Стр. 11

*сейчас считаю себя американским писателем, который когда-то был русским*⁶⁰

«Искусство писателя – вот его подлинный паспорт», в данном высказывании Набокова содержится вся суть спора о «народности» литературного творчества. Национальная и культурная сущности литературы писателя гораздо шире, чем замкнутая область определенного языка. Взаимосвязи языка и национально-культурной идентичности становится значительно сложным с выходом иноязычной литературы четвертой волны русской эмиграции. Об этом мы подробно будем говорить в следующих главах. Мироззрения Набокова к эмиграции наиболее ярко выражается в следующих строках:

“Почвы я не терял. Даже если бы в России нежданно-негаданно не случилось революции, я жил бы во Франции или Италии. Моя либеральная в политическом плане и космополитическая семья приучила меня жить в интернациональном климате, где французский и немецкий языки занимали то же место, что и русский. В отличие от Бунина, представителя традиционной России, я таковым не являюсь. Я чувствую гораздо более тесную связь, например, с Кафкой. <...> на самом деле я очень близок к французской литературе, и я не первый русский писатель, который в этом признается(Мельникова 117)⁶¹!”

В данном высказывании автор акцентирует внимание на то, что жизнь в эмиграции никак не повлияла на творчество писателя, несмотря на то, что, в целом, оно наполнено переживаниями, связанными с ней. Набоков всегда считал себя

⁶⁰Люксембург А. Вивиандамор. Блок и вивисекция слова: Английская проза Владимира Набокова // Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода: в 5 томах. СПб.: «Симпозиум». 2004. Том – 1. Стр.14

⁶¹Мельникова Н. Г. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Издательство Независимая газета, 2002. Стр. 90. В другом интервью, отвечая на вопрос о возвращении на родину, он говорил – «я никогда не вернусь, по той простой причине, что вся Россия, которая мне нужна, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство. Я никогда не вернусь. Я никогда не сдамся». Там же. Стр. 117.

американским писателем, но Россия никогда не уходила из его памяти; об этом свидетельствует присутствующая почти во всех его произведениях английского периода русская тема. Его персонажи тоскуют по покинутой родине. Сам Набоков назвал свой переход с русского языка на «второсортный» английский тяжелым⁶². Языковой выбор в своих произведениях писатель делал осторожно, чтобы можно было частично прикоснуться к вопросам национальной и культурной идентичности, но ни в коем случае, не предавая свои культурные корни. Передача особого культурного кода с одного языка на другой без потери смысла, требует не только особого дара, но и глубокого понимания своей культуры. Набоков умел это делать. Его персонажи показательно отрекаются от своей прошлой национальной и культурной идентичности, искреннее и с особой эстетикой размышляя над судьбой родины и эмиграции. В первые годы эмиграции, когда Набоков еще писал свои произведения под псевдонимом В. Сирин, он активно поддерживал связь с литературными деятелями русской эмиграции. Его статьи и работы часто появлялись в разных русскоязычных журналах и газетах. Однако, творчество Набокова с самого раннего периода значительно отличалось от работ «большинства литераторов русской эмиграции». Это было связано с его нестандартной точкой зрения относительно эмиграции писателей. По мнению Владимира Владимировича, литературная деятельность писателя сама по себе заставляет писателей, поэтов эмигрировать, даже тогда, когда они не собираются покинуть свою родину. Они эмигрируют в своих воображениях и мечтах:

“The very term “emigré author” sounds somewhat tautological. Any genuine writer emigrates into his art and abides there. As for Russian writers, they have always loved their motherland nostalgically even without leaving it in reality. Not only Kishinev or the Caucasus but Nevsky Prospect seemed like a faraway exile to them⁶³.”

⁶² В одном интервью, когда у него спрашивали о его переходе с русского на английский, он следующим образом объяснил данный переход: «да, это был очень тяжелый переход. Мая личная трагедия которая может, которая не должно быть чей-либо еще заботой, состоит в том, что мне пришлось оставить свой родной язык, родное наречие, мой богатый, бесконечно богатый и послушный русский язык, ради второсортного английского». Там же. Стр. 122.

⁶³Dolinin Alexander. Nabokov as a Russian Writer // Connolly Julian W. The Cambridge Companion to Nabokov. Cambridge.:CambridgeUniversitypress. 2005. Стр. 57

Однако, подобные взгляды писателя вызвали резкие замечания в его адрес со стороны эмиграционной литературной критике. В этом отношении, любопытной представляется статья В. Ходасевича, который сравнивает Набокова с «фокусником, а главным действующими лицами его книг считал выставленные напоказ литературные приемы, снующие, подобно эльфам или гномам, между персонажами»⁶⁴. Еще одна группа парижских писателей, представляющих литературу русской эмиграции, возглавляемая Г. Адамовичем и Г. Ивановым, подвергла критике раннее творчество Набокова-Сирина, а именно, роман «Защита Лужина» за его «эстетическую вторичность». По мнению Адамовича, «Защита Лужина» показывает «зависимость его автора от образцов западноевропейской (французской) беллетристики». Выступая против этих отрицательных отзывов относительно творчества Сирина, Г. Струве, напротив, считал, что писатель чтит традиции А.С. Пушкина. Творчество Набокова характеризуется наличием многочисленных интертекстуальных связей с традиционными произведениями русской литературы, для которых свойственны глубокие размышления о судьбе её великих традиций. Об этом свидетельствует не только интертекстуальные связи в произведениях писателя с классиками русской литературы, но и их английские переводы. Наиболее интересным Набокову представлялось творчество Пушкина. Литературный вкус персонажей его романов представлял собой сложное сплетение литературной традиции с современностью⁶⁵.

Творчество и творческие идеи Набокова, как правило, связаны со сложной постановкой проблем, посвященных национальной и культурной идентичностям первой волны русской эмиграции. Первая волна русской эмиграции насыщена литературными произведениями, так или иначе, обращенными к данной проблеме. Задача сохранения русской культуры становится лейтмотивом эмиграционной литературы, поскольку революцию они воспринимали как «гибель» традиционной

⁶⁴

⁶⁵Among Nabokov's minor characters one can always find a Russian writer or a poet – Podtiagin in *Mary*, Luzhin senior in *The Defense*, Segelkranz in *Kameraobskura*, Roman Bogdanovich in *The Eye*, Bubnov in *Glory*, Herman's nameless Russian rival in *Despair*, an anonymous author of *Quercus* in *The Invitation to a Beheading*, to say nothing about a whole bunch of emigre authors in "The Gift" – all of whom represent certain trends in contemporary letters; literary tastes of heroes and heroines denote boundaries of their minds; the books themselves decree "correct" codes for reading and decry the "wrong" ones; multiple allusions, quotations, parodic echoes reveal clusters of subtexts that usually embrace several authors and periods at once – for example, Nikolai Gogol and Aleksandr Pushkin together with Fedor Dostoevsky, Andrei Bely, Leonid Andreev, and Iliia Erenburg in *Despair*. Там же стр. 58.

русской культуры. Литература этого периода, также, стала живым документальным свидетельством народного переживания. Революция являлась временной границей между старой т.е. традиционной и новой культурой, которая, наряду с покинутой родиной и надеждой на возвращение становится главным компонентом культурной памяти и культурной идентичности эмигрантов. Литература-классика становится прочным столпом русской культуры, вокруг которого создавалось мощное культурное ядро русской эмиграции.

Вторая волна русской эмиграции

Возникновение второй волны русской эмиграции общепризнанно относят ко временам Второй мировой войны, но, тем не менее, установление конкретных временных рамок на данный момент является спорным вопросом. Некоторые исследователи включают в них перемещенные из первой волны, и их потомков, другие же, только жителей оккупированных территорий, которые не хотели возвращаться по тем или иным причинам⁶⁶. Но, в основном, вторую волну русской эмиграции составили

⁶⁶У исследователей есть разные мнения о составе второй волны русской эмиграции. Автор книги, посвященной современной русской диаспоре Людмила Исурин следующим образом характеризует состав второй волны: «Some scholars include resettled first wavers and their descendants, while others limit it to those Soviet citizens who were caught up in the crossfire of WWII, went through POW camps or camps for displaced people and chose not to go back to the USSR when the war was over». Isurin Ludmila. Russian Diaspora. Cultural Identity and Language change. Germany. DeGruyter Mouton. 2011. P.6. Большинство исследователей поддерживают согласны с ее мнением и считают, что вторую волну русской эмиграции составили, главным образом, перемещенные из-за второй мировой войны жители. А. В. Млечко отмечает, «во второй раз «русское поле в зарубежье» было обильно «засеяно» в период с 1940 по 1960 гг., получив название *второй волны* русской эмиграции. Ее породила Вторая мировая война – это были в большинстве своем жители оккупированных территорий или военнопленные, возвращение которых на родину было связано с большим риском» Млечко А.В. Русское зарубежье 1940-1960-х годов: культура и периодика // Литература русского зарубежья. (под общей редакцией А. И. Смирновой). 2 –е издание, стереотипное. М.: «Флинта». 2012. С. 380. Данное мнение поддерживается Валентиной Сенкевич, «Вторая, или, как называют ее, послевоенная, эмиграция, началась в 1942 году в гитлеровской Германии, точнее – в ее лагерях для русских военнопленных и в лагерях остовских и беженских. А после конца войны, в основном в побежденной Германии, возникла неожиданная, странная и непонятная проблема, названная англоязычными победителями DP (ди-пи) (Displaced Persons), то есть перемещенными лицами, которых, тоже неожиданно, оказалось множество. Вот из этого множества “лиц” возникла затем вторая волна русской

переехавшие люди во время Второй мировой войны, которые решили остаться, несмотря на многочисленные угрозы из мест, в которых они пребывали, а именно, в оккупированных территориях, что, собственно, и отличает вторую волну русской эмиграции от других, наполняя ее некоторой трагичностью. У представителей данной волны была непростая судьба с обеих сторон: с одной стороны, они вынужденно оказывались в тяжелом положении в оккупированных территориях, а с другой, возвращение на родину также не являлось счастливой новостью, поскольку там их ожидала политические репрессии. Все это мы находим в творчестве Сергея Голлербаха, который дает негативную оценку второй волне русской эмиграции:

“Вторая волна русской эмиграции, так называемые перемещенные лица, или дипи, существенно отличаются от двух других эмиграций. Если первая, “Белая волна”, вызванная Октябрьской революцией, уходила в свободные страны Западной Европы, а третья волна была исходом из страны коммунистической на свободный Запад, то вторая волна попала из диктатуры коммунистической в диктатуру нацистскую.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз и захват немцами больших территорий России, Украины и Белоруссии, поставил находящихся там людей в трагическое положение. Для евреев это был смертный приговор, приведенный в исполнение, а для других – насильственный вывоз на работы в Германию. По мере отступления немецкой армии к ним прибавились еще волны беженцев из оккупированных немцами областей. То было “бегство своих от своих”, как правильно сказал прозаик Леонид Ржевский, эмигрант второй волны. Люди боялись репрессий за то, что они, хотя и не по своей воле, оказались в немецкой оккупации и многие

продолжали работать на своих прежних местах, чтобы не умереть с голоду.

А в Германии русским грозило три опасности. Первая – это нацистская власть и ее “методы”, включавшие использование людей как рабочую скотину. Вторая пришла сверху: жесточайшие бомбардировки американской и английской авиации. Сколько иностранных рабочих, военнопленных и беженцев погибло в результате этих налетов, никто не знает. Третья опасность возникла от предъявления советской властью союзникам требования насильственной выдачи всех советских граждан, попавших во время войны в Германию, Австрию и другие западные страны.

История дает нам множество примеров кровавых, захватнических войн, геноцида и зверств по отношению к невинным людям. Они совершались, в большинстве случаев, одной стороной. Но положение русских людей, попавших в лабиринты того времени, было беспрецедентным: смерть грозила им со всех сторон. Возможность свободного выбора была сведена до минимума и людьми руководило основное, присущее всем живым существам чувство: желание спастись, не погибнуть.

Будучи одним из немногих оставшихся представителей второй волны, я пишу эти строки в надежде, что историки, изучающие трагические события Второй мировой войны, учтут всю сложность создавшихся тогда условий и дадут свою объективную и беспристрастную оценку(Синкевич)⁶⁷.”

⁶⁷Синкевич В. Вторая волна русской эмиграции // «Новый журнал» 2012, № 267.

Таким образом, мы можем наблюдать, как сильно вторая волна русской эмиграции отличается от первой своей трагической судьбой. Активная литературная жизнь, которая была свойственна для первой волны была подавлена жестокостью Второй Мировой Войны. Суровая лагерная жизнь военнопленных мешала развитию активной культурной жизни. Однако, начальный период второй волны русской эмиграции характеризуется наличием в лагерях газет: *«гектографированных изданий, нерегулярно выходящих и печатающихся на дрянной послевоенной бумаге газет и журнальчиков»*⁶⁸. История этого первого периода второй волны эмиграции в полном объеме для нас еще не доступна.

Во время второй волны русской эмиграции появился ряд новых центров русской эмиграции, первым из которых стал Мюнхен. Здесь находился один из самых больших лагерей «ди-пи» или перемещенных лиц. Постепенно в Мюнхене возникли различные организации русских эмигрантов, которые последовательно печатали произведения прибывающих эмигрантов. Одними из главных таких организаций стали Национально-Трудовой Союз (НТС) и Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ). К основным представителям второй волны мы можем отнести таких литераторов как Л. Ржевский, Б. Ширяев, А. Марков, И. Елагин, О. Ильинский и др. В Мюнхене в этот период выходили и несколько журналов и прочей периодики: *«Грани»*, *«Литературный современник»*, *Мосты*.

Статус второго по величине центра русской эмиграции получила Америка, а именно Нью-Йорк. Америка, не только во время второй волны русской эмиграции, но и до этого, являлась активным центром русской эмиграции, каким и Европейские страны⁶⁹. В 1942 году в Нью-Йорке был основан знаменитый и значимый с точки зрения истории и развития литературы русского зарубежья *«Новый журнал»*, который в последствии стал наследником журнала *«Современные записки»*.

⁶⁸Смирновой А. И. (ред.). Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие. 2-е издание. М.: «Флинта». 2012. Стр. 381

⁶⁹ Н. Андреев пишет об этом: «Главнейший факт – “открытие Америки”, точнее – Нью-Йорка, как нового литературного центра, куда перебирались все те, кто мог покинуть “праматерь Европу”, и где возникли “Новый журнал”, ставший с тех пор новой цитаделью русской культуры за рубежом, и живое, беспокойное, ищущее “Новоселье”, детище Софии Прегель».

Из-за тяжелых времен Второй мировой войны история литературы второй волны русского зарубежья не развивалась так же бурно как раньше. Вторая волна характеризовалась потерей надежды на возвращение на родину, которая была главной чертой культурной памяти русского зарубежья первой волны. Потеря надежды возвращения, в свою очередь, открыла новое пространство в истории литературы русского зарубежья, главным мотивом развития и критики которого стало стремление определить основную сущность и характеристики литературы русского зарубежья. Революционные переживания уходят в пассивную литературную память, однако трагизм остается постоянной чертой литературы данного периода.

Глава II

Третья и четвертая волны русской эмиграции

Среди трех волн русской эмиграции, хронологические рамки третьей волны являются наиболее спорными. Разногласия существуют не только по поводу хронологических рамок, но и по поводу существования четвертой волны эмиграции. Большинство исследователей не видят грани между третьей и четвертой волнами и сливают их в один поток эмиграции, возникший, преимущественно в 1970-х годах⁷⁰ и продолжающийся по настоящее время. Четвертая волна эмиграции возникла в конце 80-ых – начале 90-ых гг.⁷¹. Несмотря на то, что между третьей и четвертой волнами

⁷⁰Некоторые исследователи русской зарубежной литературы возникновение третьей волны эмиграции относят к концу 1960-х гг. Возникновение третьей волны принято связывать с крушением надежд на свободу, возрождающуюся при хрущевской «оттепели». Александр Генис пишет о возникновении третьей волны, «Новая эмиграция (третья волна) из Советского Союза началась в конце 1960-х и продолжается по сегодняшний день. Однако феномен собственно Третьей волны укладывается в более точный интервал, который я предлагаю ограничить периодом между 1974-м и 1991 годами». Генис Александр, **Третья волна: примерка свободы** // «Звезда» 2010, №5.

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21-pr.html>.

Таким образом, возникновение третьей волны относится к 70-ым годам. Это также отмечает в своей книге Людмила Исурин, «*The third wave of immigration usually dates back to the early 1970s when Brezhnev's administration eased emigration restrictions for Jews*». Isurin Ludmila. Russian Diaspora. Cultural Identity and Language change. Germany. DeGruyterMouton. 2011. P. 6 Из соответствующих высказываний выясняется, что главное разногласие по поводу третьей волны, представляется не в временном периоде, а в выделении в четвертой волны.

⁷¹ Точный исходный пункт возникновения четвертой волны, как и предыдущих волн, является спорным. Одни исследователи отмечают 80-е годы. «*В настоящее время принято различать четыре волны эмиграции: 1-ая - после революции 1917 г., 2-ая - связанная со второй мировой войной, 3-я - в 70-е годы, когда был разрешен выезд из СССР евреям и диссидентам, а также происходила высылка диссидентов, 4-ая - с конца 80-х годов, т.е. в период перестройки и постперестройки*» - отмечает Земская. Земская Е. А. **Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования** // Русский язык в научном освещении. - № 1. - м., 2001. С. 114-131. <http://philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm#1>. А другие исследователи рассматривают распад Советского Союза, как одну из главных причин возникновения четвертой волны – «*Последняя, четвертая, российская волна эмиграции началась в период распада СССР – в 1990-*

существовал небольшой промежуток времени, у них есть принципиальные отличия. Об этом речь пойдет чуть позже.

Возникновение третьей волны связано с некоторыми событиями, определившими ее общий состав. Третья волна русской эмиграции тесно связана с созданием государства Израиль. В 1948 г. было провозглашено создание еврейского независимого государства, по законодательству которого на родину могли вернуться евреи, доказавшие своё происхождение:

“All Jews who can prove their Jewish origin (i.e., having a Jewish mother), have a right to return to their homeland of Israel<...> In case of inter-ethnic marriages, non-Jewish relatives were granted permission to emigrate as well. In the absence of any other legitimate way to leave the country, Jewish immigration represented almost an exclusive channel through which people could escape in those years (Isurin, p. 9)⁷².”

Именно поэтому третья волна русской эмиграции носила национальный характер, её основу составили лица еврейской национальности. Несмотря на то, что советское правительство признавало государство Израиль, покидать Советский союз для русских еврей было нелегким делом. Между 1950-1970 гг. ничтожно малое количество евреев смогли получить право на эмиграцию в Израиль. По некоторым данным исследователей их число составило не более 3000 человек⁷³. Только в 1970-е годы Брежневская администрация на некоторое время смягчила процесс получения права на эмиграцию.

е гг. – после разрешения свободного выезда из страны и продолжается до сих пор» - пишет автор учебной пособи «Литература русского зарубежья» (XX – начало XXI в.). Минеев И. Н. Литература русского зарубежья (XX – XXI в.) учебное пособие. Петрозаводск. ИздательствоКГПА. 2012.

⁷²IsurinLudmila. Russian Diaspora. Cultural Identity and Language change. Germany. De Gruyter Mouton. 2011. P. 6-7.

⁷³According to Glad (1999: 375), only 19 persons were permitted to immigrate to Israel in late 1950s, and about 3000 Soviet Jews arrived in Israel between 1951 and 1970 (Chiswick 1997: 235). ЦитировановIsurinLudmila. Russian Diaspora. Cultural Identity and Language change. Germany. DeGruyterMouton. 2011. P. 9

Вторым событием, повлиявшим на эмиграцию третьей волны, стало принятие поправки «Джексона-Вэника» к закону о торговле США, «связывавшую свободу эмиграции с режимом наибольшего благоприятствования в торговле. Успех этого закона привел к массовому выезду из СССР⁷⁴». А высылка Александра Солженицына явилась последним фактором, отразившимся на эмиграции представителей художественной деятельности⁷⁵.

Третья волна эмиграция имела некоторые своеобразные характеристики, которые отличали ее от предыдущих волн. Представители третьей волны, если не все, то по крайней мере большинство из них, родились в Советском союзе. Они были свидетелями Великой Отечественной Войны, победы над фашизмом, тяжелых лет сталинской власти и кратковременной оттепели. Представители третьей волны по внешним характеристикам (родились и проживали в Советском союзе) были ближе ко второй волне эмиграции, а по литературному опыту и традициям к первой.

Таким образом, можно сказать, что третья волна унаследовала черты двух предыдущих волн русской эмиграции⁷⁶. Однако сходства оказались только внешними,

⁷⁴Генис Александр, *Третья волна: примерка свободы*// «Звезда» 2010, №5.

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21-pr.html>

⁷⁵ Высылка Солженицына имела «символический характер» для третьей волны эмиграции. Несмотря на то, что «Солженицын практически не принимал участия в жизни Третьей волны, да и не признавал ее», но «авторитет крупнейшего русского писателя и Нобелевского лауреата придавал вес всей эмигрантской культуре». Влияние высылки Солженицына можно увидеть в полемическом отношении эмигрантской жизни и воспоминаниях ряда писателей. «Высылка Солженицына из СССР открыла новый этап в восприятии его личности и творчества Шмеманом. Оно (восприятие) стало более объемным, получило дополнительные измерения. Состоялось их личное знакомство, стали, хотя и не частыми, но регулярными, насыщенными содержательно встречи». Посмотрите:

Генис Александр, *Третья волна: примерка свободы*// «Звезда» 2010, №5.

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21-pr.html>

Китаев Владимир, *Солженицын в восприятии Шмемана* // «Отечественные записки», 2014, №6(63)

<http://magazines.russ.ru/oz/2014/6/14k-pr.html>

⁷⁶The "third wave" combined the characteristics of the preceding waves. Like the "second wave," its members had grown up in the Soviet period and therefore were intimately acquainted with Soviet reality, although in somewhat more normal times than those years of purge and total war which the members of the "second wave" had known. Like the writers of the "first wave," however, many "third wave" authors had established reputations before emigrating from the Soviet Union, and therefore found it easier to continue in their previous occupations upon arrival in the west. Geoffrey Hosking, *The Twentieth Century: in search of new ways* // The Cambridge History of Russian Literature. Revised ed. Charles A. Moser (ed.). Cambridge.:CambridgeUniversitypress. 1996. P. 521.

поверхностными, не определяющими общую характеристику третьей волны. Эти три волны русские эмиграции, конечно, имели, те или иные общие черты, но каждая из них значительно отличалась от своих предшественников. В этом отношении вспоминается высказывание Толстого, далеко не связанное с эмиграцией, но, тем не менее, отражающие трагедию трех волн : «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Так, различные волнырусской эмиграции отличаются друг от друга своим несчастьем и своей трагической судьбой. Поэт и эссеист третьей волны, Дмитрий Бобышев, об этом писал следующие:

“При знакомстве русские эмигранты первым делом интересуются, к какой волне принадлежит их встречный. Много между ними действительно несхожего, но, как ни странно, главнейшее различие то, что должно было бы всех объединить: страна, откуда все родом... Потому что у каждой из волн – свой образ России, который они унесли с собой, как Роман Гуль в его «Новом Журнале». У первой волны Россия буколически-усадебная, у второй – страшная сталинская, а у третьей – брежневская, скучно-постылая⁷⁷.

Высказывание Бобышева не только проливает свет на проблематику различия и сходства между отдельными волнами русской эмиграции, но и указывает на главный состав культурной памяти русской диаспор трех разных волн. Соответствующая культурная память о покинутой родине, воспоминания о ней по-разному выражаются в творчествах представителей отдельных волн. В отличие от первой волны русской эмиграции, которая отчаянно верила в возвращение на родину, краткосрочность революции подчеркивала направленность на сбережение культуры России, третья волна значительно отличалась в своем отношении к родине, особенно к Советской власти. Надежда на возрождение прежней России давно иссякла. Их отношение к родине, преимущественно было определено их отношением к советской власти.

⁷⁷Бобышев Д. Последниймамот. Встречи и разговоры с Игорем Чинновым.
<http://www.thetimejoint.com/taxonomy/term/3097>

Отчаянная надежда возвращения на родину вылилась в своеобразную ностальгию, которая оставила след в литературном корпусе первой волны, однако, она почти отсутствовала у представителей третьей волны. Представители третьей волны попытались понять состояние «изгнания». К этому времени советская власть оказалась нестигаемой, для многих писателей изгнание стало неизбежным постоянным состоянием, отсюда вытекла необходимость теоретического определения слова изгнание. Иосиф Бродский, отобразил свои мысли в статье «The condition we call exile»⁷⁸. Он предполагал, что ностальгия, сберегая родные корни, в некоторых случаях может оказаться вспомогательным элементом в создании великих литературных произведений, однако, часто она является «простым неумением справиться с реальностью настоящего и неопределенностью будущего».

“...the whole point about our exiled writer is that he, too, like Goethe’s Faust, clings to his “fair,” or not so fair, “moment,” not for beholding it, but for postponement of the next one. It’s not that he wants to be young again; he simply doesn’t want tomorrow to arrive, because he knows that it may edit what he beholds. And the more tomorrow presses him, the more obstinate he becomes. There is terrific value in this obstinacy: with luck, it may amount to intensity of concentration and then, indeed, we may get a great work of literature <...>

More often, however, this obstinacy translates itself into the repetitiveness of nostalgia, which is, to put it bluntly, simply a failure to deal with the realities of the present or uncertainties of the future (Brodsky, 1990)⁷⁹.”

⁷⁸ Подобно Набокову, Иосиф Бродский свободно владел двумя языками – русский и английский. После своей эмиграции в 1972 году переехал в США. Стал преподавателем, продолжал написать свои стихи на русском и часто переводил их на английский. Однако, в поздние годы начал писать по-английски тоже. Посмотрите:

https://www.rbth.com/literature/2015/05/20/twin_passions_joseph_brodskys_love_of_poetry_in_english_46175.html

<https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/joseph-brodsky>

⁷⁹Brodsky Joseph, The condition we call exile // Literature in exile. John Glad (ed.). Durham: Duke University Press, 1990.

Признавая изгнание как постоянное положение, писатели третьей волны эмиграции не хотели так отчаянно возвращаться на родину. Тем не менее, из этого не следует делать заключение о том, что они не чувствовали эмоциональные связи с родиной. Эмоциональность, близость, конечно, они чувствовали, поэтому родину принесли с собой. Данное культурное представление о родине предполагает прежде всего культурные мифы о России, которая существовала до большевиков. Не только Бродский, но и еще Абрам Терц представляет себе свободу от ностальгии.

“Я свободен от ностальгии. Осень у них во Франции. Понимаете, так же как в России у нас, у них — осень. И жгутся листья, готовятся к зиме. Разве что вздохнешь глубоко, и приятно задыхаться. Сентябрь. Серебряный век. Эмиграция.

Если б и впустили обратно, с гарантией, что не убьют (я иногда воображаю), и пиши, что хочешь, я бы, наверное, все равно не вернулся. Я бы лучше в Исландию съездил⁸⁰.”

Беззаботное, почти равнодушное отношение к эмиграции, к изгнанию, характерное для третьей волны, во многом определяется развитием технологии, были доступны разные способы сообщения. Например, общение с друзьями и родственниками стало значительно удобнее с появлением телефона. Цензура и запреты не были такими жестокими, как раннее – возможны были переписки, заграничные приезды⁸¹. Таким образом, можно сказать что их разрыв с родиной был неполным. По словам А. Синявского связь эмигрантов с Россией была «отрезана»:

⁸⁰Терц Абрам. Спокойной ночи. Fontenay-aux-Roses. «Синтаксис». Стр. 389

⁸¹ Ольга Матич об этом подробно пишет в своей статье «Литература третьей волны: границы, идеология, язык». Она отмечает, «Для трех волн эмиграция, пересечение границ, означала, по существу, совершенно разные вещи. Если для первой и второй это было внезапное решение, вызванное историческим катаклизмом и смертельной угрозой, то для большинства людей брежневской эпохи миграция представляла собой процесс, который подолгу обдумывали. К тому же разрыв с отечеством оказался для них неполным: были возможны переписка, телефонные разговоры, для тех, кто не был связан с политикой, – даже посещение Советского Союза, приезды родственников и друзей. В результате сложилась диаспора, прочнее соединенная с отечеством и более мобильная, чем прежние». Матич Ольга. Литература третьей волны: границы, идеология, язык (пер. с англ. Д. Харитонова) // «НЛО» 2014, №3(127). <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m-pr.html>

“Мы не воспринимаем, что современная Россия от нас отрезана, что она совершенно другая по сравнению с нами. Скажем, от того, что я приехал сюда, а Даниэль остался там, ничего принципиального не изменилось. И наши взаимоотношения таковы же, и наши восприятия. И поэтому не было <...> той психологической стены, которая возникла между двумя разными мирами – миром эмиграции и миром метрополии⁸²”.

Еще одной характеристикой третьей волны эмиграции было взаимоотношение между разными центрами эмиграции. Главным центром третьей эмиграции был Париж – традиционная столица русского зарубежья. Так как третья волна эмиграции преимущественно была еврейской, именно поэтому появился новый центр русского зарубежья – Израиль. И Америка не осталась в стороне, особенно притягательным для мигрантов были города Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Литература третьей волны развилась и объединилась в оппозицию против официальной советской литературы. Одним из известных явлений зарубежной литературы третьей волны стало «Диссидентство». Диссидентом называли тех, кто выступал против принципа социалистического реализма⁸³. Андрей Генис отмечает, что *«третья волна считала себя наследницей оппозиции и хранительницей вольной русской культуры. На деле это означало почти полное отсутствие границ между эмигрантскими центрами»⁸⁴.*

Литературная жизнь третьей волны русской эмиграции, подобно предыдущих волн, активно сосредоточилась вокруг литературных журналов, которые часто

⁸² Цитировано в: Васильева С.С., Павлова О. А. Литература эмиграция 1960-1990-х годов (третья волна): проза // Смирновой А. И. (ред.). Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие. 2-е издание. М.: «Флинта». 2012. Стр. 444

⁸³ В 1960-е гг. В стране появились выражения *диссидентское искусство, диссидентская литература*. Так официальная пропаганда называла художественные произведения ярково выраженной критической (не всегда антисоветской) направленностью, а также произведения искусства модернизма, а позднее постмодернизма,

которые не укладывались в рамки концепции социалистического реализма. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. - М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. АСТ-Пресс. Т.Н. Чернявская, К.С. Милославская, Е.Г. Ростова, О.Е. Фролова, В.И. Борисенко, Ю.А. Вьюнов, В.П. Чуднов. 2007. <http://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/156/ДИССИДЕНТ>

⁸⁴ Генис Александр. Третья волна: примерка свободы. «Звезда». 2010, 5. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

находились в полемических отношениях друг с другом. Несмотря на то, что в русской зарубежье существовали устоявшиеся журналы, такие как «Новый журнал» в США, «Грани» в Германии, третья волна все еще чувствовала нужду в открытии своих журналов. Был основан ряд новых журналов третьей волны, главным из которых оказался «Континент». Его основал Владимир Максимов в 1974 году в Париже. В первом же номере «Континента» была напечатана статья Синявского «Литературный процесс в России». В данной статье Синявский, выступая против советской словесности, предлагал выдвинуть новую литературу. Однако уже в 1975 году Синявский вышел из редколлегии и основал новый журнал «Синтаксис», «который стал полюсом притяжения для либеральной и прозападной эмиграции». Кроме этих двух журналов популярными были «Юность», «Время и мы», «22», «Гнозиса», «Ковчега», «Мулеты». Большинство из этих журналов имели малый тираж, но всё же, играли значительную роль в активной литературной жизни третьей волны эмиграции.

Издательская деятельность была также достаточно активной, как и журнальная периодика. Наиболее сильно издательскую деятельность обогатил тамиздат - произведения, изданные за границей, вне зависимости от того, находился ли там сам писатель или нет. Таким образом, тамиздат обеспечивал советским читателям рост литературного богатства

“Опубликоваться «там» для писателей брежневской эпохи, выходявших за рамки официально дозволенного, означало вырваться за советскую границу в чужое пространство. Тамиздат Третьей волны начался со статьи Синявского «Что такое социалистический реализм» (1959), впервые опубликованной на чужом языке – по-французски⁸⁵.”

Кроме тамиздата существовала практика «самиздата», это были машинописные копии, распространенные нелегально. Однако, практика самиздатов была так

⁸⁵Матич Ольга. Литература третьей волны: границы, идеология, язык (пер. с англ. Д. Харитоновой) // «НЛО» 2014, №3(127).

<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m-pr.html>

популярна как тамиздат, потому что «распространителей прежде всего интересовали тексты остро политические, такие как “Архипелаг ГУЛАГ”»⁸⁶.

Значительными фигурами третьей волны эмиграции стали Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Андрей Синявский, Василий Аксенов и Сергей Довлатов.

На данный момент творчество Иосифа Бродского имеет немаловажное значение в обсуждении вопроса культурной идентичности. Ранее мы уже рассматривали его нестандартную точку зрения на эмиграцию и ностальгию. Взгляды Бродского по этим вопросам своей схожестью отсылают нас к Набокову. Интересно отметить, что и Набоков, и Бродский обладали способностью без труда преодолевать языковые преграды. *«Бродский был единственным писателем из диаспоры Третьей волны, которому по-настоящему удалось пересечь границу нового языка и прижиться в новой стране. Он был единственным, кто писал по-английски и даже сделался частью культурной элиты, близко сдружившись с одним из знаменитых американских интеллектуалов, Сьюзен Сонтаг, и известным карибским поэтом Дерекотом Уолкоттом»⁸⁷.*

Несмотря на то, что Бродский прекрасно владел иностранным языком, он высоко ценил связь с родным языком. По его мнению, благодаря языку, писатель не теряет связь с родиной и с родной культурой. В изгнании главной непосредственной связью эмигранта с родиной становится язык. Все остальные связи – культура и воспоминания – он может идентифицировать только через язык. Именно поэтому в изгнании эмигранты чувствуют непосредственную близость к родному языку. Об этом Бродский пишет следующее:

⁸⁶Генис Александр, *Третья волна: примерка свободы*// «Звезда» 2010, №5.

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21-pr.html>

⁸⁷Матич Ольга. Литература третьей волны: границы, идеология, язык (пер. с англ. Д. Харитоновой) // «НЛО» 2014, №3(127).

<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m-pr.html>

“One more truth about the condition we call exile is that it accelerates tremendously one’s otherwise professional flight – or drift – into isolation, into an absolute perspective: into the condition at which all one is left with is oneself and one’s language, with nobody or nothing in between. Exile brings you overnight where it would normally take a lifetime to go (Brodsky, 1990, p. 108)⁸⁸.”

В этом отношении, взгляды Набокова значительно осложняют данное представление. В одном из интервью, у него спросили, на каком языке он думает, на что он ответил, талантливо защитив свой выбор писать на английском языке:

“Я не думаю ни на одном языке. Я думаю образами. Я не верю, что люди думают на языках. Думая, они не шевелят губами. Только неграмотный человек определенного типа шевелит губами, читая или размышляя. Нет, я думаю образами, и лишь иногда русская или английская фраза вспенится мозговой волной, но вот, пожалуй, и все⁸⁹.”

С точки зрения исследования эмигрантской жизни и русской культурной идентичности немаловажное значение имеют произведения Сергея Довлатова. Его творчество подробно описывает иммигрантскую жизнь в США. В 1979 г. Довлатов эмигрировал в Нью-Йорк, где стал главным редактором газеты «Новый американец». В своих произведениях Довлатов рисует жизнь простого эмигранта – его проблемы, все возможные инциденты, причины эмиграции. Особенно содержательной в этом плане стала его повесть «Иностранка», написанная в 1985 г. в Америке. Герои повести – обычные русские эмигранты, недавно переселившиеся в Америку. Автор повести обращает внимание читателя на социальные обстоятельства, в которых жили русские эмигранты. Как всякая другая диаспора, русские эмигранты так же жили в одном

⁸⁸Brodsky Joseph, The condition we call exile // Literature in exile. John Glad (ed.). Durham: Duke University Press, 1990. P. 108

⁸⁹НабоковоНабоковеипрочем: интервью, рецензии, эссе. Редактор-составитель Николай мельников. – М.: Издательство независимая газета. 2002. Стр. 122

небольшом гетто и хорошо знали друг друга. Замкнутость оказалась одной из характерных черт эмиграционной жизни и творчества Довлатова, что хорошо прослеживается в его текстах:

“У нас есть русские магазины, детские сады, фотоателье и парикмахерские. Есть русское бюро путешествий. Есть русские адвокаты, писатели, врачи и торговцы недвижимостью. Есть русские гангстеры, сумасшедшие и проститутки. Есть даже русский слепой музыкант (Довлатов)⁹⁰.”

Русские эмигранты, как и все другие эмигранты, чувствовали свойственную тягу к своему родному языку. Эта тяга, в свою очередь, тесно связана с культурой и культурной идентичностью. Данные понятия очень близки, потому несмотря на разнообразные отличия, язык является первым способом объединения. Близость к своему родному языку, очень часто выливается в неожиданную вражду к иностранному языку:

*“Если мы слышим английскую речь, то настораживаемся. В таких случаях мы убедительно просим:
– Говорите по-русски(Довлатов)!.”*

"Иностранка" Довлатова показывает сложные отношения эмигрантов с американцами. В 70-е годы Америка была одним из наиболее популярных центров русской эмиграции и русские эмигранты увлекались американской культурой, несмотря на неизбежную вражду к английскому языку:

“К американцам мы испытываем сложное чувство. Даже не знаю, чего в нем больше – снисходительности или благоговения. Мы их жалеем, как неразумных беспечных детей. Однако то и дело повторяем:

⁹⁰. Довлатов Сергей, Иностранка, издательский дом, «Азбука-классика», Санкт-Петербург, 2007, стр. 7

"Мне сказал один американец..."

Мы произносим эту фразу с интонацией решающего, убийственного аргумента(Довлатов, стр. 7)⁹¹."

Довлатов не только показывает одностороннюю картину жизни диаспоры, где эмигранты чаще всего увлекаются чужой культурой, но и обращает внимание на сложный процесс слияния культуры. Ассимиляция в чужой культуре оказывается одной из главных проблем для эмигрантов. Здесь они начинают сравнивать себя не только между собой, но с другими эмигрантами. Главная героиня повести Маруся хотела жить в Нью-Йорке также уверенно, как и другие эмигранты, но этот город внушал ей только страх:

"Нью--Йорк внушал Марусе чувство раздражения и страха. Ей хотелось быть такой же небрежной, уверенной, ловкой, как чернокожие юноши в рваных фуфайках или старухи под зонтиками. Ей хотелось достичь равнодушия к шуму транзисторов и аммиачному зловонию сабвея. Ей хотелось возненавидеть этот город так просто и уверенно, как можно ненавидеть лишь одну себя(Довлатов)⁹²".

Переселившиеся в чужую страну герои литературных произведений русских писателей третьей волны, некогда не сомневались в истоках своей идентичности. Перед ними некогда не вставала проблема идентичности, являлась главной характеристикой работ четвертой волны. Представители предыдущих трех волн были воспитаны в одном культурном пространстве, именно поэтому они некогда не сталкивались с подобными проблемами, перед авторами стояли, преимущественно, социально-политические вопросы, возникавшие в Советском Союзе.

⁹¹.Там же.

⁹². Довлатов Сергей, Иностранка, издательский дом, «Азбука-классика», Санкт-Петербург, 2007, стр. 58

Четвертой волна русской эмиграции

Главными центрами четвертой волны эмиграции, как и третьей, были США, Германия и Израиль.

Германия считалась традиционной столицей русской эмиграции до распада Советского союза, особенно в период первой волны. После распада Советского союза Германия еще некоторое время сохраняла статус главного центра русской эмиграции, и среди остальных центров - США и Израиля – находилась на первом месте. Состав русских эмигрантов, переезжающих в разные страны, преимущественно, состоял из немцев, живущих в России, русских и евреев:

“Three non-FSU countries receive the bulk of persons leaving Russia: Germany with about 59 percent, Israel with 25 percent, and the United States with 11 percent. Migration to the far abroad consisted primarily of three groups--Germans, Russians, and Jews. For the period from 1995 to 2002, 43 percent of net migration consisted of Germans, attracted by the generous resettlement package for the aussiedler and the strong German economy. The second largest group of emigrants, Russians, made up 38 percent of net emigrants, and the third group, Jews, 10 percent(Heleniac, 2002).”

Данные управления по делам миграции и беженцев свидетельствуют о том, что в период 1950-2005 гг. в Германию переселилось 4481482 так называемых (*Spat*) *Aussiedler* «поздних переселенцев», из которых количество эмигрантов и беженцев из бывшего СССР оказалось на первом месте (2334334)⁹³. Этнический состав эмигрантов в Германию включал немцев еврейского происхождения и русских беженцев. Евреи, преимущественно, эмигрировали из России в Израиль и в Америку, эмиграция в

⁹³Бренингер Ольга, Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии. «НЛО» 2014. №3 (127) <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/22b-pr.html> даты цитированы из <http://initiative-tageszeitung.de/lexika/leitfaden-artikel.html?LeitfadenID=66>; и <http://www.bamf.de/EN/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html>

Германию началась только после того, как большинство евреев эмигрировали из этих двух стран⁹⁴.

Главной причиной русской эмиграции были социальные проблемы, возникшие после распада Советского Союза, однако распад был не единственной причиной эмиграции. К концу 1980 - началу 1990 гг. годов эмигрировать из Советского Союза было модно и переезжать стали из-за того, что кто-то из семьи просто захотел эмигрировать. Ольга Брейнигер описывает опыт некоторых таких эмигрантов.

Этническое разнообразие русской диаспоры способствовало формированию подгрупп. Разнородность и гибридность стали определяющими чертами современной русской диаспоры в разных странах. Причиной этой разнородности оказалось отсутствие общего мотива эмиграции. Предыдущие волны русской эмиграции были объединены общей идеологией, общими причинами эмиграции – репрессии, угнетение, политическая принадлежность, которые не характерны для четвертой волны русской эмиграции. Отношения между различными подгруппами русской диаспоры были напряжённым, по тем или иным причинам, в основном по этническим. Людмила Исурина рассказывает о враждебности не только по отношению к родным и эмигрантам, но и к различным подгруппами русской диаспоры⁹⁵. Ольга Бренингер, в этом отношении, упоминает высказывание немецкого исследователя:

“Ульрике Кляйнкнехт-Штреле также указывает на напряженность между различными группами переселенцев. Исследовательница отмечает, что мигранты, приехавшие в Германию до 1989 года, образуют более однородную и интегрированную группу, в отличие от мигрантов, приехавших после 1989 года. Последние являются более разнородным и менее интегрированным множеством, что способствует трениям между ними .”

⁹⁴Людмила Исурина пишет об этом: immigration to Germany opened after the majority of Russian Jews who wanted to emigrate had left Russia for Israel or the US. Those who immigrated to Germany did not have a strong incentive to leave Russia before or right after the collapse of the USSR. Стр. 151

⁹⁵ Стр. 135-143

Несмотря на то, что характерной чертой современных диаспоральных сообществ стал мультикультурализм, тем не менее, в опыте различных эмигрантов мы наблюдаем напряжённость. Эмиграционные опыты разных эмигрантов значительно расходятся, о чем свидетельствуют опыты двух эмигрантов, с которыми беседовала Ольга Бренингер. Первый эмиграционный опыт Марии был неудачный:

“Первые дни и недели прошли в полном ужасе от враждебности по отношению, ну, в моем понимании враждебности, совсем все по-другому, я ничего не понимаю, ни их порядков, ни их обычаев, все для меня чуждое, поэтому неприятное. Приятных моментов было крайне мало. Улыбка на лице при том, что я абсолютно точно знаю, что человек совершенно не расположен улыбаться и относится ко мне нехорошо. Они относятся ко всем людям, которые приезжают сюда, как к «понаехавшим», у них есть для этого свои основания, потому что Германия явно опустилась, стала ниже уровнем благосостояния, но их до этого довела толерантность — совершенно ненужное понятие, потому что нельзя мириться с тем, [что] в Европе коренное население является меньше половины европейцами, а больше половины — азиаты и все прочие⁹⁶.”

Опыт Зои значительно отличался от опыта Марии:

“Первые впечатления были бесподобные. Мы были очень счастливы. Когда мы сюда прилетели, я себя чувствовала как в самом прекрасном отпуске⁹⁷.”

⁹⁶Бренингер Ольга, Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии. «НЛО» 2014. №3 (127) <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/22b-pr.html>

⁹⁷ Там же.

Литературный бомонд русской эмиграции вел очень активную деятельность. Писатели русской диаспоры в Германии создавали произведения не только на своём родном языке, но и на немецком. Одной из главных фигур литературы русского зарубежья является Владимир Каминер. Родился он в Москве в 1967г., в 1990г. эмигрировал в Восточную Германию. В первом сборнике рассказов «*Russendisko*» он описывает эмигрантскую жизнь в Восточной Германии. Не менее значимыми представителями русской диаспоры в Германии являются – Юрий Малецкий, Дмитрий Вачедин, Алина Бронски. Алина Бронски родилась в 1978 г. в Екатеринбурге, в подростковом возрасте с родителями переехала в Германию. Как и Каминер, Алина выбрала в качестве литературного языка немецкий. Её первая книга «*Scherbenpark*» («Парк осколков») получила положительную рецензию. Дмитрий Вачедин родился в Ленинграде в 1982 году, эмигрировав в Германию в 1999 году. Все его произведения написаны на русском языке. В 2007 году Дмитрий за рассказ «Стрелок небесной лазури» был награждён премией «Дебют». Его роман «Снежные немцы» вошел в Лонг-лист «Русской премии». Юрий Малецкий родился в Куйбышеве (Самара), в 1995 г. переехал в Германию. Юрий дебютировал в 1986 г. в тамиздатском журнале «Континент». Дважды его произведения были номинированы на премию «Русский букер» - в 1997 году за книгу «Убежище» и 2007 г. за роман «Люблю».

Перед эмигрантами четвертой волны очень часто стоит проблема самоопределения национальной принадлежности. В этом отношении эти писатели занимают среднюю позицию. Их идентичность находится в переходном состоянии между русской и немецкой. Вопрос идентичности для писателей не важен, живя в Германии, они сохраняют связь с родиной. Среди работ Владимира Каминера только одна книга «Руссендиско» переведена на русский язык, но это никак не задевает и не расстраивает его. Позицию этих писателей можно понять с точки зрения теории гибридности Хоми Баба, по которой культурные различия уходят на второй план:

“To grasp the ambivalence of hybridity, it must be distinguished from an inversion that would suggest that the originary is, really, only an ‘effect’. Hybridity has no such perspective of depth or truth to provide: it is not a third term that resolves the tension between two cultures, or the two scenes of the book, in a dialectical play of

'recognition'. The displacement from symbol to sign creates a crisis for any concept of authority based on a system of recognition: colonial specularities, doubly inscribed, does not produce a mirror where the self apprehends itself; it is always the split screen of the self and its doubling, the hybrid⁹⁸."

Вопрос идентичностей стоял не только перед писателями, но и перед представителями четвертой волны эмиграции.

Большинство эмигрантов четвертой волны переезжали в Америку. Популярность США, как центра русской эмиграции подтверждается и статистическими данными. Перепись населения 2000 года показала, что из 281 миллиона человек, проживающих на территории США, 2.9 миллиона составило русскоязычное население⁹⁹. Сейчас русские эмигранты проживают в разных районах США -Огайо, Хьюстон, Бруклин, Лос-Анжелес и др.

Литературная ценность русской эмиграции в США значительна. Так же как и в Германии, писатели и поэты-эмигранты, живущие в США, пишут свои произведения, как на английском, так и на русском языках. Прозаики которые пишут свои произведения на английском языке, как правило, переехали в Америку будучи молодыми. Многие из них не знали язык принимающей их страны и на их молодой возраст иностранная культура воздействовала достаточно сильно. Изучая язык и культуру Америки, они начали писать на английском языке. Источником их произведений часто становится тема эмиграции. Гари Штейнгатт является главным представителем литературы русской диаспоры в США. Он родился в 1972 году и с семьей переехал в Америку. Первый его роман «*The Russian Debutant's Handbook*» («*Приключения русского дебютанта*» или «*Записки русского дебютанта*») стал бестселлером в США и был признан романом "Нового Набокова". За это произведение Штейнгатт получил несколько наград. Лара Вапняр так же пишет свои произведения на английском языке. Она родилась в 1971 году, а в 1994 году переехала из Москвы в Нью-Йорк. Первый свой сборник рассказов она написала в 2003 году, который посвящен жизни эмигрантов в Америке. Кроме прозаиков в США достаточно

⁹⁸ Location of culture. Стр. 114

⁹⁹<http://www.ameredia.com/resources/demographics/russian.html>

популярны и поэты-эмигранты. Существует даже так называемая русская поэзия Нью-Йорка. Главными поэтами русской эмиграции четвертой волны принято считать Андрея Грицмана, Александра Стесина, Владимира Ганделсмана, Владимира Друка, Ирину Машинскую, Григория Стариковского и Алексея Цветакова. Большинство этих поэтов пишет свои стихи на русском языке, но они не отказываются от влияния окружающей среды и настаивают на существовании целой традиции русской поэзии, которая отличается от поэзии метрополий. Андрей Грицман отмечает, что, в России русских эмигрантов считают чужими, людьми, которые изменили своей культуре:

“По какой-то странной причине в русской традиции, несмотря на восприятие эмигранта вроде бы как своего, есть некоторое ощущение, что ты изменил своей родине. Я говорил, что делаю антологию поэтов, которые говорят по-английски с акцентом. Это абсолютно уникальное, но естественное и живое явление. Любопытно, что, когда начинаешь говорить об этом русском феномене, люди других культур даже не понимают, о чем идет речь. Наоборот, они стараются связываться со своими соотечественниками... И последнее, что я скажу – это просто безобразный позор, что в стране Америке и в городе Нью-Йорке нет центра, дома русской культуры(Грицман, 2010).”

Интересно отметить, что данное чувства отчуждения в своем родном стране, ощущают только представители русской эмиграции четвертой волны. Причиной этого отчуждения является не столько эмиграция, сколько освоение чужого языка. Отсюда можно сделать вывод, что русский язык среди других критериев русской идентичности преобладает в большей степени.

Литература четвертой волны русской эмиграции не является столь влиятельной и масштабной по отношению к предыдущим волнам, но ненужно умолять её значимость. Предназначение четвертой волны заключается в создании новой традиции литературы современной русской диаспоры, отличающейся от диаспор предыдущих волн и имеющей свои оригинальные характеристики и свойства.

Появление четвертой волны русской эмиграции считается несколько спорным явлением. Сомнение по поводу четвертой волны русской эмиграции четко выразила в своем высказывании Ольга Исаева:

“Эмиграция из России была массовая только после революции. Потом была эмиграция из Советского Союза – и четвертая эмиграция – это не из России эмиграция, это эмиграция из бывших стран, которые принадлежали Советскому Союзу, - это Украина, это Белоруссия, это Таджикистан... Что нас объединяет? Нас объединяет русская культура, любовь к этой русской культуре. И язык – это одно и то же для меня. Поэтому не может человек эмигрировать с родины и забыть это все; т.е., может, но вот тогда это будет психопатия¹⁰⁰.”

Подобные точки зрения усложняют проблематику исследований четвертой волны. Благодаря вспомогательным исследованиям третьей волны русской эмиграции, чётко проявляются следы продолжившейся эмиграции из России и после распада советского союза. Большинство исследователей не видит различий между эмиграционными волнами перед и после его распада. Именно здесь, а возможно и в 1980-х годах, обнаруживается четкое различие между третьей и четвертой волнами русской эмиграции.

Характер русской эмиграции значительно изменился после распада Советского Союза, как и его воздействие на изучение и исследование русского зарубежья. Четвертая волна отличается от всех предыдущих тем, что её литература очень часто не включается в общий корпус литературы русского зарубежья. При исследовании литературы русского зарубежья в современном литературоведении очень популярен

¹⁰⁰Грицман Андрей. Поэзия метрополии и диаспоры: противостояние или слияние? // «Интерпоэзии», 2007, №4.

подход исследования единой литературы. Мысль об единой литературе высказал в своей работе Глеб Струве «Русская литература в изгнании»:

“Эта зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутрироссийские. Много ли может советская русская литература противопоставить «Жизни Арсеньева» Бунина, зарубежному творчеству Ремизова, лучшим вещам Шмелева, историко-философским романам Алданова, поэзии Ходасевича и Цветаевой, да и многих из молодых поэтов, и оригинальнейшим романам Набокова (Струве, стр. 22)¹⁰¹?”

Подобное мнение выражают и писатели третьей волны, например, Андрей Синявский:

“Заранее хочу оговориться, что, как и многие другие, я придерживаюсь точки зрения, что, при всех исторических разрывах и разобщениях, русская литература едина, а понятием двух литератур я пользуюсь скорее ради схематического и терминологического удобства¹⁰².”

Мысли Синявского находят отражение и в строчках Сергея Довлатова, написанных в 1980 году, в первом номере «Новый американец»:

“Когда–то, в Союзе, мы были очень похожи...

Теперь мы все очень разные. . . .

Но литература – одна. Единственная. Русская литература.

¹⁰¹ Струве Глеб. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк.: Издательство имени Чехова.1956. стр. 22

¹⁰² . <http://www.sergeidovlatov.com/words.html>

Высшее достижение нашей многострадальной родины. Лучшее, что нас объединяет(Довлатов)¹⁰³.”

Таким образом, литературная панорама до распада Советского Союза находилась в постоянном полемическом состоянии, тем не менее, вошла в единую историю русской литературы. Об этом свидетельствуют многочисленные книги об истории современной русской литературы, где писатели-эмигранты и советские писатели изучаются на общем фоне. Однако, данная точка зрения значительно меняется, когда речь идет о представителях четвертой волны русской эмиграции, особенно о тех, которые не пишут на русском языке – например, писатели, упомянутые в данном исследовании.

Вышеуказанное разнообразие во подходах определяется тем, что установить идентичность писателей четвертой волны оказывается достаточно сложно. В современном мире процесс формирования идентичностей стал значительно сложным. Идентичность не является конкретным, завершенным процессом, а может быть воспринята как переходный, колеблющийся и незаконченный процесс. Сложность данного процесса подтверждается высказыванием Татьяны Толстой об Андрее Макине: она отмечает, что «Макин русский человек, но НЕ русский писатель, и это и есть самое странное и интересное в этой истории»¹⁰⁴. Макин пишет на французском, поэтому и не является русским писателем? Каким образом проявляется идентичность русского писателя? Решению этих вопросов мы посвятили следующие главы, где будем рассматривать творчество выбранных ранее писателей.

¹⁰³«Новый американец», № 1, 8—14 февраля 1980 г. <https://public.wikireading.ru/3649>

¹⁰⁴Татьяна Толстая. Русский человек на randevу // «Знамя» 1998, №6. <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/tolst.html>

Глава III

Изображение транскультурной идентичности в романе Андрея Макина «Французское завещание»

В данной главе рассматривается творчество Андрея Макина, признанного писателя, представителя современной русской диаспоры во Франции. При рассмотрении его творчества, особое внимание было уделено роману «*Le testament français*» («Французское завещание» “Dreams of my Russian Summers”), принесшему автору не только необычную популярность, но и две самые престижные литературные премии Франции: Гонкуровская премия (Prix Goncourt) и Премия Медичи (Prix Medics). Андрей Макин стал первым писателем, который получил обе эти награды. Роман Макина также был удостоен ряда других литературных наград¹⁰⁵. «Французское завещание»-автобиографичный роман с многогранно-художественным изложением, посвященный проблеме идентичности. Сюжет романа «Русское завещание» достаточно простой. Маленький мальчик, который сначала не имел имени, а к концу романа его называют Алешой, живет с семьей в некоем индустриальном городе на Волге. Он с сестрой, тоже без имени, и семьей каждое лето приезжает к своей бабушке в Саранзу, выдуманное городишко на краю бесконечных степей. Его бабушка, в прошлом французская красавица, элегантная, образованная женщина, которую всегда очень любили мальчики, каждое лето рассказывала истории из своей былой жизни: о Франции, о французской культуре и о советском прошлом. Она рассказывала им о революции и гражданской войне, читала мальчикам, особенно Алеше, французские поэмы, отчего тот увлекся французской культурой и языком. В итоге, у главного героя появляется проблема культурной принадлежности. В кратком изложении, сюжет

¹⁰⁵Макин награжден «лицейским Гонкуром» за свою притягательность среди молодых читателей. Не только у французской, но и у английской публики роман вызвал восхищение. На английский язык роман был переведен в 1997 г., под названием «Dreams of my Russian Summer»: «An English translation with the title Dreams of My Russian Summers appeared in 1997, garnering the Los Angeles Times Best Book of the Year as well as the Boston Book Review Fiction Prize». Wanner Adrian. Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora. Evanston. Northwestern University Press. 2011. P. 19

романа кажется несложным, но в широком прочтении он осложняется ответвлениями повествования. Рассказчиком романа является мальчик, но его голос периодически сменяется голосом бабушки главной проблематикой романа становится проблема идентичностей.

Это четвертый роман А.С. Макина, написанный на французском языке. А.С. Макина предпочитает писать на французском языке, именно это выделяет его на фоне других писателей эмигрантов. Ранее были изданы следующие романы: «Дочь Героя Советского Союза» («La Fille d'un héros de l'Union soviétique», 1990), «Исповедь павшего знаменосца» («Confession d'un porte-drapeau déchu», 1992), «Во времена реки Амур» («Autemps du fleuve Amour», 1994). История публикаций романов носит приключенческий характер. Французские издатели не соглашались публиковать романы Андрея Макина, пока он утверждал, что все произведения написаны им самим на французском языке. Издатели не могли поверить в высокий уровень владения французским языком неким эмигрантом. Для решения этой проблемы писателю пришлось говорить, что его романы являются переводом с русского. Однажды, некий издатель, сомневаясь в точности перевода, попросил посмотреть оригинал. Поэтому А.С. Макину пришлось переводить свои романы на русский язык, чтобы показывать издателям оригиналы¹⁰⁶.

Андрей Макин (1957-) - один из самых известных французских писателей российского происхождения. Родился он в сибирском городе Красноярске в 1957 году. Факты из его биографии, особенно из советского прошлого, практически неизвестны, от всех вопросов, связанных с этим периодом жизни, писатель уклоняется. Относительно таинственности у Андрея Сергеевича есть свои объяснения. В одном собеседовании он отмечает, *«a writer disavows himself when he talks about his life. Because then his life turns out to be different from what is written, people ask him justifications and explanations, people finds out these is something wrong [que ça ne colle pas]»*. Так причины его отъезда из России и детали личной советской жизни остаются тайной. Даже неясно, где и у кого учил он французский язык. Это является одним из

¹⁰⁶Посмотрите: Victor Brombert, Torn Between Two Languages, New York Times, August 17, 1997. <http://www.nytimes.com/books/97/08/17/reviews/970817.17brombet.html>

Толстая Татьяна, Русский человек на randevу // Знамя 1998, 6.
<http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/tolst.html>

самых загадочных вопросов его биографии. В одном из прошлых интервью писателя мы узнаём, что подобно роману «Французское завещание», его «*французская бабушка Шарлотта Лемоннье научила будущего писателя языку Бальзака и Вольтера*»¹⁰⁷. Однако, позже Макин откажется от вышеуказанного факта и расскажет новую версию о знакомой женщине, которая обучала его французскому языку, не состояв с ним в родственных отношениях.¹⁰⁸ К чему это загадочность? По-моему, мнению, и как уже намекал Макин, для писателя, включающего автобиографические черты в свои романы, самым ценным сокровищем является его личная биография. Значимой становится для него и литературная биография. Образ пожилой женщины, научившей маленького мальчика французскому языку и культуре, появляется в ряде романов и является исключительно значительным элементом изложения писателя:

*“The situation of a Russian adolescent boy being initiated into the French language and culture by a older women occurs not only in *Le testament français* but in several other novel by Makine. Charlotte Lemonnire’s ‘doubles’ include Olga in *Au temps du fleuve Amour*, a Russian noble women who grew up in Paris, as well as Shasha in *Requiem pour l’Estand Alexandra* in *La Terre et le ciel de Jacques Dorme*, both of them French women who became involuntarily stranded in the Soviet Union and who carry the last name as Charlotte. All of these women play a crucial role in introducing Makine’s protagonists and first-person narrator to the world of French language, literature and culture(Wanner)¹⁰⁹.”*

Из биографии Макина известно, что он закончил Московский университет, защитил докторскую диссертацию по теме «Детство в современной французской

¹⁰⁷ Русский «Гонкур», журнал «Огонек» №21
<https://www.kommersant.ru/doc/2300802>

¹⁰⁸Wanner Adrian. *Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora*. Evanston. NorthwesternUniversityPress. 2011. P. 21

¹⁰⁹ Там же.

литературе». Стал преподавателем в Новгородском педагогическом институте. В 1987 году в тридцатилетнем возрасте ему предоставили убежище во Франции. Он пишет свои произведения на французском языке. И является внуком французской эмигрантки.

Вопрос русской идентичности становится значимым не только в произведениях писателя, но и для самого Макина. Его воспринимают, прежде всего, как русского человека во Франции. Макин русский человек – данное высказывание совсем не спорно, не во французском контексте, не в русском. Известная русская писательница Татьяна Толстая в одной своей статье о А.С. Макине (особенно о романе «Французское Завещание»), опубликованной в журнале Знамя, воспринимает его как русского человека, но не признает в нём русского писателя. Писательница считает, что в жизни Макина и его романе отчетливо проявляется борьба идентичностей:

“Макин русский человек, но НЕ русский писатель, и это и есть самое странное и интересное в этой истории. Из его романа, собственно, следует, что он хочет быть русским, а если иногда восстает, то этот протест кратковремен; что он обречен на русскость, что с этим ничего не поделаешь. А с другой стороны, он хочет быть французом, он поселился в Париже, он хочет писать по-французски, его русская и французская ипостаси одновременно составляют целое и борются друг с другом(Толстая)¹¹⁰.”

С одной стороны, можно согласиться с вышеуказанным высказыванием Татьяны Толстой, конечно, творчество и жизнь Макина представляет смутный переход идентичностей, с другой стороны, данная непрерывная борьба между идентичностями обнаруживает сам процесс установления идентичности, который никогда не является завершённым. Процесс установления идентичности очень сложный. Перемены или перемещение границ (переход с одного языка в другой, или с одной страны в другую) не означает утраты прежней идентичности и освоение другой. Даже после того, как

¹¹⁰ Татьяна Толстая. Русский человек на randevу // «Знамя» 1998, №6.
<http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/tolst.html>

было известно о том, что Макин пишет свои произведения на французском, его русская идентичность не иссякла:

“Even when it became known that Makine wrote his books in French, the exotic allure of his Russianness remained a key component of his appeal. After he was awarded the Prix Goncourt, Le monde published an interview with the author under the title “Andrei Makine: Goncourt des steppes”, which emphasised his ascetic “very Russian” way of life (Wanner)¹¹¹.”

Автобиографизм, полу-автобиографизм или термин который предпочитает Адриан Ваннер, чтобы определить процесс ассимиляции личных деталей и данных в художественном творчестве: «псевдо-автобиография», является неотъемлемой частью литературного процесса Макина. По словам Андрею Вачтэла, под «псевдо-автобиографией» понимается ретроспективное изложение от первого лица, основанное на личном материале, в котором автор и протагонист не являются одним целым¹¹². Макин постоянно использует этот метод в своих произведениях. Например, в *La Terre et le ciel de Jacques Dorme*, рассказчик русский эмигрант, подобно Макину, пишущий свои романы на французском языке, которые отвергаются издателями. Здесь, в данном изложении, Макин сам подчеркивает свою нужду смешивать воображаемое с реальностью:

“My manuscript was complete. A much fictionalized account, for at the time I believed that only a novel could render the improbabilities of real life readable. It was turned down by several publishers¹¹³”

¹¹¹Wanner Adrian. Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora. Evanston. Northwestern University Press. 2011. P. 20

¹¹²Посмотрите: Wanner Adrian. Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora. Evanston. Northwestern University Press. 2011. P. 23, 202 и еще Wachtel Andrew, The Battle for childhood: Creation of Russian Myth. Stanford, California. Stanford University Press. 1990. P. 3

¹¹³Makine Andrei. The Earth and Sky of Jacques Dorme. Translation – Geoffrey Strachan. P. 22

В конечном итоге некое большое парижское издательство согласилось выслушать его историю. К удивлению писателя, издателем была красивая молодая женщина, и ей прежде всего понравился рассказ о француженке, которая обучала маленького мальчика своему родному языку. Писатель повествовал подлинную историю данного вымысла, но увидев поникшее лицо издателя, неожиданно изменил свой рассказ:

"I interrupted her (she was saying: "What's so great is the two of them, the child and the old Frenchwoman telling him about her country and teaching him her language . . ."). I began to reveal the true story that lay behind the fiction. Odd scraps of life experience that only the plot of a novel could link together, scraps of love that only imagination could fashion into a love story, and a vast throng of men and women who had had to be cast aside into oblivion . . . "You see, the old Frenchwoman and her grandson were not actually ..." I pressed on with what was, in spite of myself, fast becoming a work of demolition. I must have noticed this from the slight expression of pique that came over the woman's face. "But all the characters are real people!" I concluded, as if offering the authentication of a vintage(Makine, The Earth and Sky of Jacques Dorme 22-23)¹¹⁴.

Отсюда в романе возник спор о правде и вымысле. Спор также указывает на русскую идентичность рассказчика. Высказывая своё видение проблемы, рассказчик предпочёл обратиться к русскому примеру – подобный же спор возник после публикации романа «Война и мир» Толстого. В данном изложении изображена проблема идентичности. Русский эмигрант-писатель, пишущий свои романы на французском языке, возможно, еще не привык думать по-французски, или привык, но все-таки культурная память даёт о себе знать и в нём сохраняется набор русских воспоминаний. Макин, высказываясь о споре о фактах и вымыслах в романе «Война и мир» Толстого, рассказывает о характере старого академика «Наров», существование которого также является сомнительным. Тем не менее, автором подчеркивается

¹¹⁴Там же. 23-24

культурное взаимоотношение между Россией и Францией. Подтекстом данного изложения можно считать то, что культурная идентичность, как у любого человека, так и у любой страны не может быть запасом воспоминаний истории одного человека или одной страны. Культурная память – это прежде всего взаимоотношение между разными культурами:

“Amid a torrent of belated arguments, what came to mind was the debate about truth and fiction unleashed by War and Peace. Murderous criticism, historians finding more than a thousand errors in the book, and one newspaper’s verdict: “Even if this author had a shred of talent, he must still be condemned.” But especially the opinion of the old academician, Narov, who could not forgive Tolstoy for the degrading portrayal of Kutuzov, the commander in chief of the Russian forces. For on the eve of the decisive battle against Bonaparte at Borodino we see the savior of Russia lounging in an armchair, a somewhat relaxed and extremely unmilitary posture, and to add insult to injury, immersed in a French novel! Les Chevaliers du Cygne (The Knights of the Swan) by Madame de Genlis . . . “What kind of perverse imagination would create so false a scene?” thundered the academician. “At that fateful hour Kutuzov would have been engaged in poring over battle maps – or at the very least, reading Caesar’s Commentaries.” Difficult to gain say Narov, who took part in the battle and even lost an arm there. And yet. . . After Narov’s death a good many French novels are actually found in his own library, among them Les Chevaliers du Cygne, with this note in handwriting on the flyleaf: “Read in the hospital, where I was nursing my wounds, after being taken prisoner by the French (Makine, The Earth and Sky of Jacques Dorme 24-25)¹¹⁵.”

¹¹⁵Там же 24-25

Роман Макина «Французское завещание» можно рассматривать как обращение к воспоминаниям, где рассказчик и автор стараются отыскать культурные корни своей идентичности. Не только роман, но и переводы его названия намекают на разные подходы к содержанию. На французском языке роман называется «*Le testament français*», в дословном переводе на английский язык эта фраза будет выглядеть так «The French testament». Французское знание слова «*testament*» значительно отличается от английского:

“In French, a ‘‘testament’’ is a last will, a legacy, a posthumously revealed secret -- all of which are relevant to the essence of the story. ‘‘Testament’’ also connotes a linguistic legacy, one that confirms for the narrator the overwhelming power of literature (Brombert)¹¹⁶.”

Так, английское название романа «*Dreams of my Russian Summers*» с самого начала указывает на русские корни писателя. Английское название поясняет, о чем этот роман, но не передаёт транскультурное взаимоотношение между названием и содержанием, которое несет в себе французское или русское. Русское слово «завещание» означает подобное же значение, как и французское «*testament*».

Для установления транскультурной идентичности её необходимо проанализировать по трём критериям – язык, место и память. Эти критерии являются главными компонентами утверждения идентичности – в современном контексте – транскультурной идентичности. Стоит отметить, что эти параметры традиционно были рассмотрены, как способы выражения односторонней и неподвижной идентичности.

Язык является неотделимой частью нашей идентичности. Очень часто народы различают по языку, употребляемому ими в процессе общения. Это происходит не только на уровне разных обществ или стран, но и в рамках одного общества. В Индии языковая композиция является главным катализатором региональных идентичностей. Однако язык не только является частью идентичности, но и является значимым средством установления идентичности:

¹¹⁶Victor Brombert, Torn Between Two Languages, New York Times, August 17, 1997.
<http://www.nytimes.com/books/97/08/17/reviews/970817.17brombet.html>

“...in the process of socialization which is also the process of individualization, language plays a role which should not be underestimated. It provides a means to encode and access memories (Bauer & Wewerka 1997), a narrative framework for organizing memory (Reese, Haden & Fivush 1993) and therefore a modality for restoring and reevaluating a memory that otherwise might be forgotten (Neisser & Libby 2000)¹¹⁷.”

В конце 1990-х годов в Нью-Йорке японский психиатр Йошизава Миадерс (Yoshizawa Meaders) выдвинул теорию формирования идентичности среди эмигрантов. Опираясь на свое исследование, Миадерс предложил транскультурную теорию формирования идентичности. По этой теории, процесс проходит три фазы – на первой совершается потеря языка, на второй, идентичность находится в обеих культурных сферах, третья фаза является транскультурной, когда межкультурная идентичность не вызывает конфликта:

“The first phase, the immersion phase, is described as the most dynamic and difficult one during which losses are acutely felt. Language is perceived as the most difficult challenge of this period, since language is vitally important in communication, and in defining identity in relationship to others. In the second phase, the phase of bicultural identity, the conscious recognition of aspects of identity is reflected as rooted in both the original and the adopted cultures. In the third, transcultural phase, finally, the migrant has developed his or her ‘transcultural self’ – biculturalism (including bilingualism) is no longer experienced as a conflict (Prescher 193)¹¹⁸.”

¹¹⁷ Petra Prescher, Identity, immigration and first language attrition // Kopke Barbara & oth.[ed.] Language Attrition: Theoretical perspective. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. 2007. 193

¹¹⁸ Там же.

Транскультурный процесс формирования идентичности является частью культурного формирования. Творчество Макина отчетливо обличает формирование идентичности, развёртывая сложный процесс ассимиляции эмигрантской жизни. Рассказчика романа Макина невозможно называть эмигрантом, но он постепенно сталкивается с этим наследством – через историю своей бабушки. В романе транскультурная идентичность устанавливается на двух уровнях. На первом уровне рассказчик обнаруживает необычный французский мир в рассказах своей бабушки, необычный в том смысле, что непохожий на обычный мир русского человека. На втором изображает русскую жизнь и испытания бабушки.

Изложение романа «Французское завещание» является многогранным. Хотя рассказчиком романа является неизвестный¹¹⁹ мальчик, который со своей сестрой, тоже неизвестной, приезжали каждое лето к своей бабушки в Саранзу, маленькое село на краю бесконечной степи. Необходимо отметить что, рассказчиком романа является не только мальчик, ни бабушка – Шарлотта. Голоса рассказчиков очень часто, особенно в первой части романа, тесно сплетаются. Это роман о французском завещании, которое Алёша, унаследовал от своей бабушки, а она в свою очередь, от матери.

Первые транскультурные связи рассказчика открываются с помощью языка. Связи с французским языком присутствовали в самых банальных практиках русского сообщества, к которому принадлежал рассказчик. Очень часто соответствующие языковые влияния оказываются незаметными, люди не понимают их значения, но все-таки используют. Подобное слово оказывается в романе. «*Petite pomme*» одно из первых слов иностранного языка, которое мальчик впервые слышал. Это слово из родного языка бабушки – французского. «*Petite pomme*» слово, произносимое знакомыми и родственниками перед снимком, и обладающее почти магическим действием, оживляющем и украшающим лицам. Называли это явление эффектом «пётитё помм»:

¹¹⁹ Первые же главы романа не называют мальчика, и он оказывается почти безымянный. Имя мальчика узнаем только к концу – Алёша.

“For these women knew that in order to be beautiful, what they must do several seconds before the flash blinded them was to articulate the following mysterious syllables in French, of which few understood the meaning: “petite pomme.”... As if by magic, the mouth, instead of being extended in counterfeit bliss, or contracting into an anxious grin, would form a gracious round. The whole face was thus transfigured. The eyebrows arched slightly, the oval of the cheeks was elongated. You said “petite pomme,” and the shadow of a distant and dreamy sweetness veiled your gaze, refined your features, and caused the soft light of bygone days to hover over the snapshot(Makine, Dreams of my Russian Summer)¹²⁰.”

Интересным оказывается в данном изложении, высказывание о том, что было мало тех, кто понимал значение этих слов, но продолжал безразлично использовать их. Присутствие иностранного фрагмента в их действительности, межкультурный контакт проходил неощутимо. Тем не менее, для рассказчика-мальчика, эти слова имели некое магическое действие. Межкультурные связи рассказчика со временем углубляются. Французский язык для него становится «домашним» диалектом. Этот домашний диалект подчеркивает своеобразное культурное наследство рассказчика, которое отличает его от обычных русских семей:

“As for the French language, we basically regarded it as our family dialect. After all, every family has its little verbal whims, its tics of language, and its nicknames that never cross the threshold of the house – its private slang”.

Проблемы межкультурной коммуникации также отражаются в романе. Каждый язык является суммой кодов, соответствующий определенной культуре, а они имеют определённые значения. Транскультурный процесс обеспечивает говорящему

¹²⁰Makine Andrei, Dreams of my Russian Summers. Translation Geoffrey Strachan. NewYork. ArcadePublishing. 2008.

свободный переход с одного культурного запаса слов на другой, что позволяет ему легко переводит культурные коды. Однако, транскультурализм сопровождается некоторыми процессами. Как отметил Йошизава Миадерс. Рассказчик романа тоже сталкивается подобной проблемой. Бабушка Шарлотта, рассказывая Алеше историю на французском языке, вспоминает о своей деревни. Но мальчик, который в отличии от своей бабушки, развил транскультурный языковой запас, не понимал, что такое французская деревня:

“Our grandmother had indeed said to us one day, when speaking of her birthplace, “Oh! At that time Neuilly was just a village...”

She had said it in French, but we only knew Russian villages. And a village in Russia is inevitably a ring of izbas; indeed the very word in Russian, derevnya, comes from derevo – a tree, wood. The confusion persisted, despite the clarifications that Charlotte’s stories would later bring. At the name “Neuilly ” we had immediate visions of the village with its wooden houses, its herd, and its cockerel. And when, the following summer, Charlotte spoke to us for the first time about a certain Marcel Proust – “By the way, we used to see him playing tennis at Neuilly, on the boulevard Bineau” – we pictured the dandy with big languorous eyes (she had shown us his photo) there among the izbas(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Значимость вышеуказанного текста заключается не только в поднятии проблемы транскультурного общения, но и в обнаружении своеобразного транскультурного стиля повествования Макина. Не смотря на ограниченный словарный запас русских слов, Макин использует их для создания определенного эффекта. Это переход с одних культурных кодов на другие. Слова, которые Макин употребляет в своих произведениях, оказываются не сложным, обозначают бытовую русскую действительность и культуру. Чаще всего им используются слова «izba», «derevnya», «sharka», «babushka», «dacha». Переводчик романов Геоффри Страчан, наблюдает за

формированием транскультурного стиля, и именно поэтому воздерживается от перевода этих слов. Вот некоторые примеры из разных романов Макина:

“And when he surprised her one evening, as she appeared on the path that led from the hospital to the izba where she lodged ...

Two soldiers, their shapkas pushed back on their heads, their overcoats unbuttoned, beat a path through the mass of huddled bodies.

His thoughts slid on to the days spent at the dacha, in that village with the melodious name of Bor

Music of a Life

He barricaded himself in his dacha and wouldn't let anyone in.

Clad in padded jackets, dishevelled shapkas, and down-at-the-heel felt boots.

One evening they walked out of the school, strolled slowly through the half-burned village, talking all the time, and stopped beside the very last izba.

A Hero's Daughter

Outside, one can only walk by thrusting a pike or a ski pole into the carapace of snow swept clean by the blizzard. Indoors, in the izba's long mess hall, the steel stove is red hot.

As did the uniforms of the border guards, which were of a strangely effeminate cut, and the eagles on their shapkas, cheap gold braid reminiscent of Christmas tree decorations.

The Earth and Sky of Jacques Dorme”

Вышеуказанные примеры отражают особый процесс языкового общения, где языковое сообщение не полностью соответствует действительности, в которой оно используется. Это не является девиацией от нормативного языка, здесь показан

иноязычный культурный контекст, намекающий на своеобразное культурное наследство писателя. В этом отношении следует отметить, что лишь употребление русских слов не передает незнакому с русской действительностью читателю смысл. Как это происходит с Алешей. Лишь бабушкины слова «*Neuilly, à l'époque, était un petite village*» не передают ему никакого представления о французском деревне. В воображении Алеши данный языковой культурный код не дешифрируется. Читатель, не расположен к транскультурному мышлению, но он воспринимает данный языковой код в пределах своей действительности, которая в данном процессе немного трансформируется. «Французское завещание» проливает свет и на эту проблему тоже:

“Beneath the fragile patina of our French words Russian reality often showed through. The president of the Republic was bound to have something Stalinesque about him in the portrait sketched by our imagination. Neuilly was peopled with kolkhoznik (Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Языковой код в данном транскультурном процессе становится необходимостью. Язык является ключом, открывающим транскультурные воображения, о которых бабушка Шарлотта рассказала Алеше и его сестре. Бабушка рассказывала им каждый вечер свои воспоминания. Эти рассказы и воспоминания несут себе особый культурный код, который можно дешифровать с помощью только французского языка. Французское общество, пока было неизвестно рассказчику, знание о нём ограничивалось повествованиями бабушки, но тем не менее, мальчик подробно и оживленно представлял Францию и события, происходившие там. Перевод лингвистических значений слов о Франции в оживленные картины, был возможен для Алеши только при обладании французским языком. В бабушкиных рассказах упоминалось и о том, что между Россией и Францией существовали тесные транскультурные связи. Во время поездки Николая II и его жены во Францию в 1896 году французский оратор в своей приветственной речи поблагодарил русского императора за его интерес к французской академии. Данный интерес сам по себе воспринимался как интерес русских к французскому языку. «Их язык», французский, не является чуждым для русских. В XVIII и еще к началу XIX века французский язык был очень популярен в России:

“Our language”! Over the top of the pages that our grandmother was reading out to us, my sister and I looked at one another, struck by the same insight. “... Which for you is not a foreign language.” So that was it, the key to our Atlantis! Language, that mysterious substance, invisible and omnipresent, whose sonorous essence reached into every corner of the universe we were in the process of exploring. This language that shaped men, molded objects, rippled in verse, bellowed in streets invaded by crowds, caused a young tsarina who had come from the other end of the world to smile... But above all throbbed within us, like a magical graft implanted in our hearts, already bringing forth leaves and flowers, bearing within it the fruit of a whole civilization. Yes, this implant, the French language (Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Интересным оказывается и упоминание Марселя Пруста, потому что стиль повествования Макина сравнивают со стилем Пастернака и Пруста. В романе не один раз припоминается французская классическая литература. Это говорит об интересе не только писателя, но и его персонажей к французской культуре. Мы уже отметили, что роман Макина полу-автобиографичен. Герой мальчик-рассказчик был создан в соответствии с биографией писателя, по сути дела, это его копия, только в заключении облик Алёши меняется и становится не похожим на Макина. В рассказе соблюдаются эстетические принципы, поэтому характеры художественно-литературного пространства во многом отличаются от персонажей реальной жизни. В романе не только рассказчик, но и его бабушка испытывают особый интерес к французской культуре и литературе. Интерес рассказчика к французскому наследству бабушки перерос в интерес к французской литературе.

Роман «Французское завещание» стал столь популярным во Франции, что она наградила писателя своими самыми престижными премиями, которые почти никогда не давались иностранцам. Чем Макин заслужил расположения у французской публики? В журнале «Новый мир» была сделана попытка ответить на этот

вопрос: «этот русский пишет "безупречным, классическим" французским языком и любит Францию так, как любят родину - или страну своей мечты»¹²¹. Многие критики в стиле писателя видят смешение лучших традиций французской и русской литературы:

"If the epic background of war and revolution brings Pasternak to mind, it is also true that Proust's esthetic quest in search of a timeless time can be perceived subtly woven into these pages"¹²².

Бабушкины рассказы не только сделали Алешу свидетелем встречи двух культур, но и отобразили различные проблемы межкультурной коммуникации. Мы уже сказали, что до этого французский мир был неизвестен Алеше, потому ему были непонятны некоторые слова, свойственные французской культуре. Язык и культура определенного общества развиваются в тесных связях друг с другом. Каждый раз, когда перед Алёшей возникала соответствующая проблема, Шарлотта поясняла её ему. В романе главным образом присутствуют только два персонажа – бабушка и её внук-рассказчик, присутствие других героев оказывается незаметным. Его сестра реже участвует в рассказах своей бабушки, и нам неизвестна реакция мальчика на это. Во второй части романа, к удивлению, сестра задает вопрос, ей интересно узнать судьбу президента Франции Феликса Фора. Не задав вопрос, она бы так и осталась незаметной. Остальные персонажи в романе появляются только для того, чтобы вскоре исчезнуть¹²³. Эти вещи всегда олицетворяются с французской культурой и историей,

¹²¹ Злобина Майя. В поисках утраченных мгновений: Андрей Макин. Французское завещание // «Новый Мир» 1996, №10.

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/10/sarkn-pr.html

¹²² Victor Brombert, Torn Between Two Languages, New York Times, August 17, 1997.

<http://www.nytimes.com/books/97/08/17/reviews/970817.17brombet.html>

¹²³ Толстая пишет об этом, «В пространстве романа их всего двое – Шарлотта и герой. Да, у него есть сестра (безымянная и скоро исчезающая из поля зрения и читателя, и самого героя, картонная, не оживленная "сезамом" ни в малой мере), есть родители – тоже практически безымянные, удобно умирающие в один год и больше не мешающие и не тревожащие, – мелькнули – пожалел – пропали; есть приятели, не очень близкие; есть и девочка, первая мимолетная любовница – без имени; есть другая девочка, в которую он на секунду влюбляется – имени он не дал и ей. Есть безымянная тетка, "отец ее детей" Дмитрич... все они, – живые, казалось бы, персонажи, – лишь на миг появляются, чтобы уйти из нашего поля зрения навсегда. Взгляд скользит, зацепляется за поверхность, – кожа, волосы, звук голоса, две-три фразы, – ушло». Татьяна Толстая. Русский человек на randevу // «Знамя» 1998, №6.

но для Алеши они связаны с иным миром, который постепенно появляется перед взором. Таким образом, первым учителем транскультурной коммуникации для Алеши стала его бабушка. Стоит отметить, что эти вещи, фрагменты из истории намекают на взаимоотношение между Францией и Россией:

“These perceptible facets outlined the still-uncertain contours of the French universe. This emerging continent was filling up with things and people. The empress knelt on a mysterious prie-dieu that did not suggest any known reality. “It’s a kind of chair with its legs cut off,” explained Charlotte, and the image of this mutilated piece of furniture left us dumbfounded. Like Nicholas, we repressed the desire to touch the purple cloak with its tarnished golds, which Napoleon had worn on the day of his coronation. We craved the sacrilegious contact. This universe in gestation still lacked substance. In the Sainte-Chapelle it was the rough grain of an old parchment that aroused the same desire – Charlotte taught us that these long handwritten letters had been penned a millennium ago by a French queen, a Russian woman furthermore, Anna Yaroslavna, wife of Henri I(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Проблема межкультурной коммуникации также отчетливо отображена в изложении о приезде царя Николае II в Франции. В данном повествовании показывается то, как наш язык влияет на наше мировоззрение. Алеша узнал две противоположные точки зрения на личность Николая II, на французском языке от своей бабушки, а на русском из советских книг, более того, из разных контекстов.

Обе точки зрения рисуют значительно отличающееся представление об одном и том же человеке. В бабушкиных рассказах царь Николай II добрый прелестный человек, наслаждающийся хорошей классической музыкой, театром, в приветствии которому приподнимались до «величественного потолка». В советских книгах

<http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/tolst.html>

изображена совсем другая картина. Царя за его жестокость прозвали «Николаем Кровавым»:

«who was responsible for the terrible catastrophe at Khodynka Field – thousands of people trampled to death. It was he who gave the order to open fire on the peaceful demonstration of January 9, 1905 – hundreds of victims. It was his regime that was guilty of the massacres on the River Lena – a hundred and two people killed!¹²⁴».

Алеше трудно было смириться с этими фактами. Однако, он понял, что его мучают не два полярных взгляда на одного человека, а два кругозора, которые выражаются отдельными языками. У каждого языка свой запас слов, и потому своя действительность:

“This last thought seemed to me so strange that I stopped repelling my tormentors’ attacks and turned toward the window, beyond which lay the snow-covered city. So I saw things differently! Was it an advantage? Or a handicap, a blemish? Perhaps this double vision could be explained by my two languages; thus, when I pronounced the Russian word ЦАРЬ” a cruel tyrant rose up before me; while the word “tsar” in French was redolent of lights, of sound, of wind, of glittering chandeliers, of the radiance of women’s bare shoulders, of mingled perfumes, of the inimitable air of the Atlantis. I understood that this second view of things would have to be hidden, for it could only provoke mockery from others(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

¹²⁴ на царе лежит ответственность за страшную давку на Ходынском поле – растоптаны были тысячи людей. Это он приказал открыть огонь против мирной демонстрации 9 января 1905 года – жертвами оказались сотни. Это его режим повинен в бойне на реке Лене – 102 человека убитых!

Язык имеет своеобразное отношение к действительности. Шарлотта после недолгого пребывания в Париже, возвращаясь в Россию времен гражданской войны, это ощутила. В романе показана жестокая реальность гражданской войны. Судьба Шарлотты тесно связана с судьбой России¹²⁵. Россия, которую Шарлотта любила, меняется под действием событий. Все в этом контексте становится мало знакомым, приобретающим новые значения. Новое значение отличается от предыдущих значений своим новым мировоззрением, которое развертывает впоследствии русской революции. Таким образом, Россия приобретает новую идентичность, которую можно понимать процессом транскультурной идентичности. Глупо думать, что сразу после революции внезапно теряются старые значения и появляются новые. Это прежде всего сложный процесс формирования новой идентичности, в котором сливаются два значения-прошлое и новое революционное:

“On her return, walking through the snow-covered fields, Charlotte told herself that a new language was in the process of being born in this country. A language that she did not know, and that was why the dialogue in the former governor’s office had seemed to her incredible. But everything had its meaning: even the revolutionary eloquence that suddenly slid into gutter language; even his “citizen-spy”; and even the pamphlet regulating the sexual lives of party members. Yes, a new order of things was being established. Everything in this world, albeit so familiar, was going to acquire a new name; they were going to apply a different label to each object, to each being(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Каждая культура, принадлежащая к определенному обществу, обладает определенным запасом этических и моральных кодов, трудно приживающихся в новом культурном пространстве. Поэтому при культурном переводе возникает проблема

¹²⁵ In Tolstaya’s reading, the narrator’s French grandmother is an allegory of none other than Mother Russia, and his love for her is “stranger and more profound than an ordinary love for a woman: it is the inexplicable, unshared, torturous love for Russia”. Wanner Adrian. Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora. Evanston. Northwestern University Press. 2011. P. 27

культурной идентичности. В романе пред Алешой возникает подобная проблема. На следующее лето, Алешка опять приехал в Саранзу к своей бабушке, и она вновь делилась своими воспоминаниями. Однажды, когда Алеша слушал французике поэмы, его сестра спросила у бабушкин о Президенте Феликсе Форе, о которой она узнала из рассказао приезде царя Николая II во Францию. Бабушка не охотно им поведала:

"Some years after the visit of Nicholas II to Paris, the president died..." There was a brief hesitation, an involuntary pause, which only served to increase our attentiveness. "He died suddenly, at the Elys'ee Palace. In the arms of his mistress, Marguerite Steinheil(Makine, Dreams of my Russian Summer)."

Последние слова бабушки произвели неожиданное впечатление на Алешу, он был «overwhelmedbythetragicbeautyofthesewords», совсем новый мир открылся перед ним. Некий президент умер в руках своей любовницы - данное сообщение для очарованного Алеша было не недопустимым, ибо его наивное представление оказалось ограниченным культурным кодом определенного мировоззрения. Но он старается понять эту необычную для него ситуацию. Алёша пытался перевести эту сцену на русский язык, но у него никак не получалось. Он старался заменить фотографию французского президента русским эквивалентом – Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев. Но данный метод не подходил к новой культурной сцене:

"The president died at the Elys'ee Palace, in the arms of his mistress, Marguerite Steinheil..." This sentence seemed like a coded message coming from another planetary system(Makine, Dreams of my Russian Summer)".

Транскультурализм имеет своеобразное восприятие пространства. Транскультурализм подчеркивает существование определенных мест/пространства, в которых происходит транскультурное общение. Существуют различные теории о пространствах, в которых встречается активное общение между культурами и идентичностями. В этом отношении Пратт выдвигает теорию «зона контракта»,

устанавливающую существование социальных пространств культурной коммуникации, очень часто асимметричный с точки зрения социальных и политических полномочий¹²⁶.

Роман Макина «Французское завещание» имеет своеобразное отношение к пространству. Каждое пространство несет в себе особый отпечаток культуры. Маленькое село на краю степи, продукт выдумки или фантазии писателя, представлено как пространство транскультурной коммуникации. Это место, где русское воображение Алеши встречается с французскими воспоминаниями бабушки Шарлотты и создается своеобразное пространство межкультурной коммуникации. Степь в классической русской литературе изображена как место «свободного простора». Именно поэтому, дом бабушкин стоял на окраине села. Это освобождает от всяких культурных предрассудков, можно насладиться свободой и свободным простором степи. Даже местонахождение бабушкиного дома несет в себе намек на ее иностранное происхождение, лучше сказать, транскультурного происхождения. Это корректно изображено в романе:

“My grandmother’s building was situated at the edge of the town in the “Western Glade” district: a coincidence (West Europe- France) that amused us greatly(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

На балконе бабушкиного дома, где каждый вечер она делилась с детьми воспоминаниями о своем французском прошлом, создается пространство межкультурной коммуникации. Под пространством, прежде всего, понимает активное воображение детей, в котором сливается образ свободы, который традиционно связан с представлением о степи. Балкон в своем образе представляет переход не только из одного пространства в другое, но и еще из одной культуры в другую. Здесь следует отметить, что соответствующее знакомство детей с иностранной культурной и языком,

¹²⁶Pratt introduces the concept of “contact zones,” defined as “social spaces where cultures meet, clash, and grapple with each other, often in contexts of highly asymmetrical relations of power, such as colonialism, slavery, or their aftermaths as they are lived out in many parts of the world today.” In another work, Pratt deploys the term to denote “the space of colonial encounters, the space in which peoples geographically and historically separated come into contact with each other and establish ongoing relations.” Kuhn Fernando. *Identities, Cultures, Spaces: Dialogue and Change*. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 18

который не являются для них чужим, а являются для них прежде всего лингвистическим. Бабушкины рассказы возбудит представление о новой культуре:

“It was above the line of the horizon that we discerned a pale reflection – it was like the sparkle of little waves on the surface of a river. Incredulous, we peered into the darkness that surged over our flying balcony. Yes, far away on the steppe there shone an expanse of water, rising, spreading the bitter cold of the great rains. The sheet seemed to be lightening steadily, with a dull, wintry glow(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Таким образом, пространство транскультурной коммуникации является, прежде всего, воображаемым, нереальным, неким магическим пространством. Воображение открывает перед мальчиком новый простор действительности, другой мир, который тесно связан с русской культурой и русским миром. Воображение становится ключевым компонентом в данной изложении, она закреплена не только с французским миром и культурой, но с представлением о России. Воображаемый французский мир, часто, сталкивается с реальностью – грандиозным и мощным пространством Советской России. Однако, данная реальность проникнута стереотипными представлениями России. Однажды полёт воображения мальчика сталкивается с другим реальным полетом – полетом советского космонавта в космосе:

“During one of those summer evenings filled with the scented breeze of the steppes, a remark from a passerby under our balcony jolted us out of our reverie.

“No, I promise you. They said it on the radio. He went out into space.”

And another voice, dubious, answered, receding into the distance, “Do you take me for a fool or what? ‘He went out...’ But up there there’s

nowhere you can go out. It's like bailing out of a plane without a parachute(Makine, Dreams of my Russian Summer)."

И они возвращают в реальный мир:

"This exchange brought us back to reality. All about us there stretched the huge empire that took a particular pride in the exploration of the unfathomable sky above our head. The empire with its redoubtable army; with its atomic icebreakers disemboweling the North Pole; with its factories that would soon be producing more steel than all the countries of the world put together; with its cornfields that rippled from the Black Sea to the Pacific... with this endless steppe. And on our balcony a Frenchwoman was talking about a boat crossing a great flooded city and drawing alongside the wall of an apartment block... We shook ourselves, trying to understand where we were. Here? Back there? The whispering of the waves in our ears fell silent(Makine, Dreams of my Russian Summer)."

Вышеуказанное описание России вызвало критические отзывы русских критиков. В своем резком критическом отзыве на роман «Французское завещание» Мария Злобина охарактеризовала описание макинской России, как далекое от реальности. В подтверждение своей точки зрения, она приводила следующий аргумент:

"На макинской России словно стоит штамп: "Сделано за границей". До развесистой клюквы, правда, дело не доходит, все-таки автор до тридцати лет жил в нашей стране, но подделка очевидна. Перед нами - типичный кич, притом поданный без тени иронии, с многозначительной миной и патетическим придыханием. Незамысловатая комбинация привычных, как этот фирменный медведь, стереотипов, экзотического местного

колорита, пошлых общих мест и псевдооткровений создает "похожий" имидж, который лишь иностранцы могут принять за чистую монету. Впрочем, на них-то и ориентировался автор, и это чувствуется с самого начала по тому, с какой настойчивостью он выделяет все, что может поразить европейский глаз: беспредельные просторы, хлеба, колосящиеся "от Черного моря до Тихого океана", степь, степь, степь и снега без конца и края, в коих, конечно же, таится нечто загадочно-притягательное. "Снежная планета никогда не отпускала души, околдованные безмерностью ее пространств(Злобина)¹²⁷."

Однако представление о России в данном изложении имеет художественную задумку. Два воображаемых мира отделяются от реальности фактами – полёт русского космонавта в космос. Объективность обоих миров, как французского, так и русского, в данный момент является неважным для рассказчика. Он увлечён, прежде всего, представлением этих миров.

Кроме Саранзи, являющееся местом транскультурности, существует еще совсем иной мир, в котором живет Алеша. Некий крупный индустриальный город на Волге. Этот мир тоже представляет определённую культуру– культуру советской России, для которой чужда традиция мультикультурализма.

"For the city we went home to had nothing in common with silent Saranza. This city stretched along both banks of the Volga and, with its million and a half inhabitants, its arms factories, its broad avenues with large apartment blocks in the Stalinist style, it was the incarnation of the power of the empire. A gigantic hydroelectric station downstream, a subway under construction, and an enormous river port proclaimed, for

¹²⁷Злобина Майя. В поисках утраченных мгновений: Андрей Макин. Французское завещание // «Новый Мир» 1996, №10.

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/10/sarkn-pr.html

all to see, the very image of our fellow countryman – one who triumphed over the forces of nature, lived in the name of a radiant future, strove mightily for it, and cared little for the ridiculous relics of the past. Furthermore our city, because of its factories, was out of bounds to foreigners... Yes, it was a city where one could feel the pulse of the empire very strongly(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Культурное расхождение, существующие между воображенным селом и безыменным городом, тоже отражает традиционный мотив русской культурной памяти. В русской классической литературе город и деревня представляют два вида культуры. В отличие от городской жизни, деревня символизирует духовность и искренность. Русские писатели традиционно, начиная с Пушкина, изображают необычно привлекательную деревенскую жизнь.

Россия в романе представлена прежде всего, как культурное пространство, поэтому с ней невозможно расстаться. Отъезд из России, в этом отношении имеет символическое, но глубокое значение.

“That’s how it is in this country. You can come in easily but you never get out(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Шарлотта изображена не только как представитель французской культуры, но и как носитель необычного прошлого, которое является частью французской и русской культур.

“It was thus in our smoke-filled kitchen, during the long winter evenings, that this legendary past was reborn. Outside the snow-covered window there stretched one of the greatest cities in Russia as well as the gray plain of the Volga; out there arose the fortress-buildings of Stalinist architecture. And inside, amid the chaos of an interminable meal and the

iridescent tobacco clouds, the shade of this mysterious Frenchwoman, lost beneath the Siberian sky, made its appearance(Makine, Dreams of my Russian Summer)."

Макин имеет своеобразную точку зрения на культурное восприятие определенной страны. Местные жители, как носители местной культуры, считаются основными искателями народного духа определенной страны или культуры. Интересно, что Макин имеет совсем иное представление об этом. По нему, иностранный или чуждый к определенной культуре, иногда, лучше понимает дух определенной культуры. У Шарлотты, в отличие от российских граждан, всегда была возможность покинуть страну, но любовь к русской культуре заставляла её остаться в России, даже в самых тяжелых порах, когда многие граждане думали об эмиграции:

"But as I grew older I began to detect quite a different reason for this French predilection in their interminable discussions. It was that Charlotte's advent under the Russian sky was like that of an extraterrestrial being. The cruel history of this immense empire, of its famines, its revolutions, its civil war, was nothing to do with her... We Russians had no choice. But she? Through her eyes they could observe a country they did not recognize, because judged by a foreigner, sometimes naive, often more perspicacious than themselves. Charlotte's eyes reflected a disturbing world where unforced truth abounded – an unfamiliar Russia that they needed to discover(Makine, Dreams of my Russian Summer)."

Память играет важную роль в транскультурной коммуникации. Транскультурная память значительно отличается от обычной культурной памяти. У Шарлотты существует не одно прошлое, а два – французское и русское. В культурной памяти Шарлотты, оба прошлых тесно связаны друг с другом. Их разделить не возможно.

“That day I heard some of what my grandmother was saying to the milkwoman as she sprawled in blissful oblivion. The two of them were talking about the work in the fields, the buckwheat harvest... And I was amazed to hear Charlotte talking about this farm life with complete authority. But above all the Russian she spoke, very pure, very refined, did not jar at all with Avdotia’s rich, rough, and vivid way of talking. Their conversation also touched on the war, an inevitable topic: the milkwoman’s husband had been killed at the front. Harvest, buckwheat, Stalingrad... And that evening she would be talking to us about Paris in flood, or reading us some pages from Hector Malot! I sensed a distant past, obscure – a Russian past, this time – awakening from the depths of her life long ago(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Шарлотта отличается от других русских бабушек не французским языком, не одеждой, а прежде всего своими манерами, препровождением будних дней, банальным поведением, которые несли в себе отпечаток ее транскультурного воспитания. Её воспитание не принадлежит ни к одной из культур, а оно представляет своеобразный, сгибаемый и подвижный процесс культурного формирования.

“Yes, our grandmother was a woman who could happily converse with Gavrilych, a woman who was opposed to all the campaigns and who had one day referred to our cinema, with a wink, as “that decapitated church.” Then we had caught a glimpse of the soaring silhouette of a gilded onion and a cross, rising up above the squat edifice, whose past was unknown to us.

Far more than her clothes or her physique, it was these little touches that revealed to us that she was different(Makine, Dreams of my Russian Summer).”

Процесс формирования транскультурной идентичности не является ровным, его сопровождает ряд проблем. Одной из главных проблем в транскультурном процессе является самоидентификация, поиск своей принадлежности к определенному социальному окружению

“It’s me,” a muffled voice suddenly rang out inside her, “I, who am here in these snow squalls at the end of the world, in this Siberia, I, Charlotte Lemonnier; I, who have nothing in common with this ‘ barbarous place, not with this sky, nor with this frozen earth. Nor with these people. Here I am, all alone, taking morphine to my mother...” It seemed as if her mind were reeling before tipping over into an abyss, where all this absurdity, suddenly perceived, would become natural. She shook herself. No, this Siberian desert must end somewhere, and at that place there was a city, with broad avenues lined with chestnut trees, lighted caf’ es, her uncle’s apartment, and all those books that began with such dear words utterly beloved simply for the way their letters looked. There was France(Makine, DreamsofmyRussianSummer).”

Транскультурализм Макина противопоставляется монокультурной принадлежности к одной определенной, как и социальной, так и культурной среде. Персонажи Макина представляют своеобразный процесс формирования транскультурной идентичности, гибким переходом с одной культуры в другую. Пространство в его романах проникнуто транскультурной коммуникацией.

Глава - IV

Транскультурная область в повести Владимира Каминера “Russendisco”

Владимир Каминер является одним из самых популярных и «культовых» авторов Германии. Он родился в 1967 г. в Москве и эмигрировал в Германию¹²⁸ в 1990 г. Иммигранты предпочитают покидать свои родные страны по ряду причин: во-первых, улучшение своего экономического положения и своей семьи, во-вторых, в поиск политической и религиозной свободы или избежание преследований и / или насилия, основанного на расовую неприязнь, вероисповеданием. Каминеру было позволено вступить в Германию как «Kontingentflüchtling»¹²⁹ с еврейскими родителями. Многие критики предполагают, что он еврейский писатель и обсуждают его как такового. Однако исходя из анализа работ Каминера, можно утверждать, что он скорее атеист, чем практикующий иудей. Ссылок на иудаизм и еврейство в его рассказах очень мало, несмотря на настойчивую потребность критиков видеть в нём «русско-еврейского» автора. Это не значит, что нет доказательств антисемитизма в России на работе Каминера. В начале своей первой книги (Russendisco) он утверждает, что его отец испытал антиеврейскую дискриминацию. Его заявление о вступлении в коммунистическую партию постоянно отвергалось, поскольку он мог иммигрировать в Израиль в любое время как еврей (RD 9-10). По иронии судьбы, классификация его как еврея препятствовали успеху отца в СССР во время холодной войны, что в конечном итоге позволило иммигрировать его сыну, в связи с распадом Советского Союза.

Его первый сборник рассказов (Russendisco) вышел в свет в 2000 г., и по сей день он много пишет, публикуя по одной книге каждый год. Главной темой сборника рассказов «Руссендиско» Владимира Каминера стала эмиграционная жизнь в Германии. Рассказы Каминера рисуют не только жизнь русских эмигрантов, но и

¹²⁸ Каминер эмигрировал в Восточную Германию, которая называлась тогда Германская Демократическая Республика.

¹²⁹ Gilman, Sander. «Becoming a Jew by Becoming a German: The Newest Jewish Writing from the «East.»» *Shofar* 25.1 (2006): 16–32. [Kontingentflüchtling – Quota Refugees]

рассказывают об эмигрантской жизни в целом. Каждый рассказ Каминера отличается своей сжатостью и комичностью и является своеобразным кусочком из жизни эмигрантов. Всего сборник состоит из 50 рассказов

Писатель настолько был востребован на литературном рынке, что это дало ему возможность опубликовать дополнительные подробности о его жизни (хоть и не по порядку), в которые он рассказывает, как он приехал в Берлин¹³⁰. Хотя его роман *Militärmusik* в большей степени походит на традиционную автобиографию, охватывающую период жизни писателя с рождения и до ранней взрослой жизни, а точнее до его отъезда в Германию. Важные и интересные жизненные аспекты истории его иммиграции используются им в других публикациях, особенно первые дни, когда он стал иммигрантом и процесс его интеграции.

Некоторое время назад он также вел на радио SFB4 «Мульти-культи» еженедельную передачу и работал телевизионным корреспондентом для ZDF¹³¹. Каминер был главным организатором своей дискотеки под названием «Русендиско», вероятно, с этим было связано название его сборника рассказов «*Russendisko*» (RussianDisco, «Русская дискотека»).

Когда иммигрант прибывает на принимаемую родину, самой трудной частью процесса адаптации является интеграция. Таким образом, что выбранное название для литературного дебюта Каминера «Русендиско» - это слово, которое первоначально предполагало место встречи для иммигрантов из России, которые не смогли адаптироваться к немецкому обществу и, поэтому собирались только с соотечественниками. Более того, название дает Каминеру кредит для реабилитации слова в обозначении, которое подразумевает успешного иммигранта. Возможно, творчество Каминера заключается в том, чтобы показать читателям, что процесс иммиграции и интеграции в наше глобальное время перенести или пережить легче. Нора Фитцджеральд ссылается на это, отмечая, что в изображении Каминера, «*the*

¹³⁰Kaminer Wladimir. RussianDisco.Eburry Press.2002

¹³¹Немецкий канал “<https://www.zdf.de>”

*happiest, least-burdened Berliners are its newest immigrants, whose lives are eccentric, extraordinary and rarely dull*¹³²».

Каминер пишет книги на немецком языке, но его немецкий лишен русифицированных или русских слов, которые часто встречаются в творчестве русских эмигрантов четвертой волны, например Андрея Макина. В. Каминер несомненно является немецкими автором, но его русская идентичность также сыграла значительную роль в развитии популярности. Данная глава посвящена проблеме идентичности в творчестве Владимира Каминера, в частности, сборника рассказов «Русская дискотека». Нас интересует, каким образом двойная идентичность влияла на его стиль изложения и вынуждала приспособляться.

Подобно тому, как двусмысленность является центральной особенностью творчества Каминера, она является и частью его публичной личности. По его собственному определению или критики, он представляет собой, русского, немецкого, еврейского и атеистического, хипстерского, буржуазного, семейного отца, иммигрант-аутсайдера и резидентного берлинского эксперта¹³³. Изображение Каминера в СМИ усложняется, поскольку он продает общепринятые стереотипы относительно россиян и утверждает, что был аутсайдером и в детстве в русском обществе во время «холодной войны». Каждый аспект его жизни дуалистичен, и Каминер не испытывает никаких трудностей в движении назад и вперед между его воспринимаемыми ролями. Он явно работает как эксперт по русской культуре (и продает свои русские кулинарные книги *Küche Totalitär*, основанные на этой предпосылке), но и играет роль типичного немецкого садовода в *“Mein Leben im Schrebergarten”*¹³⁴. С *“Ich bin kein Berliner”*¹³⁵, он снова позиционирует себя как аутсайдера. Что касается маркетинга, то это удобно, чтобы Каминер заселял сразу несколько ролей. Лубрих отмечает: «он отказывается

¹³²Fitzgerald, Nora. «For Young German Writers, All is Ich.» *New York Times* 24 July 2003, late ed.: E1.

¹³³Fishman, Boris. «An Interview with Wladimir Kamir.» Trans. Boris Fishman. *Words without Borders: The Online Magazine for International Literature*. 3 Sept. 2003

¹³⁴Kamirer, Wladimir. *Mein Leben im Schrebergarten*. Munich: Manhattan (Goldmann), 2007

¹³⁵Kamirer, Wladimir. *Ich bin kein Berliner: ein Reiseführer für faule Touristen*. Munich: Manhattan (Goldmann), 2007.

позволить интервьюеру классифицировать его как русского писателя» («Русские евреи» 48).

Приехав в Германию, 23-летний молодой Каминер не знал немецкого языка. В Москве он закончил музыкальную школу, занимался музыкой для театров и телевидения, пробовал себя в качестве звукооператора. Выбор немецкого языка для своих произведений казался ему «прагматичным» решением. Об этом он высказался в некоторых своих интервью:

“When asked by a Russian journalist what prompted him to write in German, his answer was: “Simply because nobody here understand Russian¹³⁶.”

По поводу своего лингвистического выбора Каминер всегда высказывался вполне ясно и конкретно. В этом отношении, он никогда не выражал сочувствие к своему родному языку и русскоязычным читателям¹³⁷. В интервью газете “Русская Германия” в ответ на вопрос, как ее русскоязычные читатели могут познакомиться с его произведениями, он ответил: *“Очень просто – нужно выучить немецкий. Он и потом пригодится. Все-таки в Германии живем”*.

В отличие от Макина, который предпочитал классический французский язык для написания своих произведений, немецкий Каминер характеризуется простыми предложениями и разговорным стилем. Язык Каминера также тесно связан с выбором предметов изображения. Предметом изображения его произведений становятся жизнь простых людей и окружающий их мир. Его первый сборник рассказов *«Russen diskо»* сосредоточен на теме эмигрантской жизни в Восточной Германии.

¹³⁶ В одном своем интервью, опубликованном в «Российской газете», Каминераспросили, почему не пишет на немецком? На что он ответил: *«Просто потому что здесь по-русски никто не понимает. Надо писать на том языке, на котором можно читать»*. Майя Кучерская. Трагедия со страусами: сегодня на знаменитом «синем диване» посидит Владимир Каминер. Российская газета – федеральный выпуск №3599(0)

¹³⁷ Здесь речь идет о русскоязычных читателях, живущих в Германии, однако, на русском языке переведены только его первая книга «Русская дискотека» (*Russendisko*) и некоторые отрывки в литературных журналах. Например, отрывок из романа «Путешествие в Трулала». Пер. ТаймасаТимержанова. Опубликовано в журнале ВОЛГА-XXI век 2007, 11-22. <http://magazines.russ.ru/volga21/2007/11/ka19.html>

Для Каминера характерно комическое и ироническое отношение к предмету изображения. Колоссальный успех Каминера в Германии все-таки не освободил от предрассудков процесса изучения незнакомого языка каким-либо иностранцем. Многие читатели до сих пор считают, что Каминер пишет свои книги на русском, а потом переводит их на немецкий язык. О. Лебедушкина в своей статье «Русская дискотека поколения «Гольф»» следующим образом высказывалась о своих безымянных знакомых:

“Он переводит на немецкий язык свои русские мысли”, – сказала мне одна из почитательниц Каминера. Другая моя знакомая, славистка по образованию, до сих пор уверена, что Каминер – это удачный коммерческий культурный проект и на самом деле он пишет по-русски, а уже потом его переводят на немецкий, но никому об этом не говорят¹³⁸.”

Писать Каминер начал спустя восемь лет после своего переезда в Германию. До этого, он постоянно занимался театральной деятельностью. Однако, искусственность и продуманность театральных постановок разочаровали его. Это разочарование привело В. Каминера в литературные кафе, где молодые немецкие писатели проводили чтения «Варлесунг». В собраниях Варлесунга сначала он участвовал в качестве гостя, но позднее стал сотрудничать на равных с другими писателями.

Что касается иммиграционной автобиографии, то Каминер необычен во многих аспектах, как формы, так и содержания. В отличие, от других автобиографистов-иммигрантов, прибегающих к помощи переводчика, который редактируя работу, неизбежно вычищает индивидуальный стиль автора из текста (Падиля 126), Каминер контролирует свой рассказ сам. На вопрос о сознательном выборе немецкого языка, как литературного, а не родного русского, он отвечал, что ориентирован на немецкоязычную аудиторию. Таким образом, работы Каминера, сосредоточены на освещении уникального в культуре читающего его рынка, а не на обучение потенциальных будущих иммигрантов из своей родной страны, если вдруг они

¹³⁸Лебедушкина О.Русская дискотека поколения «Гольф» // «Дружба Народов» 2002, №12.

последуют за ним. Это также означает, что он может свободно использовать стереотипы русского поведения и культуры. Автобиография Каминера также не упоминается в традиционной всеобъемлющей хронологической повествовательной структуре (т.е. рождение, детство, молодость, и т.д.). Это скорее анекдоты беспорядочно возникающие перед читателем. Каминер использует такой приём не случайно, отчасти он воплощает стратегию становления успешного писателя. Первая книга, *Russendisko*, начинается в *medias res* (*medias res*)¹³⁹ с его жизни в качестве иммигранта в Берлине.

Однако, он не признает тех отзывов, которые называют его творчество «автобиографичным», утверждая при этом, что его произведений не о «Владимире Каминере»¹⁴⁰, а о других персонажах. В одном своем интервью он называл рассказчика своих произведений «сифром», и отметил, что его творчество не может быть автобиографичным, поскольку читатель не получает никакой информации о жизни рассказчика.

"I wouldn't say my prose is autobiographical. It isn't about WladimirKaminer, it's about others. The narrator is transparent, a cipher. The reader doesn't learn any intimate details about the narrator's life; the focus is on the surrounding world, the past, the future, encounters¹⁴¹."

Тем не менее, созданные им персонажи оказываются вполне настоящими, из реальной жизни, поскольку Каминер помимо всего прочего отказывается от воображённых характеристик в своей прозе. В том же интервью, он утверждает, «*There isn't much fiction in it*». Содержание рассказов Каминера, бесспорно, основано на его

¹³⁹<https://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Terms/inmediasres.html> *In medias res* is Latin for "into the middle of things." It usually describes a narrative that begins, not at the beginning of a story, but somewhere in the middle — usually at some crucial point in the action. The term comes from the ancient Roman poet Horace, who advised the aspiring epic poet to go straight to the heart of the story instead of beginning at the beginning.

¹⁴⁰Рассказчиком его работ часто являлся сам Владимир Каминер.

¹⁴¹Fishman Boris. An interview with Wladimir Kaminer.<http://www.wordswithoutborders.org/article/an-interview-with-wladimir-kaminer>

опыте проживания в эмиграции. Многие события из его рассказов идентичны случаям из личной жизни или, во всяком случае, совпадают с реальными фактами. Например, об эмиграции в Восточную Германию он пишет в рассказе «Russian in Berlin» - «*the decision was taken spontaneously. In any case it was far easier to emigrate to Germany than to America: the train ticket cost only 96 roubles, and for East Berlin you didn't need a visa*»¹⁴². Некоторые детали произведений Каминера, скопированные из реальной жизни, до некоторой степени, мы можем подвергнуть сомнению: в первом же рассказе «Русская дискотека», Каминер пишет о том, что в 1990 году до него дошли слухи о том, что Хонеккер¹⁴³ принимает евреев. Однако, это было невозможно, потому что в 1990 г. Эриха Хонеккера уже не было в государстве. Каминер рассматривает свою собственную прозу как смешение истины и вымысла, как названное творческой реальностью: «*One can never conceive/conjure up a comprehensive picture, rather always a part/rupture of reality and that is also never hundred-percent the truth*»¹⁴⁴. Это логическое объяснение некоторых несоответствий в историях Каминера. В произведении Russendisko, Каминер пишет о том, что его мать эмигрировала с ним в 1990 году (30), а затем несколько страниц спустя (33) указывает другой год эмиграции, 1991; так же ситуация повторяется и где отец то четыре(10), то три раза (186) пытался вступить в коммунистическую партию.

Однако, эти мелкие детали не умаляют значимость самих историй, они несущественны, поскольку цель Каминера состояла в интерпретации и сохранении своих воспоминаний о иммиграционном путешествии, а не в чётком документировании, происшедших событий. Как отмечает Фолкенфлик, «Autobiography may be truthful or mendacious, for factuality is not crucial to its autobiographical interest,

¹⁴²KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

¹⁴³Эрих Хонеккер (1912–1994): Председатель Государственного совета ГДР в 1976–89, председатель Национального совета обороны в 1971–89. С 1971 1-й секретарь, в 1976–89 генеральный секретарь ЦКСЕПГ. В октябре 1989 снят со всех партийных и государственных постов; в декабре исключён из СЕПГ. После объединения Германии был арестован в связи с обвинениями в государственных преступлениях. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/61777/Хонеккер>

¹⁴⁴<http://www.planet-interview.de/interviews/wladimir-kaminer/33474/> (Interview: JakobBuhre und Julia Bergamini | 06. July 2001) «Man kann ja nieeeinvollständigesBilderzeugen, sondernnimmernureinBruchteil der Realität und das istdannniehundertprozentig die Wahrheit»

despite some critics' neo-Romantic insistence on sincerity»¹⁴⁵ Некоторые из его рассказов являются очевидно фантастическими, в искренность которых трудно поверить. Кэтлин Кондры в своей статье перечисляет несколько таких примеров из разных его книг:

“For example, he declares that one of his wife’s talents is the ability to see in infrared (SchönhauserAllee), says his mother-in-law disarmed children on a train who were using a found automatic weapon to make the female conductor undress (SchönhauserAllee), and relates the story of fish suddenly springing back to life in order to attack him and his father at the end of a fishing trip (Helden des Alltags) ¹⁴⁶.”

Первый сборник рассказов Владимира Каминера – «Русская дискотека» - серия коротких и комических автобиографических в которых коротко описываются о жизни среди эмигрантов во взрывоопасной и необычной много культурной атмосфере 90-х годов в Берлине. Истории показывают чудесный, невинный, невозмутимый стиль юмора, напоминающую великих юмористов. Каминер удается много говорить, не говоря уже о многом. Он говорит о необычных личных событиях своей собственной жизни, но фиксирует что-то универсальное.

Первый рассказ Каминера «Russians in Berlin» из сборника «Русская дискотека» считается наиболее значимым, поскольку в нем автор рассказывает не только о своем отъезде из Советского союза, но и поднимает важные вопросы, связанные с его еврейской идентичностью. Проблема идентичности играет важную роль в произведениях Каминера, в которых раскрываются разные стороны ее транскультурной составляющей. Процесс формирования идентичности в его творчестве невозможно понять с точки зрения одной идентичности. *«Whether by his own definition or that of critics, he is presented as both Russian and German, Jewish and atheist, hipster and bourgeois family father, outsider immigrant and resident Berlin*

¹⁴⁵ автобиография может быть правдивой или лживой, так как фактичность не имеет решающего значения для автобиографических интересов, несмотря на неоромантическую настойчивость, некоторых критиков в отношении искренности

¹⁴⁶Condray Kathleen. Unorthodox immigrant Autobiography in the Oeuvre of WladimirKaminer: A Twenty-First Century Model.

expert»¹⁴⁷ - утверждает Кэтлин Кондры. Проблема идентичности была характерна для всего корпуса эмиграционной литературы, но творчество Владимира Каминера отличалось от традиционной литературы эмиграции своим комическим представлением эмиграционных проблем того времени. Для третьей и четвертой волны русской эмиграции значительно важным был вопрос еврейской идентичности. Следует отметить, что с 1970-х годов Брежневская администрация смягчает процесс эмиграции для евреев. В последствии еврейская идентичность становится объектом внимания, хотя ранее рассматриваемые проблемы, связанные с этим, старались вывести из поля зрения специалистов. В советском союзе членство в КПСС было важным пунктом для работы в социальной сфере, а без обязательного членства в партии было очень трудно построить успешную карьеру. Евреев же вообще ни принимали в Партию. Каминер пишет об этом:

“Normally most people in the Soviet Union tried to cover up any Jewish forebears they had, because you only had hopes of a career if your passport didn't give you away. The roots of this lay not in anti-Semitism but simply in the fact that every position that carried any responsibility at all required membership of the Communist party. And nobody really wanted Jews in the Party(Kaminer)¹⁴⁸.”

Для того чтобы строить успешную карьеру, все старались вступить в партию. В этом отношении примечателен пример, который дает Каминер, упоминая своего отца, который десять лет работал в качестве заместителя начальника на маленьком предприятии. И за десять лет он мечтал только об одном – каким образом ему стать начальником. Однако, эта важная должность была сопряжена с партийным членством, которого у отца Каминера не было и для этого он делал все возможное. Для того чтобы изобразить стремление своего отца, Каминер использует типичные характеристики советского человека, а смесь реальных фактов со стереотипами позволили Каминеру создать юмористический эффект. Например, о желании своего отца, стать членом Партии Каминер пишет:

¹⁴⁷Там же

¹⁴⁸KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

“Every year my father made a fresh attempt to join the Party. He drank vodka by the liter together with Party activists, he sweated to death with them in the sauna, but it was all in vain(Kaminer)¹⁴⁹.”

Однако, когда евреи получили законное право на эмиграцию, их "не желательная" еврейская идентичность внезапно стала популярной и многие хотели стать евреями. Теперь все, не только те, кто раньше прятали свое еврейское происхождение, но и представители других национальностей, другой этнической принадлежности, которые не имели никаких отношений с еврейским сообществом, но, тем или иным образом, хотели обнаружить в себе еврейскую идентичность.

“The new era dawned. Now the free ticket to the big wide world, the invitation to make a fresh start, was yours if you were Jewish. Jews who had formerly paid to have the word „Jew“ removed from their passports now started shelling out to have it put in. Suddenly every business wanted a Jewish world. Many people of various nationalities suddenly wanted to be Jews and emigrate to America, Canada or Austria. East Germany joined the list a little later on, and was something of an insider tip(Kaminer)¹⁵⁰.”

Такое юмористическое отношение к идентичности в некотором роде вскрывает изменчивое, легкомысленное отношение советского человека к вопросам идентичности. Для него основной целью было эмигрировать, а принадлежность к определенной идентичности для него не имела никакого важного значения. Даже у Каминера проблема его еврейской идентичности усматривается только в двух или трех рассказах, а позднее совсем исчезает из поля зрения читателя. Многие критики (Гилман, Ваннер, Кэтлин Кондры, Лубрик) утверждают, что Каминера не нужно считать еврейским писателем, поскольку еврейская идентичность для него не являлась важной:

¹⁴⁹KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

¹⁵⁰KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

“Gilman implies that Kaminer neglects his Jewishness in his literary oeuvre, it simply does not seem to be an issue with Kaminer. I agree with Lubrich and Wanner that it is a mistake to consider Kaminer a Jewish writer since he does not cast himself as such¹⁵¹.”

Рассказ «Russians in Berlin» отличается от других рассказов сборника Каминера своеобразным отношением к фактам. Здесь автор, подобно "академику эмиграции", старается объяснить весь процесс протекания русской эмиграции. В отличие от общепринятой теории, Каминер разделяет не четыре, а пять волн русской эмиграции. Несомненно, сам Каминер принадлежит к пятой волне. По его словам, представителей пятой волны эмиграции невозможно было отличить от населения принимающей страны. Главная разделительная черта была только одна – по паспорту они все были евреи. Представители пятой волны могли быть из любого слоя общества, принадлежать любой национальности, любой религии, любой этничности:

“The first wave was the White Guard during the Revolution and the Civil War; the second wave emigrated between 1941 and 1945; the third consisted of expatriated dissidents in the Sixties; and the fourth wave commenced with Jews who migrated via Vienna in the Seventies.

The Russian Jews of the fifth wave in the early Nineties were indistinguishable from the rest of the German population by their creed or by their appearance. They might be Christians or Muslims or even atheists; they might be blonde, red-heads or dark-haired; their noses might be snub or hooked. Their sole distinguishing feature was that, according to their passports, they were Jews. It was sufficient if a single member of the family was Jewish, or a half or quarter Jewish, and could prove as much in Marienfelde.”

¹⁵¹Condray Kathleen. Unorthodox immigrant Autobiography in the Oeuvre of Wladimir Kaminer: A Twenty-First Century Model.

Многие эмигранты, являвшиеся по паспорту евреями, не имели даже общего знания о еврейской культуре. В этой связи, примечательны анекдоты Крамера, которые он брал из ежедневной эмигрантской жизни. Эти анекдоты, может быть считаются и нереальными, но в общности дают нам общую картину ежедневной жизни представителей четвертой волны, которая, своим содержанием значительно отличается от предыдущих волн русской эмиграции. Например, стереотипный, анекдотический рассказ, где некий раввин, которого попросили проверить еврейское происхождение прибывающих, спрашивает некую женщину о еврейской культуре, а в ответ на свои вопросы получает такие сумасшедшие ответы, что теряет сознание:

"In Cologne, for instance, the rabbi at the synagogue was asked to assess just how Jewish these new Jews really were. Unless they got a signed testimonial from him, there was nothing doing. The rabbi asked one lady what Jews ate at Easter. "Gherkins", said the lady: "gherkins and Easter cake". "What makes you think they eat gherkins?" demanded the rabbi, agitated. "Oh, right, now I know what you mean", returned the lady, beaming. "At Easter we Jews eat matzos". "Well, fair enough, the fact of the matter is that Jews eat matzos all year round, and that means they eat them at Easter too. But tell me", inquired the rabbi, "do you actually know what matzos are?" "Of course I do", replied the lady, delighted, "they're those biscuits baked to an ancient recipe, with the blood of little children". The rabbi fainted clear away (Kaminer)¹⁵²."

В рассказе «*Russians in Berlin*», Каминер также высказывается о проблеме изоляции, которая возникает перед каждым эмигрантом на начальном этапе их эмиграции. Несмотря на то, что процесс эмиграции в ее традиционных значениях для Каминера оказался не особо трудным, после переезда в Германию он с друзьями сталкивается с проблемой изоляции. Ранний период эмиграционной жизни Каминера оказался наиболее изолированным, потому что в то время он не владел немецким языком. В этом он признается в одном из своих рассказов - «*Cut off from the outside*

¹⁵²Kaminer Wladimir. Russian Disco. Eburry Press. 2002

world, and lacking a knowledge of the language, we led a fairly isolated life in those days»¹⁵³.

Решению этой проблемы отчасти поспособствовала его еврейская идентичность, так как только местные (из германской общины) евреи проявляли некий интерес к нему. Они приглашали Каминера и его друзей каждую неделю в гости, даже старались помогать финансово. Однако, здесь Каминер так же отказывался признавать свою еврейскую идентичность и не принимал помощь местных евреев.

Не только в данном рассказе, но и в «*A Lost Day*» есть намек на то, что Каминер вообще не любит обсуждать свою еврейскую идентичность. Произведение рассказывает о том, что ему однажды позвонил редактор одной немецкой газеты, и попросил рассказывать что-нибудь о культуре молодёжи. Однако Каминеру было не понятно, что это за «культура молодежи». Он был сильно раздражен, поскольку ему нечего было сказать о данном предмете:

“I spend the forty-five minutes of the underground train ride thinking about youth culture. The result is zilch. How annoying. I have nothing whatsoever to say on the subject¹⁵⁴.”

Относительно произведений Каминера, данное высказывание видится сомнительным. В одном из интервью Каминер называет свою литературу «rock ‘n’ roll» литературой, которая напрямую обращена к читателям. К тому же, источником вдохновения для него всегда являлась непосредственная окружающая среда. Поэтому представление о том, что ему нечего было сказать о культуре молодежи вызывает глубокие сомнения. Тем не менее, весь день Каминер был занят этим вопросом, и старался понять, что это за культура? К вечеру он решил позвонить редактору и узнать, что конкретно от него требуется, однако, выслушав редактора, он понял, что тот не имел в виду «Jugendkultur» (культуру молодёжи), а спрашивал о «Judenkultur» (еврейской культуре). Каминер был разочарован, что весь день оказался бесполезным и вышел за пивом, но он не сообщает о том, чем закончилась история с редактором в итоге

¹⁵³KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

¹⁵⁴ KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

В данном рассказе присутствуют и текстовые вставки, которые в многом рассказывают о транскультурной берлинской среде. По мнению многих теоретиков (Ваннер, Кэтлин Кондры) Берлин Каминера – это прежде всего мультикультурное пространство. Однако мы уже знаем, что мультикультурализм не направлен на межкультурные коммуникации, именно поэтому Берлин Каминера это прежде всего транскультурное пространство, где разные идентичности, тем или иным образом свободно общаются друг с другом. Вероятно, поэтому корреспондент Herr Kravchuck позвонил именно Каминеру, когда решил сделать некий проект об интеллектуалах восточной Европы, но, к сожалению, не мог найти никого – русский оказался раздражённым стариком, а болгар он вообще не нашел. На удивление, с помощью Каминера болгар можно было найти, но трудно выявить, поскольку те выглядели как настоящие немцы:

“What? No Bulgarians? But they are everywhere. You just don’t spot them because they do such a perfect impression of the Germans. Every orchestra in Germany has a Bulgarian conductor, the professors of the universities are mainly Bulgarian, and then there’s the winner of the Stockhausen Prize, and finally, there’s the Bulgarian Cultural institute(Kaminer).”

В рассказах Каминера мы обнаруживаем типичное изображение советского союза, однако, автобиографический характер его работ превращает эти типичные образы в личные представления. Стеретпные представления Каминер использует чтобы передать комический эффект своим рассказам. Например, в рассказе *«Presents from East Germany»*, он повествует о корреспонденте телевизионной передачи «Международная панорама», который оказался таким толстяком, что, вместо «Международной панорамы», зрители смотрели только его фигуру на экране телевизора. Политические потрясения воздействовали на все сферы действительности. Намекая на это, Каминер сообщает читателям о том, что данный корреспондент тоже внезапно исчезнет с экрана телевизора, может быть тоже эмигрирует в одну из тех стран, о которых сам рассказывает. Эмиграция В. Каминера может показаться спонтанной, но в данном рассказе он сообщает читателям, что у него с детства был

особый интерес к Восточной Германии. У него был друг Игорь, отец которого работал и часто ездил за границу в командировку. Игорь часто дарил Владимиру разнообразные заграничные подарки, и скоро у него накопилось несколько предметов из Восточной Германии:

“Before long I had a whole collection of what I called ‘presents from the East Germany’, consisting of beer mats (the point and purpose of which was utterly beyond me), a bag of gummy bears, an empty Orient brand cigarette pack, an audio cassette, a stick of Lolek and Bolek chewing gum and a transfer featuring some cartoon characters I was unfamiliar with(Kaminer).”

Источником вдохновения для Владимир Каминера, прежде всего, является его личный опыт, который отличен от традиционных прочих неудачного опыта эмиграции. Рассказ «*Father’s advice*» посвящен не типичной эмиграции Каминера и его друга Миши. В то время как многие иммигранты проходят тяжелое путешествие, эмиграцию Каминера можно резюмировать в одной фразе: пьяный поездка на поезде. Паспорта ему не нужно было, поскольку он ехал в частью которая все еще была частёй Германской Демократической Республики, и Каминер заявляет, что билеты на поезд были настолько недорогими, что ему нужно было только продать своего плеера и некоторые кассеты для финансирования поездки

“My friend Misha and I went to Berlin. Misha’s girlfriend flew to Rotterdam , hisbrother to Miami, and Gorbachev to San Francisco. In America, everyone knew him. But, Berlin more suited us. Visas were not required then, the train ticket cost 96 rubles. To buy ticket, I sold a player with cassettes and Misha sold his records (Kaminer).”

Легко перемещаться, как метафорически, так и физически, описание Каминера предметов, которые он принесёт с собой как напоминание о его старой стране и поможет ему приспособиться к новому, напоминающий стихотворение Гюнтера Эйха

«Индустюр»: синий костюм, сигареты, фотографии от его армейского тура и несколько обязательных сувениров России: матрешка и водка

"I did not have much luggage: a blue suit, a block of cigarettes and several army Photos. For the remaining money I bought souvenirs - a matryoshka doll with a pale face - it seemed to me that it was very funny - and a bottle of vodka "Привет."

В отличие от предыдущих волн, эмигранты этой волны не оказались жертвами политических репрессий, переехали добровольно и, преимущественно, ради приключений. Каминер называет себя и всех, кто имел такие же представления об эмиграции, романтиками: *«At that time a lot of Russians were on the move, trying to sell this and that, and half the train were consist of romantics like ourselves, looking for an adventure»¹⁵⁵.*

"The two days of the journey just flew by. The vodka with 'farewell' on the label was drained, the cigarettes were smoked, and the Russian doll vanished in mysterious circumstances. When we alighted at Lichtenberg station, it took us a few hours to get our bearings in our new surroundings. I was hungover and my blue suit was crumpled and stained. Mischa's leather waistcoat, which he had won off a Pole playing cards in the train, was also in urgent need of a clean(Kaminer)."

Несмотря на трудности, которые были у Владимира Крамера и о которых он часто рассказывает, его эмиграционная жизнь значительно облегчилась, когда он нашел для себя квартиру, о которой он мечтал со времен пребывания в советском союзе. Когда он получил свою первую квартиру, то написал об этом в рассказе *«A First Apartment of My Own»*. Жизнь для евреев в начале 1990-х годов в Германии не было такой трудной. Их селили в специальных домах, которые предназначались для

¹⁵⁵Kaminer Wladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

еврейских эмигрантов. Сначала Каминер со своим другом жил в одном из таких общежитий, где также находились и другие из других национальностей:

“In the summer of 1990, once my friend Mischa and I had been recognised as members of a Jewish minority who had fled the Soviet Union, we ended up by a circuitous route in the enormous aliens’ home that had been established in Marzahn. Hundreds of Vietnamese, Africans and Russian Jews were quartered there. The two of us and a friend from Murmansk, Andrei, managed to secure a one-room furnished apartment on the ground floor(Kaminer).”

Однако, жизнь в таких общежитиях не была совсем спокойной. Жители помещений часто ссорились между собой, жаловались начальству на еврейскую национальность других жителей, своих соседей. Многие из таких жалоб были искусственно созданы с целью освободить какое-нибудь помещение для собственной выгоды:

“A lot of the residents complained to the staff that the people sharing their apartments weren’t really Jews; they ate pork and went jogging round the block on Saturdays, which a genuine Jew would never do. These complaints were an attempt to get rid of their neighbours and have the assigned Stasi accommodation all to themselves. It was a regular war for space. Late-comers had a particularly hard time of it: they had to share their apartments with as many as four other families(Kaminer).”

В это время многие эмигранты искали жилье в Пренцлауер Берге. Некоторые местные жители перемещались из Восточной Германии в Западную, и их квартиры были пусты. В таких квартирах можно было найти все необходимые удобства. Каминер и его друзья тоже искали квартиры в данном районе и, в скором времени, нашли подходящую. Андрей нашел себе двухкомнатную квартиру с туалетом и ванной, Миша тоже нашел для себя жилье без туалета и душа, но зато в пустой

квартире обнаружилась стереосистема. Владимир Каминер переехал в квартиру, хозяин которой оставил почти все вещи – «*clean bed linen, a thermometer by window, a clean fridge, and even a tube of toothpaste on the kitchen table*»¹⁵⁶. После двух месяцев, когда они уже обустроились в своих квартирах, германское домоуправление признало всех этих ранее незаконных проживающих полноценными жителями этих домов и решили выдать им документы:

“Two months later the days of squatting on the Prenzlauer Berg were over. The housing authority awoke from its torpor and declared everyone living in the buildings at that moment to be the rightful tenants. They would be provided with proper tenancy agreements(Kaminer)¹⁵⁷.”

Подобные случаи, как, например, получение квартиры в эмиграции, и многие другие превращают эмиграционную жизнь Каминера в некую фантастику, которая редко совпадает с типичными представлениями об эмиграции. Эмиграционный опыт Каминера так же отличается от предыдущих волн тем, что во время четвертой волны русской эмиграции не было никаких запретов и ограничений в коммуникации, напротив, с развитием СМИ коммуникация становилась все доступнее. Можно сказать, что Каминер и многие другие представители четвертой волны некогда не покидали родину таким образом, каким ее оставляли их предки. Германия была традиционным центром русской эмиграции, где проживало многочисленное русское население. Каминер был практически окружен русскими. Об этом он пишет в некоторых из своих рассказов:

“In Marienfelde and the Berlin Mitte police headquarters we met like-minded Russians, the vanguard of the fifth wave of Russian emigrants¹⁵⁸.”

¹⁵⁶KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

¹⁵⁷KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

¹⁵⁸Тамже

В тоже время, эмигранты не расставались с русским языком на всю жизнь. Им приходилось встречаться с русскими людьми и языком практически везде. По-русски говорили и некоторые африканцы, которые на русском так же могли петь, об чем Каминер пишет в своем рассказе «*A First Apartment of My Own*»:

“The Africans cooked couscous all day long and in the evening sang Russian folk songs. Their knowledge of the language was amazingly good. A lot of them had studied in Moscow(Kamminer)¹⁵⁹.”

В некоторых рассказах Каминера можно обнаружить трудности эмиграции и её воздействие. По рассказам его мать эмигрировала в Германию в 1991 году, но хотела переехать за границу еще в 1982-м, но ей не выдали разрешение. До 90-х годов XX в. в Советском Союзе получить эмиграционный паспорт считалось привилегией, которую далеко не все могли получить. Эмиграция его матери и многих других была возможна только в 1990-х годах, когда эмиграционные правила значительно смягчились, и Советский Союз приблизился к распаду. В 1982 году ситуация была несколько иной, для получения заграничного паспорта нужна была подпись партийного секретаря, что казалось невозможным:

“The Party Secretary at the Institute of Mechanical Engineering where she worked would have had to sign the assessment that was needed if she were to make such a journey, and he never did so. ‘Foreign travels is an honour and carries responsibility’, he told my mother every time. You however, have not been conspicuous in the field of social or political work, Mrs Kamminer. I conclude that you are not yet ready to undertake a journey of this short(Kamminer)¹⁶⁰.”

В творчестве Каминера обнаруживаются и традиционные проблемы эмигрантской жизни. Однако, ко многим из этих проблем писатель относится с юмором и иронией. Характер содержания этих рассказов отражает стереотипный образ

¹⁵⁹Там же

¹⁶⁰KamminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

эмигрантов. В одном из подобных рассказов «*Suleyman and Salieri*», который начинается спорами о ксенофобии, позднее возникшими в различных берлинских газетах, Каминер иронически описывает суть этих споров и утверждает, что в таких спорах серьёзные проблемы ксенофобии встают в один ряд с проблемами лишнего веса. «*The problem of weight loss works in a similar way*» - утверждает автор. По его мнению, такие споры вообще не решают проблем, но, в то же время, мы можем наблюдать их различное воздействие на социальные отношения. Например, вследствие споров относительно ксенофобии, между эмигрантами могут завязаться необычные дружеские отношения:

“Nothing has been solved, but the exchange of views has left its mark: for a while, xenophobia has been a major issue, and suddenly a feeling of camaraderie arises amongst large number of people who do not belong together at all and perhaps wanted nothing to do with each other before - Arabas, Jews, Chinese, Turks – all because they have been identified as these very ‘foreigners’(Kaminer)¹⁶¹.”

В этом контексте читатель знакомится с типичным образом добродушного, наивного русского актера из Смоленска, которому нужно играть роль «*злобного депрессивного композитора*» - Сальери, из «Моцарта и Сальери» Пушкина. Для того, чтобы добродушный и «*миролюбивый*» русский мог найти темную сторону своего характера, режиссер советует ему - «*go right in to yourself, deep down, discover the dark side of your soul. There is a criminal in every one of us*»¹⁶². Следуя совет у своего режиссёра, он находит себя в баре после восьми с пивом - «*first signs of an abyss in his soul became apparent, the evil within him welled up and he became Salieri*»¹⁶³. В опьяненном состоянии, катаясь на машине, он сбивает зеркало у «Мерседеса», владельцем которого оказался турок. Узнав своего брата эмигранта турок не вызывает полицию, а наоборот отвозит его домой. Таким образом, созданием стереотипного образа Каминер превращает такую серьезную проблему как ксенофобия в насмешку, а

¹⁶¹KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

¹⁶²Тамже

¹⁶³KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

рассказ заканчивается проявлением солидарности между эмигрантами разных стран. Уместным в этом отношении становится замечание Дагмара Скиннера, записанное Адрианом Ваннером:

“As Dagmar Wienroder-Skinner noted with some irritation Kaminer “hints at problem only to deconstruct them with frequently meaningless ironic-humorous comment(Wanner)¹⁶⁴”

Несмотря на то, что Каминера критикуют за его насмешки над серьёзными проблемами, его рассказы рисуют новую картину современной диаспоры, которая значительно отличается от традиционной эмиграционной жизни. Стоит заметить, что в рассказе Владимир Каминер вообще не рассуждает о ксенофобии и, может быть, через некую насмешку он вскрывает эту важную проблему с позиций различных слоев и диаспор общества. Автор в своем рассказе представляет диаспору разных стран как одно сообщество, о чем свидетельствует последнее его замечание:

“So a debate in the media can afford a great many people the opportunity to see each other in a new light, not as Turks or Russian or Ethiopians but as part of the larger community of foreigners in Germany. There is something wonderful about this(Kaminer)¹⁶⁵.”

Популярность Владимира Каминера тесно связана с его национальной идентичностью. Русская идентичность обнаруживается во всех сферах его деятельности, как в художественном творчестве, так и в музыке. Бесспорно, Каминер является немецким писателем, однако, его идентичность не ограничена только этими рамками. Некоторые критики также обращают внимание и на его еврейскую идентичность, однако, как в творчестве, так и в жизни Каминер упорно отвергает этот факт. Творчество Владимира Каминера представляет собой новый образ эмигрантской литературы. В отличие от её традиционных начал, которые, преимущественно, связаны с трагедией и мукой эмиграции, и направлены к читателям родной страны,

¹⁶⁴Wanner Adrian. Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora. Evanston. Northwestern University Press. 2011. P. 58

¹⁶⁵KaminerWladimir.RussianDisco.Eburry Press.2002

произведения Каминера не содержат эти традиционные принципы. Его литература обращена к читателям принимающей страны и указывает на транскulturность пространства эмиграции, в котором разные идентичности взаимодействуют друг с другом.

Глава - VI

Транскультурализм и повесть Гэри Штейнграта “Приключение русского дебютанта “

Произведения Гэри Штейнграта производило такое же сильное впечатление, как и творчество писателей Андрея Макина и Владимира Каминера, привлекала большой интерес, как и читателей, так и литературных критиков. Он родился в 1972 г. в Ленинграде и в возрасте семи лет с семей эмигрировал в Америку. Одной из главных причин эмиграции в Америку, как Штейнгарт отмечал в одном из своих интервью¹⁶⁶, были проблемы со здоровьем, поскольку он с детства страдал астмой. Штейнгарт воспринимали русским-американцем. Русская идентичность также играла значительную роль в его становлении как писателя. Критические отзывы о его творчестве оказались восторженным. Его первый роман «*The Russian Debutant's Handbook*» («Приключения русского дебютанта» или «Записки русского дебютанта») стал бестселлером в США, был признан романом «нового Набокова» и выиграл несколько литературных призов: The Stephen Crane award как лучший дебютный роман и The National Jewish Book Award, где был назван главной книгой журналов "Нью-Йорк Таймс" (The New York Times), "Вашингтон пост" (the Washington Post) и "Энтертейнмент уикли" (Entertainment Weekly). Карьера Штейнграта как писателя оказалась очень успешной, и второй его роман Absurdistan («Абсурдистан») так же был воспринят восторженными отзывами и стал очень популярным в общественных и литературных кружках, где все более укреплялась, как ни парадоксально, его русская идентичность:

¹⁶⁶Об этом Штейнгарт высказывался в одном из своих интервью 2014 году: "When I was growing up, the ambulance would come almost every week to take me to the hospital because there were no other treatments for asthma," he says. "[My mother] really made this calculation of whether to leave her family behind and have me grow up fairly healthy, or stay with them and have me grow up an invalid, and ... she decided to go to America." <http://www.npr.org/2014/01/07/260445299/you-cant-be-this-furry-and-other-life-lessons-from-gary-shteyngart>

“На фотографии, занимающей целую полосу воскресного журнального приложения «TheNewYorkTimesMagazine» лета 2002 года, он изображен в меланхолической позе со стаканом водки в манхэттенском ресторане «Русский самовар». Летом 2006 года, когда еженедельное книжное приложение «The New York Times Book Review» приветствовало его второй роман «Абсурдистан», портрет писателя с подписью «Russian Unorthodox» («Неортодоксальный русский», игра слов с RussianOrthodox – православный) занимал всю обложку выпуска(Ваннер, 2014)¹⁶⁷.”

Данная глава посвящена творчеству Гэри Штейнгарта, в особенности роману «The Russian Debutant's Handbook», который мы рассмотрим с точки зрения теории межкультурной коммуникации, проанализируем сложную проблему идентичности, поставленную автором в своем творчестве и постараемся пропустить её через призму транскультурализма. Сюжет романа «The Russian Debutant's Handbook» («Приключения русского дебютанта» или «Записки русского дебютанта»)» (2002) повествует о жизни и приключениях главного героя Владимира Гиршкина. Двойник Штейнгарта Гиршкин, эмигрировал в Америку, когда ему было 12 лет и скоро ему исполнится 25. Он работает в фирме «Эмма Лазарус», которая занимается «Обществом абсорбции иммигрантов». В числе его семьи – мать-бизнесменка, отец, который нелегально занимает медициной и старая бабушка. Гиршкин и его бабушка любят Россию и русскую культуру. Главный герой живет легкомысленно и постоянно попадёт в различные неприятные ситуации. К концу романа он даже становится гангстером в Праве. Главной темой романа можно считать борьбу между различными идентичностями героя – еврейской, русской, американской.

Несмотря на то, что, на первый взгляд на название романа Штейнгарта «The Russian Debutant's Handbook» (2000) главным героем романа оказывается женщина из высшего слоя общества (аристократка), которая впервые выступает перед

¹⁶⁷Ваннер Адриан. Тройная идентичность: русскоязычные евреи – немецкие, американские и израильские писатели (пер. с англ. Ю. Бернштейн и М. Крутикова) // «НЛЮ» 2014 №3 (127) <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/11v-pr.html>

представителями своего элитарного сообщества. Дело в том, что, на английском языке, слово «*debutant*» обозначает женщину из высшего слоя общества, которая впервые выступает в обществе:

Debutante (n.):

An upper-class young woman making her first appearance in fashionable society¹⁶⁸.

Но протагонистом романа является некий еврей из России Владимир Гиршкин, эмигрировавший в Америку, чтобы реализовать свою давнюю американскую мечту. На самом деле, само название романа, в некотором смысле, уже отражает проблему межкультурной коммуникации. На русском языке «*дебютант*» - это лицо мужского пола «впервые выступающее публично на каком-нибудь новом поприще»¹⁶⁹; для женского пола существует свое название «*дебютантка*». Таким образом, название романа является, либо бессознательным переводом с русского, либо намеренным художественным приемом автора, чтобы подчеркнуть транскультурную идентичность героя, которого можно определить только в рамках межкультурной коммуникации.

Главный герой романа - дебютант Владимир Гиршкин, которому только что исполнилось двадцать пять лет, старается найти свою дорогу в новом, незнакомом культурном пространстве Америки. В книге описываются приключения этого русского дебютанта, хотя его русская идентичность, как и его другие идентичности – еврей и американский гражданин находятся под сомнением. Но дебютантом оказывается не только Владимир Гиршкин, но и сам автор – Гэри Штейнгатт, поскольку с романом «*The Russian Debutant's Handbook*» Штейнгатт впервые выходит на американскую литературную сцену. Протагонист романа и автор тождественны не только в этом. Подобно Макину и Каминеру, творчество Штейнгатта несет в себе черты автобиографизма, однако автобиографизм последнего отличается от указанных авторов тем, что детали автобиографии Штейнгатта являются более ограниченными. Многие автобиографические черты Штейнгатта отождествлены с главным героем и во многом отражают его «*альтер эго*» (*alterego*):

¹⁶⁸ <https://en.oxforddictionaries.com/definition/debutante>

¹⁶⁹ **ДЕБЮТА́НТ:** Лицо, впервые выступающее публично на каком-нибудь новом поприще. *Дебютант мелкой бо́льшой успех. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.* <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/785842>

“He is a Russian Jew who came to New York after a childhood in Leningrad nostalgically remembered for its enchantment with the pageantry of Communist propaganda. While Shteyngart emigrated to the United States at the age of seven, his fictional alter ego is already twelve when he leaves his homeland. These additional five more formative years in the Soviet Union seem calculated to reinforce the character’s Russian credentials and lend justification to his lack of integration in America. Like Shteyngart, Girshkin attends Hebrew school, where he is teased by his classmates as a “Stinky Russian Bear”, later graduated from a tony college in the midwest, works at a low-end job for a non-profit organization in Manhattan (Shteyngart, p. 166)¹⁷⁰.”

Из романа мы узнаем о жизни В. Гиршкина в Америке и в выдуманной «Праве», которая является явной карикатурой Праги. Комический стиль и сатирический тон Штейнгарта стали главными характеристиками романа, а основным компонентом повествования - полемика идентичностей, поскольку в личности главного героя совместились три идентичности – еврей, русский и американец. Штейнгарт неоднозначно относится к идентичностям своего героя, не принимая полностью ни одну из них, которые с учетом переходного, подвижного их характера можно рассматривать с позиций транскультурализма.

Три идентичности Гиршкина часто находятся в противостоянии: русская – еврейская и русская – американская. Подробный анализ проблемы идентичности романа поможет нам понять суть этих противостояний. Противоречивое отношение автора к идентичности своего героя вскрывается на первой же странице романа, когда он вводит своего героя в контекст повествования – *«Vladimir Girshkin – the immigrant’s immigrant, the expatriate’s expatriate»*. Владимир Гиршкин работает в *«самом обширном, богом забытом и бесприбыльном закоулке финансового района»* Нью-Йорка, младшим служащим в фирме *«Эмма Лазарус»*, которая занимается *«Обществом абсорбции иммигрантов»*. Таким образом, Гиршкин, который сам был эмигрантом, на

¹⁷⁰Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

работе занимался эмиграционными делами. Русско-еврейская идентичность Гиршкина в романе полностью не выявляется, напротив, еврейская и русская (славянская) единичности изображены как противоположные друг другу. Это подтверждается, когда Александр Рубаков, богатый, психически не уравновешенный человек и ветеран войны, приходит в офис и встречает Гиршкина. Рассмотрев черты его лица, Гиршкин отмечает, что, в отличие от еврея, у него широкое славянское лицо и замечает «кустистые брежневские брови». Так обнаруживаются дихотомические отношения между русской и славянской идентичностями:

“Vladimir examined the man who was killing his morning. He had a broad Slavic (as opposed to Jewish) face, with a web of creases so deep they could have been carved with a pocketknife. Bushy Brezhnevian eyebrows were overtaking his forehead (Shteyngart, p. 168)¹⁷¹.”

Идентичность Рубакова как русского человека раскрывается в романе и дальше, когда он рассказывает о своей поездке в Россию. Приехав в Америку, Рубаков в аэропорту встречается с пожилыми женщинами из местного Иудейского сообщества, которые помогали прибывающим евреям деньгами, однако посмотрев на «христианскую рожу» Рубакова они вместо денег дают ему салями.

Несмотря на то, что представители третьей волны эмигрировали в основном из-за своей еврейской идентичности, их принимали, прежде всего, как русских, а не евреев. Много русских евреев, таких как Гиршкин, тоже считали себя русскими, о чем свидетельствует вышеуказанное представление о Рубакове. Гиршкин причисляет себя больше к сообществу русских, а не евреев. Дальше, Рубаков в своем пентхаузе рассказывает Гиршину о своем сыне, который оказывается гангстером в Парвей спрашивает у Гиршкина, что он думает его сыне. По поводу это Гиршкин отмечает, что история его сына конечно поднимает некоторые вопросы, например, законности, беззакония и демаркации, но:

¹⁷¹Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

“But we do have to remember,” Vladimir said, “that we are poor Russians, that we live in difficult times for our homeland, and that we often have to take special measures to feed our families, to survive(Shteyngart, p. 169)¹⁷².”

В ответ на это Рубаков называет Гиршкина «*русским мужиком*»:

“Yes! An excellent answer!” said the Fan Man. “You’re still a russkimuzhik, not like some of these assimilationist children with their law degrees¹⁷³.”

Подобно Каминеру, в романе Штейнгарта тоже встречаются стереотипные образы, как России, так и ее жителей. «Мужик» на русском обозначает не только крестьянина, но и человека сильного характера.

Русская идентичность Гиршкина в романе проявляется через его отношение с бабушкой. Родители Гиршкина живут свою американскую мечту в эмиграции, стали богатыми, и забыв свое прошлое, стали вести себя как американцы, однако, бабушка, «деревенская баба» еще скучала по советскому прошлому. В этом отношении, сравнивая его с родителями и бабушкой, мы видим, что Гиркшин больше похож на свою бабушку, которая ласкательно называла его «*своим единственным*»:

“Grandmother grabbed his hand and bit it affectionately with both of her teeth. “My dear one!” she said. “My only one!” And she was right. They were in this together. Mother and Father may have gone ahead and become rich Americans, but Grandma and Vladimir were still of the same blood, as if a generation had been skipped between them(Shteyngart, стр. 37-38)¹⁷⁴.”

¹⁷²Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

¹⁷³Там же

¹⁷⁴Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

Не смотря на то, что рассказчик называет её деревенской бабой, она хорошо понимает американскую действительность. Она была единственным человеком, который понимал боль Гиршкина, когда в новой еврейской школе все измывались над ним и называли «вонючим русским медведем». Перед русскими евреями стояла сложная проблема идентичности. В Советском Союзе их не приняли как русских, поскольку они были евреями, но, иронически, в эмиграции они стали больше русскими. Бабушка Гиршкина полностью прочувствовала эту проблему на себе и именно поэтому делала все, чтобы ее внук не стал чужим в американском обществе:

“...Grandma, that devoted country baba who had once bought Vladimir his first American cotton windbreaker—the only grown-up to realize that his trendy Hebrew school chums were making fun of his ill-fitting overcoat with its inherent East Bloc smell; the only one to understand the pain in being called a Stinky Russian Bear(Shteyngart, стр. 36)¹⁷⁵.”

Гиршкин был очень близок со своей бабушкой еще и потому, что только она воспитывала его, учила русскому алфавиту и чтению, рассказывала истории о Великой Отечественной Войне и блокаде Ленинграда. В этом отношении, бабушка Гиршкина воплощает ту самую русскую прошлую родину, которую они когда-то покинули. Как типичная советская жительница, его бабушка мечтала о том, что ее внук станет комсомолом, а потом будет членом Партии:

“After all, she had raised Vladimir, teaching him to write Cyrillic letters when he was four, awarding two grams of cheese for every Slavonic squiggle mastered. She would take him each Sunday to the Piskaryovko mass grave for the defenders of Leningrad—that most instructive of Russia’s field trips—where they would leave fresh daisies for his grandfather Moysei, a slight, thoughtful man shyly holding on to Grandma’s elbow in wedding photos, who perished in a tank battle on the city’s outskirts. And after this simple reckoning in front of a statue of the Motherland, weeping over an eternal flame, Grandma would

¹⁷⁵Там же

ceremoniously tie a red handkerchief around Vladimir's neck. Asthma or not, she promised him, he would join the Red Pioneers someday and then the Komsomol Youth League and then, if he behaved himself well, the Communist Party(Shteyngart, стр. 38)¹⁷⁶."

Идентичность бабушки, которую изначально изображали как «деревенскую бабу», на самом деле оказывается многогранной. Интересные факты о бабушкином прошлом разворачиваются в четвёртой главе романа, где она рассказывает о том, что никогда не была «деревенской бабой», напротив, ее семья была очень богатой, они владели не одной, а тремя гостиницами:

"Originally, the Girshkins were situated near the Ukrainian town of Kamenets-Podolsk, a town whose Jews were all but wiped out in the early phases of Operation Barbarossa. The Girshkins, even then, were prosperous. They owned not one hotel but three, all catering to stagecoach travelers and thereby constituting perhaps one of the first known examples of the motel chain(Shteyngart, стр. 424-425)¹⁷⁷."

Данная история также рассказывает о тяжелой жизни семьи Гиршкина, показывает насколько ее члены были практичны и всегда шли в ногу со временем. Они бросили все свое золото, все богатство, когда стало ясно, что победа большевиков была предрешена:

"When the outcome of the Bolshevik Revolution seemed a certainty, the family pooled all their gold, threw it into a wheelbarrow (which, to hear Grandma tell it, was practically full), then emptied the wheelbarrow into the local stream and resolutely trampled back home to eat up the last of their sturgeon and caviar. Having thus eluded any aspersions of being bourgeoisie, the Girshkins put their best proletarian foot forward, and

¹⁷⁶Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

¹⁷⁷Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

this particular limb—like the lamb shank at Passover representing the strength of the Lord's forearm—was embodied by Grandma¹⁷⁸”.

Здесь демонстрируется сильный характер бабушки. Ведь она, несмотря на свое буржуазное еврейское происхождение стала сначала комсомолкой, а потом и членом Парии. Такой же жизненный путь она видела и для Гиршкина, о чем мы уже упоминали ранее. Подобно бабушке, его мать тоже имела сильный характер. Не смотря на всякие препятствия капиталистического общества, его мама сделала себе успешную карьеру, оказавшись среди представителей русского эмигрантского общества. Рыбаков, который читал о нем в журнале «Новый русский мир», называет её «волчицей капитализма»:

“We haven't had the pleasure of being formally introduced,” Rybakov said. “But I read about her in the business section of the New Russian Word. What a Jewess! The pride of your people. A capitalist she-wolf. Scourge of the hedge funds. Ruthless czarina. Oh, my dear, dear Yelena Petrovna(Shteyngart, стр. 10)¹⁷⁹”.

Еврейская идентичность Гиршкина позднее становится проблемой в его семье. Его мама была сильно озабочена тем, что ходьба Гиршкина слишком еврейская. Она даже предупреждала Гиршкина о том, что никакая женщина ни полюбит того, кто шагает по-еврейски. Подобная озабоченность мамы главного героя акцентирует наше внимание на сложной социальной обстановке, в которой они живут. Русский еврей оказывается непринятым не только в русское общество, но и в американские еврейские сообщества:

“Look at your feet. Look carefully. Look at how your feet are spread apart. Look at how you walk from side to side. Like an old Jew from the shtetl. Little Rebbe Girshkin.

¹⁷⁸Там же

¹⁷⁹Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

And how can a woman love a man who walks like a Jew? I honestly don't see what keeps you two together."

Come here, I'll teach you to walk like a normal person. Come here! No? He's shaking his head like a little three-year-old . . . You don't want to? Well, just stand there like an idiot, then(Shteyngart, стр. 45)¹⁸⁰."

"Challenge Laszlo to a duel? Like Pushkin (Shteyngart, стр. 56)¹⁸¹?"

Идентичность Гиршкина как русского человека укрепляется. Франческа, подруга Гиршкина, однажды скажет ему, когда они впервые встретятся в одном баре, что он похож на Троцкого. Чуть ранее, на аналогичной встрече, его вид отождествлял русского пьяницу:

"His image, as seen in a nearby martini decanter, showed a Russian pyanitsa, a drunken lout with his thinning hair slicked down by sweat, the buttons of his shirt opened beyond what was desirable(Shteyngart, стр. 57)¹⁸²."

Культурная идентичность Гиршкина подтверждается еще тем фактом, что он до сих пор Петербург называет Ленинградом. После 1991 года Ленинград стали называть Петербургом, но в культурной памяти Гиршкина он все еще остается Ленинградом. Во время знакомства с родителями Франчески, Гиршкин рассказывает им, что он из Ленинграда. Родители Франчески, образованные люди, пренебрегая культурным отношением Гиршкина к названию Петербург поправляют его. Стоит заметить, что они в этом не виноваты, для них понять эту культурную близость, может оказаться и вовсе невозможным:

¹⁸⁰Там же

¹⁸¹Там же

¹⁸²Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

“I’M FROM LENINGRAD,” he said, bowing his head in gratitude as Francesca’s father, Joseph, squeezed a glass of Armagnac into his hand.

St. Petersburg,” said her mother, Vincie, with undue authority and then laughed loudly over her own overbearing nature(Shteyngart, стр. 67)¹⁸³”

Несмотря на того, что русский еврей оказался непринятым в американские еврейские сообщества, его русская идентичность стала пользоваться спросом в интеллектуальных сообществах Америки. Однако, в этих обществах он был воспринят прежде всего, как русский, а не русский еврей. Именно поэтому идентичность Гиршкина становится постоянной переходной коммуникацией между разными его идентичностями. Русская идентичность была охотно принята мультикультурными обществами Америки. Главным представителем этих мультикультурных сообществ оказался Франк, друг Франчески. В романе его называют настоящим славянофилом:

“Frank, an evident Slavophile, had decorated his room with a half dozen handmade icons of gold crepe, along with a wall-sized Bulgarian tourist poster showing an onion-domed rural church flanked by a terrifically woolly animal¹⁸⁴”

Не только Франк, но и его друзья были рады встречам с Гиршкиным, так как они *«always been trying to find a nice Russian speaker for Frank»* (Shteyngart, p. 72). Франк был настолько полон энтузиазма, что он призвал всех своих друзей читать «Записки охотника» Тургенева. Мультикультурализм славянофила Франка можно объяснить тем, что он не считал тех, который не читал «записки охотника» Тургенева, культурным:

“I’m dragooning the whole gang into reading Turgenev’s Sportsman’s Sketches this summer,” Frank informed Vladimir while

¹⁸³Там же

¹⁸⁴Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

pounding a Dry Sack of sherry into Dixie cups with only partial success.

“No man, no woman can claim to be kulturni without having read the Sportsman’s Sketches. Tell me I am wrong! Tell me there is another way^{185!}”

Гиршкин заявляет, что он читал «Записки охотника» неоднократно, однако, на самом деле, он помнит о произведениях Тургенева, только то, что действие этих рассказов происходит где-то на природе.

“I have read the Sketches many times,” said Vladimir, hoping his childhood excursions to the Kirov Ballet and the Hermitage had made him kulturni enough for his new friend. In truth, the one time Vladimir had skimmed the Sportsman’s Sketches had been a decade ago, and the one thing he could remember was that they were mostly set outdoors¹⁸⁶”

Восторженный Франк долго восхищался по этому поводу Гиршкиным и говорил, что он молодец, на что Гиршкин лишь раздражался, поскольку молодец скажет взрослый молодим. Так у Гиршкина появились свои культурные коды, которые такие американские славянофилы как Франк не всегда понимают:

“Molodets!” said Frank, meaning “good fellow,” a term often used by older men to congratulate those younger. How old was this Frank anyway(Shteyngart, p. 71)^{187?}”

Вышеуказанные высказывания указывают на то, что в принимающих его мультикультурных сообществах, ему отчаянно приходится вести себя как русский человек, хорошо разбирающийся в русской культуре. Для мультикультурных сообществ значимой является его русская идентичность, а не еврейская. Данное утверждение подкрепляется следующим фрагментом текста:

¹⁸⁵Там же

¹⁸⁶Там же

¹⁸⁷Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

“Perhaps,” Franksaid, “but don’t forget that Vladimir has an expansive Russian soul. Money is not his concern. Camaraderie and salvation, that’s his game.”

“He’s a Jew,” Fran reminded them.

“But a Russian Jew,” Frank said triumphantly, slurping at his free drink(Shteyngart, p. 103)¹⁸⁸”

Что произошло во время чтения книги «Записки охотника» в романе не сообщаются. Это произведение Тургенева Гиршин не вспомнил, но не стоит делать вывод о не образованности Гиршина или не любви к литературе вообще. На самом деле он любит литературу, в особенности творчество Чехова. Однако, в тяжелой эмигрантской жизни ему некогда читать Чехова:

“Now the healthy, older Vladimir paced the length of his imaginary study, in which his childhood volume of Chekhov would share pride of place with newer acquisitions: a martini shaker from the Salvation Army, a biography of William Burroughs, a tiny cigarette lighter cleverly embedded within a hollowed pebble. Yes, the inside of the apartment was becoming too cluttered for Chekhov¹⁸⁹”

Мультикультурное и образованное американское общество имеет свои предрассудки. Прежде всего типичными оказались представления о Советском Союзе. Отец Франченки восхищался терпением Гиршина, но при этом шутливо предполагал, что это качество Гиршин приобрел, стоя в долгой очереди в Советском Союзе.

Даже подруга Гиршина, гордившаяся своим образованием и называющая себя феминисткой, полюбила Гиршина во все не за его человеческие черты характера, а за его иную идентичность.

¹⁸⁸Там же

¹⁸⁹Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

“Do you know why I like you, Vladimir? Have you figured it out yet? I don’t like you because you’re sweet or kind-hearted, or because you’re somehow going to change my world, since I’ve already decided that no man is ever going to change my world. I like you because you’re a small, embarrassed Jew. I like you because you’re a foreigner with an accent. I like you, in other words, because you’re my ‘signifier(Shteyngart)¹⁹⁰.’”

Гиршин отчетливо понимает вышеуказанные представления, так называемого мультикультурного американского общества, но тем не менее, считает правильным придерживаться положения *«It is far better to be patronized than to be ignored»* (Shteyngart, p. 74), сознательно стараясь быть типичным русским с западной точки зрения. На первый взгляд, кажется, что мультикультурное общество близко Гиршину, однако трудно понять и постичь его положение в данном обществе. Оно всегда будет видеть в нём эмигранта. Подтверждение этих слов можно найти в разговоре, происходившем на одной вечеринке, где Гиршина в очередной раз поняли с точки зрения полемики стран:

“It’s good to be here,” Vladimir said out of gracious instinct.

“Here? America?”

“No, no. The party.”

“Oh, the party. That. May I speak frankly, Vladimir

(Shteyngart, стр. 72)¹⁹¹?”

Гиршин любит это мультикультурное американское общество, ему нравятся простые слова как «dad»; а вот русский эквивалент «папа» кажется неловким. Данный переход в идентичности намекает на его стремление быть американцем. Отсюда можно сделать вывод, что Гиршин поддается влиянию мультикультурного американского общества.

¹⁹⁰Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

¹⁹¹Там же

“Vladimir smiled inwardly at this happy American word: Dad. There was something awkward and demeaning, he had always felt, in the Russian papa (Shteyngart, стр. 68)¹⁹².”

Американская культура оказывает влияние на жизнь русских эмигрантов. Проявление этой культуры можно отчетливо обнаружить и в жизни представителей четвертой волны. Штейнгарту было только 7 лет, когда он эмигрировал в Америку с семьей. Когда друзья Гиршина неожиданно приезжают на вечеринку и ведут себя там неприлично, чрезвычайно настойчиво, возмущая своими действиями Франческу. Владимир находит этому объяснение в причастности к американской культуре. Друзья не виноваты в происходящем, они всего лишь продукт американской культуры:

“They grew up watching television,” Vladimir mumbled into the comforting pillow. “They looked for prizes in cereal boxes. They’re a product of the culture, and American culture in the twentieth century is, by definition, imperialist(Shteyngart, стр. 79)¹⁹³.”

Гиршин отчаянно старается стать американским человеком, но не получается так, как на образе его жизни стоит отпечаток русской культурной идентичности, отчетливо проявляющийся. Его образ жизни сравнивают с героями художественных произведений русской литературы. Рассказчик романа сравнивает его характер с графом Вронским из Анны Каренины. Сравнением этим автор хочет намекнуть на пустоту жизни Гиршина. Следует отметить, в отличие от Левина Граф Воровский не имел глубины характера:

“It’s been thirteen years since the Leningrad sickbed, since that lifetime of reading Tolstoy’s descriptions of Winter Palace balls while spitting snot into a handkerchief. Finally, it would seem, Vladimir has found his way out into the world. Finally, our debutant is playing Count

¹⁹²Там же

¹⁹³Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

Vronsky for the downtown nobility in their checkered bowling pants and burnished nylon finery(Shteyngart, p. 104)¹⁹⁴."

В этом отношении стоит упомянуть и комическое изображение спальни Гиршина у Франчески Руокко (отчество ФранческиРуокко), беспорядок комнаты сравнивают с самиздатом, а холодную температуру с долгой зимой Осло или Мурманска, а не с Россией. Возможно, автор хочет избежать явного сравнения.

Русская культурная идентичность Гиршина также влияет на его отношения с Франческой. Мироззрение каждого человека во многом является ограниченным культурой, в которой он был воспитан. Несмотря на то, что Гиршин с двенадцатого года жил в Америке, всё же в его идентичности можно найти явные русские культурные черты:

"I know," he said sadly. "I know we're young and we shouldn't throw around words like 'love' or 'relationship' or 'future.' Russians settle down so early, it's absolutely stupid. They're never ready for it, and then they raise these cretinous kids. My mother was twenty-four when she had me. So I don't disagree with you. But, on the other hand, what you said (Shteyngart, p. 97)¹⁹⁵."

Однако, значительная покорность американской культуре, приводит Гиршина к внутреннему самоанализу. Он осознаёт, что на самом деле хочет быть настоящим американским человеком. В этом отношении он все больше и больше отождествляет с своим родителем :

"Perhaps Vladimir was not so different from his parents. For them becoming American meant appropriating the country's vast floating wealth, a dicey process, to be sure, but not nearly as complex and absolute as this surreptitious body-snatching Vladimir was attempting.

¹⁹⁴Там же

¹⁹⁵Там же

For what he really wanted to do, whether he admitted it or not, was to become Manhattanite Francesca Ruocco. That was his tangible ambition (Shteyngart, p. 85)¹⁹⁶."

Несмотря на разнообразные явные различия между американским и советским обществом, Гиршину оба общества кажутся одинаковыми:

"They would be a family. Not terribly different from a traditional Russian family, really. Living in the same communal apartment, two generations separated by one flimsy wall(Shteyngart, p. 100)¹⁹⁷."

В мультикультурном американском обществе утверждается русская идентичность Гиршина, всегда находящаяся под гнетом стереотипического восприятия. Приближение Владимира к гангстерам в Праве отражает его освобождения от гнета. С недоумением встречает американское мультикультурное общество даже ранний Гиршин:

"Although Vladimir was taught to foster multiculturalism, he looked blankly into the sneering faces of his countrymen, stamping his way through their mountains of documents. Who could think of immigrants on a day like this (Shteyngart, p. 66)¹⁹⁸."

Однако борьба Гиршина с межкультурной идентичностью никогда не прекращалась. В криминальном обществе Правы, которым управляли русские гангстеры, его борьба с идентичностью все еще продолжается. Не смотря на многократные попытки Владимира вступить в криминальное общество Права, его принимают туда только отчасти. Интересно отметить, что в криминальных обществах его принимают как американца в образе, которого утверждается бессознательное культурное воздействие американской культуры в жизни Гиршина.

¹⁹⁶Там же

¹⁹⁷Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

¹⁹⁸Там же

В Праве русская идентичность играет важную роль в жизни Гиршина. Среди гангстеров русского происхождения он чувствует себя как дома, хоть это ощущение и временное:

“Vladimir looked to the Russians sitting before him. Those dear elks. They smoked too much, drank too much, killed too much. They spoke a dying language and, to be honest, were themselves not too long for this world. They were his people. Yes, after thirteen years in the American desert, Vladimir Girshkin had stumbled upon a different kind of tragedy. A better place to be unhappy. He had finally found his way home (Shteyngart, p. 170)¹⁹⁹.”

В конце романа Штейнгатт хоть и отвергает принадлежность Гиршина к какой-либо определенной идентичности, но, тем не менее, в ходе работы писатель неоднократно утверждает русскую идентичность. Русская идентичность оказывается более сильной и влиятельной, чем остальные его идентичности. Склонение Гиршина к этой идентичности подразумевает особое отношение к русской идентичности самого писателя. В одном интервью, данном 24 февраля 2014 года, Гари Штейнгатт признается в том, что он думает и мечтает на русском языке. Он считает, что думать на своем родном языке является необходимым качеством даже для двуязычных писателей. Это качество значительно помогает при создании русскоязычных героев:

“It’s wonderful to have that. You see so many writers who are bilingual from birth. It just adds a whole new dimension because there’s this other soundtrack that’s playing—especially when you’re writing characters who are thinking and speaking and dreaming in Russian. I’m

¹⁹⁹Shteyngart Gary. The Russian Debutant’s handbook. Penguin USA. 2003

so glad my parents spoke Russian in the home, because that way I was able to maintain it(Shteyngart, p. 171)²⁰⁰."

Преобладание русской идентичности подкрепляется многократным интертекстуальными ссылками. В романе не один раз мы находим различные ссылки на русскую художественную литературу. Интертекстуальные связи романа с русскими художественными произведениями объясняются прежде всего интересом Гиршина в литературе. Он особенно любит рассказы Чехова:

"Vladimir was partial to short fiction—brief, thoughtful stories where people suffered quickly and acutely. For instance, the Chekhov story where the horse-cab driver tells all his fares that his son has died the other day and nobody cares. Terrible. Vladimir had first read that one in Leningrad, lying as he always did in his sick bed, while Mother and Grandmother fussed in the next room, concocting bizarre Russian folk cures for his bronchial illnesses(Shteyngart, p. 172)²⁰¹."

Здесь рассказчик имеет ввиду рассказ А.П. Чехова «Тоска». Вот почему упоминаются «Записки охотника» И.С.Тургенева и «Анна Каренина» Льва Толстого, о которых мы уже рассказывали. О русских литературных героях вспоминает не только Гиршин, но и еще его друг Баобаб. Когда некий Мадьярский откровенно кокетничает с его девушкой, он просит совета у Гиршина по решению проблемы. Владимир рекомендует разобраться по-мужески. На что Баобаб задаёт вопрос: «вызвать его на дуэль?, сравнивания себя с А.С. Пушкиным.

Штейнгатт делая предпочтение в сторону русской идентичности, одновременно намекает на то, что родные связи или остаются с нами навсегда, как ностальгия, или они становятся забытыми, словно искусственные реконструкции, подобно избе отца Гиршина, который он создал в подвале. Но среди искусственной реконструкции и произведений русской литературы неожиданно появляется медицинского книга,

²⁰⁰Там же

²⁰¹Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

связывающая его с современной американской действительностью, которую, он сразу отталкивает. Смесь современности с ностальгией утверждает о переходном характере идентичности:

“In the basement, surrounded by plaster dust and loose electrical wires, the doctor had tried to recreate for himself the rickety village izba where he had spent his childhood: coarse off-white panels lining the walls were supposed to bring to mind the Russian birch; a set of unfinished wooden chairs gathered around a three-legged kitchen table bespoke an admirable poverty. On this table, there was some Pushkin, a little Lermontov, and, for some reason, a wayward copy of the New England Medical Journal, which the doctor quickly shunted under his bed. The great warm stove, the centerpiece of his youth, was missing from the ensemble, but what could one do(Shteyngart, p. 173)²⁰².”

Подобно Макину, во французском литературном языке которого встречаются некоторые русские слова, английский Штейнгарта так же проникнута русскими словами. Русские слова в творчестве появляются чаще, чем Макина, и количество значительно больше. Чаще Штейнгарт не объясняют эти слова, но в некоторых случаях останавливает своё внимание на их значения, облегчая процесс восприятия читателя:

“Girshkin remained to assimilate the masses. “Nyet! Nyet! Nyet!” he shouted to the Russian. “We never do that to the guard.”

What’s more, my love, all my new patients are paying for your goddamn dacha in Sag Harbor.

...here was something of the pyanitsa in her appearance as well.

²⁰²ShteyngartGary.The Russian Debutant’s handbook.Penguin USA.2003

Yes, it was Baobab Night. After ignoring Baobab's phone calls for nearly two months, Vladimir felt an ache in his heart, a subtle reminder of his tonkost, the Russian word signifying empathy, quiet compassion, a generosity of spirit (Shteyngart, p. 137)²⁰³."

В конце романа мы наблюдаем борьбу между различными идентичностями Гиршина – еврейской, русской и американской. Идентичность Гиршина невозможно ограничить рамкой одной из вышеуказанных:

"Were Vladimir and his parents Petersburg snobs? Perhaps. Bad Russians? Likely. Bad Jews? Most certainly. Normal Americans? Not even close (Shteyngart, p. 94)²⁰⁴."

Идентичность Гиршина характеризуется переходной межкультурной коммуникацией трех идентичностей. Данный межкультурный процесс, происходящий между различными идентичностями, определяется транскультурным процессом. Транскультурная идентичность Гиршина не является конечным продуктом трех идентичностей, а отмечается своим переходным процессом.

²⁰³Shteyngart Gary. The Russian Debutant's handbook. Penguin USA. 2003

²⁰⁴Там же

Заключение

Глобализация, коммуникационная революция и быстрый темп мобилизации потребуют пересмотреть традиционные вопросы, связанные с культурой и идентичностью, поскольку традиционные статичные и монолитные определения культуры и идентичности уже не способны охарактеризовать многоплановую и разнообразную культурную обстановку современных обществ. Для того, чтобы определить сложный многогранный фабрикат культурной обстановки данных обществ, предлагаются две теоретических разработки – теория мультикультурализма и теория транскультурализма. Теория мультикультурализма в свое время оказалась значительно популярной в общественных науках, отказавшись от статичных, единых культурных определений, было признано существование различных культур в одном социальном пространстве.

Однако, современные исследования культуры и идентичности ставят акцент на переходные характеристики этих определений. Понятие культуры оказалось настолько сложным и обширным, что современный филолог Реймонд Уильямс предлагал описать его одним из двух или трёх самых сложных слов английского языка. Сложность данного понятия вытекает из-за самых разнообразных употреблений данного термина в самых разнообразных сферах. Очень часто культура употребляется в следующих значениях. Культура очень часто означает – i) корпус художественных работ, ii) процесс духовного и интеллектуального развития iii) обряды, веру и другие символические обычаи человеческой жизни, iv) целый образ или склад человеческой жизни.

В пределах современной культурологии и других общественных наук под культурой понимаются, чаще всего третье и четвертое определения. Восприятие культуры в качестве цельного вклада традиций, веры, обрядов, обычаев с явной ссылкой на прошлое ни в коем случае не означает, что культура статична. Это показывает, что нам необходимо не только поддерживать традиции, но и искать новые значения, ведь создание общества - это бесконечный процесс, который, как правило, некогда не будет завершён. Культура - это, прежде всего, коллективное обращение к

культурным обычаям т. е. вере, обрядам, традициям, их культурным и духовным вызовам, художественно-эстетическим практикам, определенной социальной группе.

Общественный уклад любого времени, состоит из самых разнообразных группировок, которые несут в себе своеобразное культурное наследие. С развитием техники, мобильности, коммуникации культурная установка наших обществ чрезвычайно осложнилась. Главной характеристикой современной социальной установки (или социальной установки любого времени) является разнородность. Разные социальные, политические, религиозные, этнические и другие группы общественных слоев общаются между собой. На каждой ступени социальной установки происходит межкультурная коммуникация и каждая культура приобретает все новые и новые значения. Таким образом, культурная установка обществ лишается статичности и становится гибкой и подвижной. Для того чтобы подчеркнуть переходность сложных и многогранных культурных взаимодействий современного общества, была выдвинута теория транскulturализма, которая основывается на межкультурной коммуникации.

Идентичность на уровне индивидуальности определенного человека формируется в рамках разделяющих факторов, иными словами, индивидуальная идентичность любого человека зависит от того, чем он/она отличается от других людей той или иной социальной группы; однако, на уровне коллективности она выступает в рамках соединительной силы, которая, опираясь на эти сходства, объединяет разных представителей одной группы. Идентичность прежде всего является продуктом общественных процессов, формируется посредством общения между различными сферами человеческой деятельности, она не замкнута в самой себе и её можно определить только на фоне определенных общественно-политических и культурных процессов. Социально-политический и культурный продукт "идентичность" принадлежит к своему прошлому, так как она в нем существовала, и будущему, так как она им становится. Таким образом, понятие «идентичность», как и понятие «культура» является подвижным, и постоянно модифицируется.

Культурные идентичности характеризуются взаимосвязью общей культурной исторической памяти, помогающей представителям одного сообщества или группировки воспринимать себя частью единого целого. Идентичность одновременно

принадлежит как прошлому, так и к настоящему. С одной стороны, прошлое обеспечивает им некую постоянную принадлежность к символическому образу, общим представлениям о культурном наследстве общества, обычаям.

Транскультурная идентичность обращается, преимущественно, к этому определению культурной идентичности, которое является не заключительным продуктом определенного исторического периода, а продуктом постоянно развивающегося процесса, вытекающего из межкультурных коммуникаций внутри общества.

Различные вопросы и проблемы, связанные с культурой и культурной идентичностью становятся наиболее значимыми и усложняются, когда используются в исследованиях диаспоры, поскольку диаспора заключает в себе сложную многогранную культурную конструкцию. Диаспора представляет собой своеобразное культурное наследие, складывающееся из общей культурой памяти или памяти о стране происхождения. Однако, ежедневная жизнь диаспоры глубоко проникается межкультурным воздействием культуры новой среды. Из-за коммуникационной революции и резких темпов мобильности в современных обществах, традиционные определения эмиграции, в том числе и культуры, и идентичности, значительно усложняются. Не только восприятие эмиграции, но и отношение к родине современной диаспоры значительно отличается от традиционных диаспоральных обществ. Воздействие этих изменений также отмечают в теории диаспор. В современных диаспоральных исследованиях принято рассматривать соответствующие ступени развития как разные стадии в изучении диаспоры. Всего, выделяют четыре ступени в развитии диаспоральных исследований:

Первая ступень диаспоральных исследований использует диаспору в ее традиционном значении, которая тесно связана с переживаниями миграции. Все представители этой группы, которую Робин Коэн называет «пострадавшая диаспора» были вынуждены покинуть свою родину из-за определенного травмирующего события. Коллективная память о родине, из которой была выгнана определённая этническая, религиозная или национальная идентичность, также играет значительную роль в традиционном значении диаспоры.

Вторая ступень диаспоральных исследований начинается в 1980-х годах. В данном периоде круг значений понятия «диаспора» значительно расширился. Это расширенное значение выступало в качестве «метафорического назначения» и включало в себя разнообразные группировки – эмигрантов, беженцев, экспатриантов, политических эмигрантов, этнические и религиозные меньшинства. Исследователи и теоретики данного периода соединяют с диаспорой следующие главные характеристики - отъезд из родной страны, коллективная память, проблема ассимиляции, вера в историческое возрождение своей страны, связь с исторической родиной. Некоторые историки также различают между вынужденным и невынужденным покиданием родины.

Третья ступень в развитии диаспоральных исследований начинается в середине 1990-х гг. Под влиянием постмодернизма некоторые теоретики и исследователи старались разделить базовые компоненты традиционного определения диаспоры – родина и этнические/религиозные сообщества. Для этой ступени характерны «дитерриториальное» восприятие диаспоры, т.е. оспариваются конкретные пограничные восприятия «Роднины».

На четвертой ступени развития диаспоральных исследований заново переутверждаются коренные компоненты традиционного определения диаспоры.

В истории СССР и Российской Федерации были четыре волны эмиграции. Первая волна русской эмиграции возникла после Русской Революции и в последствии гражданской войны. Первая волна русской эмиграции отличается от других волн своей верой в возврат на родину. Таким образом, первая волна русской эмиграции создает русскую диаспору, которую, отчасти, можно отождествлять и определять как классическую (по определениям диаспоры) диаспору.

Вторую волну русской эмиграции составили лица, принадлежавшие к периоду второй мировой войны, которые решили остаться, несмотря на угрозы на месте нахождения. т.е в оккупированных территориях. Эта волна эмиграции отличается от других своим трагическим происхождением. Представителей данной волны окружили печальные события с обеих сторон: они вынужденно оказались в тяжелых условиях в

оккупированных территориях, а возврат на родину также не мог считаться счастливой новостью, ведь там их ожидала политические репрессии.

Большинство исследователей не ставят различий между третьей и четвертой волной, а сливают их в один эмиграционный поток, возникший преимущественно в 1970-х годах и продолжающийся до настоящего времени. Четвертая волна эмиграции возникла к концу 80-х – началу 90-х г. Третья волна русской эмиграции тесно связана с основанием Израиля в 1948 году, когда был принят закон возврата на родину. Именно поэтому третья и четвертая волны преимущественно несут в себе еврейский характер. Четвертая волна русской эмиграции отличается от предыдущих своей своеобразной точкой зрения вообще на эмиграцию и возврат на родину. Так же четвертая волна отличается от предыдущих волн своей творческой составляющей. Литература этого периода очень часто не становится частью общего корпуса литературы русского зарубежья, так как многие представители четвертой волны пишут на языке принимающей страны.

Перед писателями, создающими свои произведения на языке принимающей страны, встает сложная проблема их идентичности, которая безусловно отражается и на творчестве. Хотя эти писатели решили писать свои произведения на языке принимающей страны, их связь с родиной все-таки не оказалась сломленной. Художественные произведения представителей четвертой волны тем или иным образом связаны с Россией. Характер этих произведений демонстрирует сложное неоднозначное отношение к идентичности, которое можно упростить только с помощью дискуссии в рамках транскультурной идентичности. Художественные произведения большинства писателей оказались автобиографичным или полу-автобиографичным, поэтому данная характеристика литературы четвертой волны эмиграции русской диаспоры помогает решить главную проблему, стоящую перед этими писателями – проблему их идентичности.

Андрей Макин оказался одним из самых знаменитых писателей-представителей современной русской диаспоры во Франции. Его роман «*Le testament français*» («*Французское завещание*») принес ему не только необычную популярность, но и еще две самые престижные литературные награды Франции: *Гонкуровская премия* и *Премия Медичи*. Андрей Макин стал первым писателем, кто одновременно был награжден обоими этими призами. Пишет он свои романы на французском языке. Андрей Макин

родился в сибирском городе Красноярске в 1957 году. Несмотря на то, что многие его романы являются автобиографичными, факты из его биографии, особенно его советского прошлого оказываются не ясны, так как сам писатель уклончиво отвечает на вопросы, связанные с его биографией. Ему предоставили убежище во Франции в 1987 году, когда ему было 30 лет. Русская идентичность играет значительно важную роль в развитии популярности автора. Сюжеты большинства из его романов тем или иным образом связаны с Россией. Идентичность Андрея Макина достаточно неоднозначна. Многие критики считают его русским человеком, но не принимают его как русским писателем.

«Французское завещание», автобиографичный роман, является многогранно-художественным изложением, посвященным проблеме идентичности. Роман рассказывается от первого лица, и рассказчиком романа является мальчик, зовут которого Алеша (об этом мы узнаем только к концу романа). Сюжет романа не сложный. Алеша и ее сестра с семьей каждое лето приезжают к своей французской бабушке - Шарлотте - в Саранзу, выдуманный городок на краю степи. Бабушка рассказывает им истории из своей жизни и в процессе мальчики обнаруживают не только волшебный французский мир начала века но еще и тяжелые страницы советской истории. Повествование романа постепенно усложняется так как голос мальчика-рассказчика сливается с голосом бабушки. Роман оказался важным с точки зрения рассмотрения с позиций транскulturализма. В нем выявляется транскulturальная идентичность не только рассказчика-мальчика, но и его бабушки. Полу-автобиографический роман также подчеркивает и транскulturальную идентичность самого писателя – Андрея Макина.

В романе транскulturальная идентичность устанавливается на двух уровнях – первый, в рассказах бабушки, второй, где рассказчик обнаруживает французский мир из жизни своей бабушки, и, таким образом, советская действительность сталкивается с французским прошлым. Становление транскulturальной идентичности в романе анализируется на трех ступенях – язык, пространство и место. Все эти три разряда являются главными компонентами установления и укрепления идентичности.

Транскulturальная идентичность прежде всего выявляет межкультурную коммуникацию, сложно определяемую теорией мультикультурализма. Каждый язык представлен определенной суммой кодов, соответствующей с определенной культуре и обладающей определёнными значениями. Транскulturальный процесс обеспечивает говорящему свободный переход с этим культурным запасом, благодаря чему он легко

переводит соответствующие культурный коды. Французский язык рассказчик называет домашним диалектом, однако, его кругозор все еще определен русским языком. Именно поэтому перед ним возникают проблема постижения французской действительности бабушкиных рассказов. Он слушает эти рассказы на французском, а представляет их с точкой зрения русской культуры. В отличие от бабушки Алёша только обнаружил свою транскультурную идентичность, поэтому у него возникают проблемы восприятия. Макин часто употребляет в своем творчестве русские слова, как «izba», «derevnya», «shapka», «babushka», «dacha». Использование этих русских слов в французской речи подчеркивает особый процесс языкового общения, где сообщение не полностью соответствует действительности. Таким образом, такие слова становятся определённым культурным кодом, который можно понять только с помощью транскультурной идентичности.

В романе каждое пространство оказывается заряженным определенной культурой т. е. представляет определенную культуру. Например, безымянный индустриальный город на Волге, где живет Алёша, является представителем советской культуры, чуждой к традициям мультикультурализма. В отличие от города, Саранза изображено как свободное село, стоящее на краю степи, представляющее транскультурное пространство. Бабушкин рассказы открывают перед детьми новые горизонты, где совершаются межкультурные коммуникации. Таким образом, пространство транскультурной коммуникации в романе является, прежде всего, воображаемым, нереальным, неким магическим пространством. Воображение мальчика открывает перед ним совсем новый простор действительности, совсем другой мир французской культуры, тесно связанный с русской культурой и русским миром.

Культурная память является главным компонентом культурой идентичности. У Шарлотты существует не одно прошлое, а два – французское и русское. В культурной памяти Шарлотты, оба прошлых сливаются друг с другом воедино, и разделить их невозможно. Эта и определяет её транскультурную идентичность.

Владимир Каминер один из самых популярных авторов Германии, названный «культовым автором». Родился он 1967 г. в Москве, в 1990 г. в двадцатитрёхлетнем возрасте, не зная немецкого языка, эмигрировал в Германию. Подобно Макину, Каминер пишет свои произведения на языке принимающей страны,

т.е. на немецком языке. Но, в отличие от французского Макина, его немецкий литературный язык лишен русифицированных или русских слов. Начал он писать только после восьми лет прибывания в Германии. Владимир Каминер оказался человеком разностороннего таланта – кроме книг художественной литературы, он регулярно пишет в различных немецких газетах и журналах. Каминер еще вел на радио SFB4 еженедельную передачу «Мульти-культи» и еще работал как телевизионным корреспондентом для ZDF. Каминер главный организатор своей дискотеки «Русиендиско». Первый его сборник рассказов носит название «*Russendisko*» (RussianDisco, «Русская дискотека»).

В отличие от Макина, который предпочитал классический французский язык для своих произведений, немецкий язык Каминера характеризуется простыми предложениями и разговорным языком. Язык Каминера тесно связан с выбором им предметов изображения. Предметом изображения его произведений является жизнь простых людей и окружающий их мир. Первый его сборник рассказов «*Russendisko*» сосредоточивает внимание на эмигрантской жизни в «Восточной Германии». Язык у Каминера характерно юмористический, писатель иронически относится к своему предмету изображения. Литература Каминера несет в себе отпечаток его интереса в музыке. Его рассказы, прежде всего, оказываются строчками из эмигрантской жизни.

Автобиографизм является одним из главных характеристик творчества Владимира Каминера. Однако, он не признаёт тех отзывов, в которых называют его творчество «автобиографичным». Писатель утверждает, что его творчество не о «Владимире Каминере», а это прежде всего о эмигрантской жизни различных диаспор. Вместе с тем персонажи Каминера имеют прототипов в реальной жизни. В изложении рассказов Каминер, бесспорно, опирается на бесценный опыт, полученный в эмиграции. Многие детали из его рассказов совпадают с деталями его личной жизни. Так, художественная постановка рассказов Каминера, дает нам возможность посмотреть берлинскую эмиграционную жизнь более подробно.

В рассказах Каминера Берлин изображен, прежде всего, как мультикультурный город, в котором различные культурные идентичности постоянно общаются друг с другом. Отчетливо изображена межкультурная коммуникация различных национальностей и идентичностей. В его рассказах часто встречаются турки, работающие в ресторанах болгары, итальянцы копирующие повадки греков,

вьетнамцы, устраивающиеся в китайские рестораны, притворяясь китайцами и другие. Соответствующие межкультурное общение создаёт своеобразное пространство постичь, которое можно только с точки зрения транскультурализма. В рассказах Каминера также обличается главная разница между мультикультурализмом и транскультурализмом. Мультикультурализм, в своих творческих границах, признает только существование различных культур в современном берлинском обществе, а транскультурализм указывает на межкультурной коммуникации между различными культурами.

Подобно Андрею Макину и Владимиру Каминеру, Гэри Штейнгарт является значимым американским писателем русского происхождения. Гэри Штейнгарт родился в 1972 г. в Ленинграде, в 1979 году возрасте семи лет его семья эмигрировала в Америку. Несмотря на с как русского-американца. Русская идентичность играет важную роль в его творчестве. Его первый роман «*The Russian Debutant's Handbook*» («*Приключения русского дебютанта*» или «*Записки русского дебютанта*») стал Бестселлером в США, и был признан романом «нового Набокова» и выиграл несколько литературных призов – «The Stephen Crane award» как лучший дебютный роман и «The National Jewish Book Award», был назван главной книгой «Нью-Йорк Таймас» (The New York Times), «Вашингтон пост» (The Washington Post) и «Энтертейнмент Уикли» (Entertainment Weekly) назвали его лучшей книгой года. Некоторые критик называли его новым Набоковым, что конечно, раздражает русских критиков.

Главный герой романа «*The Russian Debutant's Handbook*» («*Приключения русского дебютанта*» или «*Записки русского дебютанта*») - русский еврей Владимир Гиршкин, живущий в эмиграции в Америке и старающийся реализовать свою американскую мечту. В романе описываются различные приключения дебютанта, который обличает различные проблемы связанные с культурной идентичности. Подобно Макину и Каминеру, творчество Штейнгарта несет в себе отпечаток автобиографизма, только у Гэри он представлен в ограниченном формате, в отличии от указанных авторов. Многие автобиографические черты Штейнгарта отождествлены с его главным героем, что делают Гиршина двойником писателя. У главного героя романа три идентичностей – еврейская, русская и американская. Штейнгарт полемически относится к идентичностями своего героя, не принимая полностью ни одну из них. Идентичность Гиршина находится в состоянии перехода, она подвижна,

её необходимо изучить с точки зрения транскультурализма. Три идентичности Гиршкина часто находятся в противостоянии: русская – еврейская и русская – американская. Роман Штейнгарта поднимает традиционную проблему эмигрантов – чужой среди своих. В Советском Союзе Гиршина не воспринимали как русского, считая евреем, после эмиграции он стал русским для еврейского и мультикультурного американского обществ, а в русском обществе Правы (которое является явной карикатурой Праги) его приняли за американца. Главной проблемой, поднимаемой в романе является постоянная борьба между различными идентичностями Гиршина – еврейской, русской и американской. Проблему можно решить только с помощью транскультурализма. Идентичность Гиршина находится на стадии перехода, где одновременно уживаются все три идентичности.

Проблема идентичности, возникающая, как перед героями литературных произведений этих писателей, так и перед самим этим писателями, оказываются неразрешенными, поскольку их идентичность является незаконченным процессом межкультурной коммуникации.

Библиография

Первоисточники - :

Kaminer, W. (2002). *The Russian Disco*. London: Ebury Press.

Makine, A. (1997). *Dreams of My Russian Summer*. New York: Arcade Publishing.

Shteyngart, G. (2002). *The Russian Debutante's Handbook*. New York: Bloomsbury Publishing .

Труды на русском языке - :

Абданк-Касовский, В. (1991) Русская эмиграция Итоги за 35 лет. In
Возрождение: литературно политические тетради (р. 37). Время. Париж.

Агеносов, В. В. (1998). Литература русского зарубежья. Москва: Terra Спорт.

Аксель, Б. К. (2014). Диаспоральное воображаемое. НЛО (3).

Александра Володина, С. Л. (2013). Между собакой с волком: Культурные механизмы
конструирования идентичности в диаспорах. НЛО (120).

Амфитеатров, А. В. (1926). Страшная книга. Россия и Славянство , 533.

Андреас, К. (2000). Россия – многонациональная империя: Возникновение. История.
Распада. Москва: Традиция-Прогресс-Традиция .

Арьев, А. (2007). Послесловие к повести С. Довлатова Иностранка . СПб: Азбука
классика.

Байер, Т. Почти потеряное наследие: Судьба архивов и материалов "Третьей волны"
эмиграции в США. США: Мидлбери колледж.

- Барсенков, А. С. (2010). История России 1917-2009. Москва: Аспект Пресс.
- Белобровцева, И. З. (Ed.). (1996). Русская культура двадцатого века: метрополия и диаспора. Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Большаков, В. (2017). Кофе и круассан. Русское утро в Париже. Litres.
- Большаков, В. П. (2010). Культурология: учебник. Москва: Проспект.
- Брейнингер, О. (2014). Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной германии. НЛО (3).
- Бунин, И. (2006). Полное собрание сочинений: в 13 томах. Москва: Воскресенье.
- Вайль, П. (2000). Бродский о Довлатове. Звезда (8).
- Ваннер, А. (2014). Тройная идентичность: русскоязычные евреи – немецкие, американские и израильские писатели . НЛО , 127.
- Войтетхович, Р. (2005). Статус писателя в русской литературе XX века : метрополия и диаспора. НЛО (71).
- Ганиной, Е. В., & Чумакова, А. Н. (Eds.). (2015). Проблемы языка в глобальном мире. Монография. Издательство "Проспект".
- Гафарова, Ю. Ю. (2009). Мультикультурализм, транскulturность и «новое» понятие культуры . In *Фундаментальные проблемы культурологии. Том VII: Культурное многообразие: теории и стратегии*. СПб: Новый хронограф, Эйдос.
- Горкий, М. (1955). Полное собрание сочинений: в 30 томах. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Грицман, А. (2007). Поэзия метрополии и диаспоры: противостояние или слияние? Интерпоэзии (<http://magazines.russ.ru/interpoezia/2007/4/gr12-pr.html>) , 4.
- Грицман, А. (2012). Поэт и город. Новый журнал (267).
- Грушевицкая, Т. Г. (2003). Основы межкультурной коммуникации. Москва: Проспект.
- Гуковский, Г. А. (1965). Пушкин и русские романтики. Москва: 1965.

- Гусейнов, Г. (2012). Россия и Германия: встречные культурные ожидания. Дружба Народов (11).
- Гусейнов, Г. Ч. (2005). Русский в контексте немецкого. Отечественные записки (2).
- Довлатов, С. (2007). Инстратра. СПб: издательский дом, «Азбука-классика».
- Довлатов, С. (n.d.). Новый Американист.
- Жеребина, И. (2017). Несостоявшаяся Америка. Litres.
- Игошева, Т. В. (2002). Современная русская литература. Новгород.
- Капеллер, А. (2000). Россия – многонациональная империя : Возникновение. История. Распада. Москва: Традиция-Прогресс-Традиция.
- Келли, К. (2014). Гости нашего города: мигранты в самом европейском городе России. НЛО (3).
- Краснова, Т. И. (2011). Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920(22) гг.: Монография. Scientific magazine "Kontsep".
- Крыжицкий, С. (1972). Жизнь и творчество И. В. Бунина в эмиграции. In Русская литература в эмиграции. сборник статей. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур. Питтсбургского университета.
- Куприн, А. (Москва). Полное собрание сочинений: в 10 томах: Повести и рассказы. 2007: Воскресенье.
- Куприн, А. Куприн Александр. Полное собрание сочинений.
- Кучерская, М. (n.d.). Трагедия со страусами: сегодня на знаменитом «синем диване» посидит Владимир Каминер. Российская газета – федеральный выпуск №3599 .
- Лебедев, А. (2000). Современная литература русской диаспоры во Франции. НЛО (45).
- Лебедева, Н. М. (1997). Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.
- Лебедушкина, О. (2002). Русская дискотека поколения "Голф". Дружба Народов (12).
- Левин, З. (2001). Менталитет диаспоры: системные социокультурный анализ. Коафт.

- Лотман, Ю. (2015). Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). Azbuka.
- Люксембург, А. (2004). Английская проза Владимира Набокова. In Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода: в 5 томах. СПб: Симпозиум.
- Мавлевич, Н. (2008). Начало традиции. Иностранная Литература , 9.
- Матузуков, Е. П. (2016). Культурная идентичность к определению понятия. Вестник БФУ (6).
- Мельникова, Н. Г. (2002). Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. Москва: Издательство Независимая газета.
- Минеев, И. Н. (2012). Литература русского зарубежья (XX – XXI в.) учебное пособие. Петрозаводск: Издательство КГПА.
- Млечко, А. В. (2012). Русское зарубежье 1940-1960-х годов: культура и периодика. In А. И. Смирновой (Ed.), Литература русского зарубежья. Москва: Флинта.
- Мория, А. (1999). Россия встречается с Америкой. In А. Ю. Арёв, Сергей Довлатов : творчество личность судьба. СПб.
- Найман, А. (1994). Персонажи в поисках автора. Звезда (3).
- Нехорошев, М. (2000). Что пишет он в стране далекой. Звезда (6).
- Нитобург, Э. (2005). Русские в США: История и судьбы 1870-1970. Наука.
- Полторацкий, Н. (1972). Русская литература в эмиграции. Сборник статей. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур. Питтсбургского университета.
- Пронин, А. А. (2015). История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: монография. Scientific magazine "Kontsep".
- Пронин, А. А. (2012). Проблемы историографии российского зарубежья: Монография. Scientific magazine "Kontsep".
- Прохорова, И. (2014). Диаспорическое воображение и культурная идентичность. НЛО (3).

- Риндинсбахер, Х. (2006). Воображаемые и реальные путешествии Владимира Каминера. НЛО , 82.
- Рубинс, М. (2003). A. Makine, La terra et le ciel de Jacques Dorme. Новый журнал (232).
- Рубинс, М. (2004). Русско-французская проза Андрея Макина. НЛО (66).
- Савоскул, М. (2006). Миграция этнических немцев в Германию и их интеграция в общества. Вестник Московского университета (6).
- Синкевич, В. (2012). Вторая волна русской эмиграции. Новый журнал , 267.
- Скарлыгина, Е. (2008). В зеркале трех эмиграции. НЛО (93).
- Смирнова, Л. А. (1991). Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество: Кн. для учителя. Москва: Просвещение.
- Смирновой, А. И. (Ed.). (2012). Литература русского зарубежья (1920-1990) Учебное пособие. Москва: Флинта.
- Соколов, А. Г. (1999). История русской литературы. конца XIX века – начала XX века. Москва: Изд. центр Академия.
- Соколова, Е. (2003). С Востока на Запад и обратно: литература германии после объединения. Иностранная литература (9).
- Струве, Г. (1956). Русская литература в изгнании: опыт исторического образа зарубежной литературы. Нью Йорк: Издательство имени Чехова.
- Толстая, Т. (1998). Русский человек на randevу. Знамя (6).
- Федюк, В. П., & Урядова, А. В. (2006). История русской эмиграции. учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ.
- Черняк, М. А. (2008). Современная русская литература. Москва: Форум – Сага.
- Чупринин, С. (2017). Зарубежье. Litres.
- Шмелев, И. (2014). Солнце Мёртвых. Издательство Эксмо.

Труды на английском языке - :

Kaminer, W. (2002). *The Russian Disco*. London: Ebury Press.

Makine, A. (1997). *Dreams of My Russian Summer*. New York: Arcade Publishing.

Shteyngart, G. (2002). *The Russian Debutante's Handbook*. New York: Bloomsbury Publishing .

Agnew, V. (Ed.). (2005). *Diaspora, Memory and Identity – a search for home*. Toronto: University of Toronto Press.

Akhtar, S. (1999). *Immigration and Identity: Turmoil, Treatment, and Transformation*. Jason Aronson.

Alexander, D. (2005). Nabokov as a Russian Writer. In J. W. Conolly (Ed.), *The Cambridge Companion to Nabokov*. Cambridge: Cambridge University Press.

Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.

Andrews, D. (1989). Sociocultural perspective on language change in Diaspora: Soviet immigrants in the United States. Amsterdam: Benjamins.

Andreyev, C. (2004). *Russia abroad: Prague and the Russian Diaspora 1918-1938*. Connecticut: Yale University Press.

Appadurai, A. (1996). *Modernity at large - Cultural Dimensions of Globalization*. London: University of Minnesota.

Arranz, J. (2013). Re-imagining cultural identity: transcultural and translingual communication in virtual third-space environments. *Language, Culture & Curriculum* , 26 (1).

Bal, M. (1999). *Narratology: Introduction to The Theory of Narrative*. University of Toronto Press.

Banton, M. (1994). Modelling ethnic and national relations. *Ethnic and Racial Studies* , 17 (1).

Barker, C., & Galasinski, D. (2001). *Cultural studies and discourse analysis. A dialogue on language and identity*, London. London: Sage.

- Beaven, D. (1990). *Literature and Exile*. Wheatland Foundation.
- Benhabib, S. (2004). *The rights of others – Aliens, Residents and Citizens*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Benjamin, W. (1968). *The Task of the Translator* (1923). In A. Hannah (Ed.), *Illuminations,Essays & Reflections* (H. John, Trans.). New York.
- Benneth, A., & Royale, N. (2004). *An Introduction to Literature,Criticism and Theory*. Longman.
- Ben-Refael, E. (1990). *Building a Diaspora: Russian Jews in Israel,Germany and the USA*. Amsterdam: Rodopi.
- Berry, E. E., & Epstein, M. N. (1999). *Transcultural Experiments: Russian and American Models of creative Communication*. New York: Palgrave Macmillan.
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of Culture*. London & New York: Routledge.
- Billig, M. (1995). *Banal Nationalism*. Sage.
- Boelhower, W. (1982). *The Brave New World of Immigrant Autobiography*. MELUS , 9 (2).
- Boelhower, W. (1981). *The immigrant Novel as Genre*. MELUS , 3-13.
- Boym, S. (2001). *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.
- Brah, A. (1996). *Cartographies of Diaspora: contesting identities*. London & New York: Routledge.
- Brodsky, J. (1990). *The condition we call exile*. In *Literature in exile*.
- Brodsky, J. (1990). *The condition we call exile*. In J. Glad (Ed.), *Literature in exile*. Durham: Duke University Press.
- Browitt, J., & Milner, A. (2002). *Contemporary Cultural Theory*. Allen & Unwin.
- Brown, D. (2002). *The last years of Soviet Russian Literature 1975-1991*. Cambridge.
- Brubaker, R. (2005). *The "Diaspora" Diaspora*. *Ethnic and Racial Studies* , 28 (1).
- Bruner, J. (1995). *The Autobiographical Process*. *Current Sociology* , 43 (2), 161-177.

- Castle, G. (2007). *The Blackwill guide to Literary Theory*. Blackwell.
- Catriona, K., & Shepherd, D. G. (1998). *Constructing Russian culture in the age of revolution, 1881-1940*. Oxford University Press.
- Clifford, J. (1992). 'Traveling cultures' *Cultural studies*. London & New York: Routledge.
- Clifford, J., & Marcus, G. (Eds.). (1986). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. London: University of California press.
- Clowes, E. W. (2011). *Russia on the Edge: Imagined Geographies and Post-Soviet Identity*. Cornell University Press.
- Cohen, R. (1997). *Global Diasporas: An Introduction*. London: UCL Press.
- Condray, K. (n.d.). Unorthodox immigrant Autobiography in the Oeuvre of WladimirKaminer: A Twenty-First Century Model.
- Crowley, E. J. (2007). Friend or Foe? Self-expansion, Stigmatized Groups and the Researcher-Participant Relationship. *Journal of Contemporary Ethnography* , 36 (6).
- Culler, J. (1997). *Literary Theory: a very short Introduction*. Oxford.
- Danesi, M., & Perron, P. (1991). *Analyzing cultures. An introduction and handbook*. Bloomington: Indiana University Press.
- Delanty, G. (2010). *Community*. London: Routledge.
- DeParle, J. (2007, April 22). A Good Provider is One Who Leaves. *The New York Times Magazine* .
- Dianina, K. (2013). *When Art Makes News: Writing Culture and Identity in Imperial Russia*. Northern Illinois University Press.
- Dickinson, S. (2006). *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Rodopi.
- Dobrenko, E., & Balina, M. (Eds.). (2011). *Twentieth-Century Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dufoix, S. (2008). *Disporas*. (W. Rodarmor, Trans.) London: University of California Press.

- Eagleton, T. (2016). *Culture*.
- Eagleton, T. (2016). *Culture*. New Heaven,London: Yale University Press.
- Edward, J. (2009). *Language & Identity*. New York: Cambridge University Press.
- Edwards, J. (2009). *Language and Identity*. Cambridge University Press.
- Eyerman, R. *Moving Culture*. In S. Lash, & M. Featherstone (Eds.), *Spaces of Culture* (p. 116). London-New Delhi: Sage Publications.
- Fanon, F. (1986). *Black Skins,White Masks*. London: Pluto Press.
- Featherstone, M., & Lash, S. (1999). *Spaces of Culture: City, Nation, World*. London: Sage.
- Fernandez, R. (2000). *America's Banquet of Cultures: Harnessing Ethnicity, Race, and Immigration in the Twenty-First Century*. Westport.
- Fernandez, R. (2000). *Harnessing Ethnicity, Race, and Immigration in the Twenty-First Century*. Connecticut: Westport.
- Fitzgerald, N. (2003, 7 24). *For Young German Writers, All is Ich*. *New York Times* .
- Folkenfilk, R. (1993). *The Culture of Autobiography: Constructions of Self-representation*. California: Stanford University Press.
- Frame, M., Kolonitski, B. I., & Marks, S. G. (Eds.). (2014). *Russian Culture in War and Revolution, 1914-22: Political culture, identities, mentalities, and memory*. Slavica Publishers.
- Franklin, S., & Widis, E. (Eds.). (2004). *National Identity in Russian Culture:an Introduction*. Cambridge University Press.
- Gilman, S. (2006). *Becoming a Jew by Becoming a German: The Newest Jewish Writing*. *Shofar* , 25 (1).
- Gitelman, Z. (2016). *The New Jewish Diaspora: Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany*. Rutgers University Press.
- Glad, J. (1990). *Literatue in Exile*. Wheatland Foundation.

Greenleaf, M., & Moeller-Sally, S. (Eds.). *Russian Subjects: Empire, Nation, and the Culture of the Golden Age*. Northwestern University Press.

Gressgard, R. (2010). *Multicultural Dialogues: Dilemmas, Paradoxes, Conflict*. New York: Berghahn Books.

Gubbins, P., & Holt, M. (Eds.). (2002). *Beyond Boundaries: Language and Identity in Contemporary Europe*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.

Hall, S. (1990). *Cultural identity and diaspora*. London: Lawrence & Wishart.

Hall, S. (1992). *The question of cultural identity :Modernity and its futures*. Cambridge: Polity Press in association with the Open University.

Hall, S. (2003). *Who needs Identity?* In P. d. Gay, & S. Hall (Eds.), *Questions of Cultural Identity*. Sage Publication.

Hall, S. (2003). *Who needs Identity?* In S. Hall, & P. d. Gay (Eds.), *Questions of Cultural Identity*. Sage Publications.

Hall, S., & Jefferson, T. (2006). *Resistance through Rituals: Youth subcultures in post-war Britain*. London & New York: Routledge.

Hall, S., & Jefferson, T. (2006). *Resistance through Rituals: Youth subcultures in post-war Britain*. London & New York: Routledge.

Hanson, J., & Nordin, I. G. (Eds.). (2013). *Transcultural Identities in contemporary literature*. Amsterdam-New York: Rodopi.

Harutyunyan, A. (2012). *Challenging the Theory of Diaspora from the Field*. Sonderforschungsbereich.

Harutyunyan, A. (2012). *Challenging the theory of Diaspora from the Field*.

Hinghmore, B. (2016). *Culture*. London & New York: Routledge.

Hosking, G. (1996). *The Twentieth Century: in search of new ways*. In C. A. Moser (Ed.), *The Cambridge History of Russian Literature*. Revised ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Isurin, L. *Russian Diaspora. Cultural Identity and Language change*.

- Isurin, L. (2011). *Russian Diaspora: Culture, Identity and language change*. New York: De Gruyter Mouton.
- Jackson, S., & Solis, J. (1995). *Beyond comfort zones in Multiculturalism: Confronting the Politics of Privilege*. Connecticut: Westport.
- Jacobs, D. N. (1981). *Studies of the third wave: recent migration of Soviet Jews to the United States*. Westview Press.
- Jakobson, R. (2000). *On Linguistic Aspects of Translation*. In *The Translation Studies Reader*. London: Routledge.
- Jakobson, R. (2004). *On Linguistic Aspects of Translation*. In V. Lawrence (Ed.), *The Translation Studies Reader*. London and New York: Routledge .
- Jenkins, R. (2004). *Social Identity (Second ed.)*. London: Routledge.
- Kaminer, W. (2007). *Mein Leben im Schrebergarten*. Munich: Manhattan(Goldmann).
- Kaminer, W. (2002). *Russian Disco*. Ebury Press.
- Kare, J. M. (2011). *Reformulating Russia: the cultural and intellectual historiography of the Russian first wave emigre writers*. Boston.
- Karolides, N. (2006). *Banned Books.Literature Suppressed on Political Grounds*.
- Katsev, A. Y. (1998). *Social identity and Russian cultural politics: defining the historian in the pre-reform era*. Stanford University Press.
- Kaundaura, M. (2012). *Transnational culture, transnational identity: the politics and ethics of global cultural exchange*. New York: I.B Tauris.
- Kellman, S. G. (2003). *Switching Languages: Translingual Writers reflect on their craft*. Nebraska: University of Nebraska Press.
- Kellman, S. G. (2000). *The Translingual Imagination*. Nebraska: University of Nebraska Press.
- Kellman, S. G. (1991). *Translingualism and the Literary Imagination*. *Criticism* , 33 (4).

- Kostogriz, A. (2008). Transcultural literacy: between the global and the local. *Pedagogy, Culture and Society* , 16 (2).
- Kuhn, F. (2013). *Identities, Cultures, Spaces: Dialogue and Change*. Cambridge Scholars Publishing.
- Lane, D. (1991). *Soviet Society under perestroika*. Routledge.
- Lash, S., & Featherstone, M. (1999). *Spaces of Culture*. London-New Delhi: Sage Publications.
- Lawrence, V. *Translation Changes Everything: Theory and Practice*.
- Lawrence, V. (2013). *Translation Changes Everything: Theory and Practice*. London and New York: Routledge.
- Levinger, L. (2007). *A History of the Jews in the United States*. Kessinger Publications.
- Levy, A. (n.d.). *Diasporas through Anthropological Lenses: Contexts of Postmodernity . Diasporas .*
- Levy, A. (2000). *Diasporas through Anthropological Lenses: Context of Postmodernity*. *Diaspora – A Journal of Transnational studies* , 9.
- Lubrich, O. (2003). Are Russian Jews post-colonial? Wladimir Kaminer and identity politics. *East European Jewish Affairs* , 33.
- Makine, A. *Dreams of my Russian Summer*. (G. Strachan, Trans.) Arcade Publishing.
- Makine, A. *The Earth and Sky of Jacques Dorme*. (G. Strachan, Trans.)
- Makine, A. *The Earth and Sky of Jacques Dorme*. Translation – Geoffrey Strachan.
- Marsh, R. J. (2007). *Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991-2006*. Peter Lang.
- Monsell, M. (1981). Transcultural experience and expressive response. *Communication Education* , 30 (2).
- Moses, J. W. (2006). *International Migration – Globalization’s last frontier*. Canada: Fernwood Publishing Ltd.

- Naylor, L. L. (1997). *Cultural Diversity in the United States*. Connecticut: Westport.
- Niezen, R. (2008). *A world beyond difference: Cultural identity in the age of globalization*. New Jersey: John Wiley & Sons.
- Nunan, D., & Choi, J. (Eds.). (2010). *Language and Culture: Reflective Narrative and the Emergence of Identity*. London & New York: Routledge.
- Petra, P. (2007). Identity, immigration and first language attrition. In B. Kopke (Ed.), *Language Attrition: Theoretical perspective*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Philosophy of Literature : Contemporary and Classic readings*. (2004). Blackwell.
- Pilkington, H. (1998). *Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia*. London & New York: Routledge.
- Pilkington, H. (1994). *Russia's youth and its Culture: a nation's constructors and constructed*. Routledge.
- Porter, C. (2014). *A Companion to translation Studies*. Wiley Blackwell.
- Prescher, P. Identity, Immigration and First Language Attrition. In *Language attrition" Theoretical perspective*.
- Reis, N. (1997). *Russian Talk: Culture and Conversation During Perestroika*. Cornell University Press.
- Robertson, R. (2010). *Glocalization: Time-space and Homogeneity-heterogeneity in Readings in globalization: Key concepts and major debates*. USA: Wiley-Blackwell P.
- Rutherford, J. (Ed.). (1990). *Identity: community, culture, difference*. London: Lawrence & Wishart.
- Rzvesky, N. (2005). *An Anthology of Russian Literature from Earliest Writings to Modern Fiction: Introduction to a Culture*. M E Sharpe.
- Rzvesky, N. (2012). *The Cambridge Companion to Modern Russian Culture*. Cambridge University Press.

- Safran, W. (1991). *Diaspora in Modern Societies: Myths of homeland and return*. Edinburg: Edinburg University Press.
- Sell, J. P. (2004). Intercultural Allusion in Transcultural Identity Narratives. *Language and Intercultural Communication* , 4 (1-2).
- Shatz, M. (1980). *Soviet dissent in historical perspective*. Cambridge.
- Sheffer, G. (2003). *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sheffer, G. (Ed.). (1986). *Modern Diasporas in International Politics*. Croom Helm.
- Shroyer, M. D. (2015). *An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry*. Routledge.
- Shteyngart, G. *The Russian Debutant's Handbook*. USA: Penguin.
- Singleton, A. C. (1997). *Noplace Like Home: The Literary Artist and Russia's Search for Cultural Identity*. Suny Press.
- Smolicz, J. J. (1981). Core Values and Cultural Identity. *Ethnic and Racial Studies* , 4 (1).
- Smolicz, J. J. (1991). Language core values in a multicultural setting: An Australian experience. *International Review of Education* , 37 (1).
- Smorodinskaya (Ed.). (2013). *Encyclopedia of Contemporary Russian Culture*. Routledge.
- Steiner, L. (2011). *For Humanity's Sake: The Bildungsroman in Russian Culture*. University of Toronto Press.
- Sturrock, J. (1993). Theory versus Autobiography. In R. Folkenfilk, *The Culture of Autobiography: Constructions of Self-representation* (pp. 21-37). California: Stanford University Press.
- Taras, R. (2012). *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*. Routledge.
- Terras, V. (1996). The Twentieth Century. In C. A. Moser (Ed.), *The Cambridge History of Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Wachtel, A. (1990). *The Battle for childhood: Creation of Russian Myth*. California: Stanford University Press.
- Walton, D. (2008). *Introducing cultural studies. Learning through practice*. London: Sage.
- Wanner, A. (n.d.). *Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora*.
- Wanner, A. (2011). *Out of Russia: Fiction of a New Translingual Diaspora*. Evanston: Northwestern University Press.
- Wanner, A. (2008). Russian Hybrids: Identity in the Translingual Writings of Andreï Makine, Wladimir Kaminer, and Gary Shteyngart. *Slavic Review* , 67 (3).
- Wanner, A. (2005). Wladimir Kaminer: A Russian Picaro Conquers Germany. *The Russian Review* , 64 (4).
- Wanner, A. (2005). Wladimir Kaminer: A Russian Picaro Conquers Germany. *Russian Review* .
- Webster, W. (1998). *Imagining Home – Gender, “Race” and National Identity*. London: UCL Press.
- Welch, W. (1999). *Transculturality: The Puzzling Form of Cultures Today*. London : Sage.
- Welsch, W. (1999). *The Puzzling Form of Cultures Today*. In M. Featherstone (Ed.), *Spaces of Culture: City, Nation, World / Ed.and S. Lash. — L., 1999*. London.
- Williams, R. (1983). *Keywords : a Vocabulary of Culture and Society*. New York: Oxford University Press.
- Williams, R. (1958). Moving from High Culture to Ordinary Culture. In N. Mackenzie (Ed.), *Convictions* (p. 122). London: MacGibbon & Kee.
- Wong, S.-l. C. (1998). Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach. In S. Smith, & J. Watson (Eds.), *Women, Autobiography, Theory : A Reader*. Madison.
- Wyse, D. (2012). Place-related identity, texts, and transcultural meanings. *British Educational Research Journal* , 38 (6).

Wyse, D. (2012). Place-related identity, texts, and transcultural meanings. *British Educational Research Journal* , 38 (6).

Сайты :

Бобышев, Д. (n.d.). Последний мамонт. Встречи и разговоры с Игорем Чинновым.
<http://www.thetimejoint.com/taxonomy/term/3097> .

Земская, Е. А. (2001). Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования. *Русский язык в научном освещении* (<http://philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm#1>.) (1).

Злобина, М. (1996). В поисках утраченных мгновений: Андрей Макин. Французское завещание. *Новый Мир* (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/10/sarkn-pr.html) (10).

Русский «Гонкур». Огонёк (<https://www.kommersant.ru/doc/2300802>) , 21.

Baser, B., & Toivanen, M. (2017). Politicized and depoliticized ethnicities, power relations and temporality: insights to outsider research from comparative and transnational fieldwork. *Ethnic and Racial Studies*
(<http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2017.1348530>) .

Brombert, V. (August 17,1997). Torn Between Two Languages. *New York Times*
(<http://www.nytimes.com/books/97/08/17/reviews/970817.17brombet.html>) .

Fishman, B. (2003, 9 3). An Interview with Wladimir Kaminer. *The Online Magazine for International Literature* (<http://www.wordswithoutborders.org/article/an-interview-with-wladimir-kaminer>) .

Rodriguez, M. L. (2016). Polish migrant mothers accommodating London; practising transcultural citizenship. *Ethnic and Racial Studies*
(<http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2017.1308525>) .

<http://dovlatov.chkebelski.de/>, (retrieved on 22.3.2015)

<http://www.sergeidovlatov.com/> (retrieved on 18.3.2015)

<http://www.dovlatov.org.ru/> (retrieved on 18.3.2015)

<http://russia-ic.com/people/general/d,106/> (retrieved on 18.3.2015)

en.wikipedia.org/wiki/Russian_disapora, (retrieved on 22.5.2017)

www.pseudology.org/Literature/LiteratureZarubezhya.pdf, (retrieved on 11.11.2016)
http://world.lib.ru/k/kim_nikolaewich/3019.shtml, (retrieved on 21.11.2016)
<http://www.library.ru/2/lit/sections.php>. (retrived on 13.5.2015)
http://royallib.ru/book/dovlatov_servey/filial.html
<http://ricolor.org/rz/amerika/ar/ist/3/> (retrieved on 21.11.2016)
<http://lib.ru/DOWLATOW/> (retrieved on 21.11.2016)
(<http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2017.1308525>)
<http://www.thetimejoint.com/taxonomy/term/3097> .
<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21-pr.html>
<http://magazines.russ.ru/interpoezia/2007/4/gr12-pr.html>
<http://philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm#1> (retrived on 17/2/2016)
http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/10/sarkn-pr.html (retrived on 12/2/2015)
<http://magazines.russ.ru/oz/2014/6/14k-pr.html> (retrived on 12/2/2015)
<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m-pr.html> (retrived on 15/2/2016)
<https://www.kommersant.ru/doc/2300802> (retrived on 20/5/2017)
<http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2017.1348530> (retrived on 21/5/2017)
<http://www.wordswithoutborders.org/article/an-interview-with-wladimir-kaminer> (retrieved on 21/5/2017)
Генис, А. (2010). Третья волна: примерка свободы. Звезда (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21-pr.html>.) (5).
Матич, О. (2014). Литература третьей волны: границы, идеология, язык (пер. с англ. Д. Харитоновна). НЛО (<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m-pr.html>), 3 (127).
Китаев, В. (2014). Солженицын в восприятии Шмемана. Отечественные записки (<http://magazines.russ.ru/oz/2014/6/14k-pr.html>) .